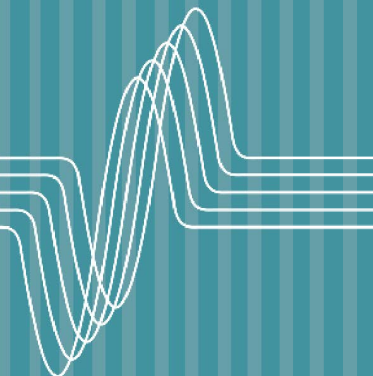
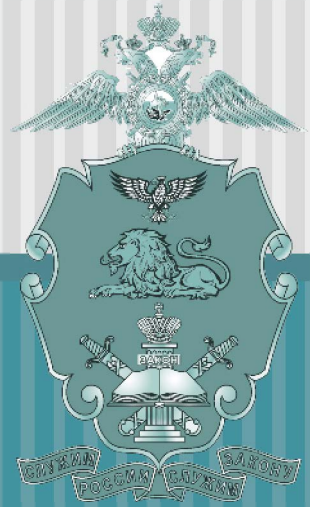

ISSN 2313-5646

4' 2024

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2024. № 4.

Учредитель и издатель:

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Гусев В.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)

Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)

Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никуленко А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Пономарева В.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Красноярск)

Россинский С.Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Степкин Р.М., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Черняков С.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Шульженко Н.И.

Редактор: Шаповал О.И.

Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.

Сдано в набор 22.11.2024

Подписано к печати 26.11.2024

Дата выхода в свет 29.11.2024

Формат 60x84/8

Объем 13,1 усл. печ. л.

Набор компьютерный. Бумага офисная.

Печать цифровая. Заказ № 75.

Цена: бесплатно. Тираж: 43.

16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2024. № 4.

The founder and the publisher:
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology
and Mass Media (Roskomnadzor).
Registration number: Series PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Vladimir A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Mikhail S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)

Vladimir P. Kamyshansky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)

Alexander V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Olga V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)

Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)

Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)

Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Alexander V. Maksimenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)

Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Andrey V. Nikulenko, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

Ekaterina A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Valeria V. Ponomareva, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk, Russia)

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)

Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)

Yury N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)

Roman M. Stepkin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)

Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Sergey A. Chernyakov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Natalia I. Shulzhenko

Editor: Olga I. Shapoval

Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva

It is handed over in a set 22.11.2024

It is passed for the press 26.11.2024

Date of publishing 29.11.2024

Format 60x84/8

Volume 13,1 printer's sheets

Typing. Office paper. Digital printing.

Order № 75. Price: free of charge.

Printed copies: 43.

16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

The address of the publisher and edition: 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

Contact phone: (4722) 51-71-35; fax: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- ДИЗЕР О.А., ЕВТУШЕНКО В.И.** 4 **DIZER O.A., EVTUSHENKO V.I.**
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ
ПРИНЦИПОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL
PRINCIPLES IN LEGISLATION
- ЩЕПАЛОВ С.В.** 9 **SHCHEPALOV S.V.**
СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ
ОЦЕНКЕ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ
В РАМКАХ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В
КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ
JUDICIAL DISCRETION IN ASSESSING THE
INSIGNIFICANCE OF AN ADMINISTRATIVE
OFFENSE IN THE FRAMEWORK OF LAW
ENFORCEMENT IN CRISIS SITUATIONS
- КОСЫРЕВ Е.В.** 15 **KOSYREV E.V.**
ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И
НАРУШЕНИЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ
ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE
PREVENTION OF OFFENSES AND VIOLATIONS
OF MANDATORY REQUIREMENTS
- ПАНФИЛОВА О.В., СТОЛБИНА Л.В.** 22 **PANFILOVA O.V., STOLBINA L.V.**
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ
НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА, В СФЕРЕ
МИГРАЦИИ
ADMINISTRATIVE OFFENSES AND CRIMES
COMMITTED AT TRANSPORT FACILITIES IN
THE FIELD OF MIGRATION
- ЧЕРТУШКИН С.О.** 28 **CHERTUSHKIN S.O.**
ОПТИМИЗАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПОСРЕДСТВОМ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ И
ИНФОРМАТИЗАЦИИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА
КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ
ПРАВОСУДИЯ
OPTIMIZATION OF LEGAL PROCEEDINGS
THROUGH THE TECHNOLOGIZATION
AND INFORMATIZATION OF THE JUDICIAL
PROCESS AS A WAY TO INCREASE THE
ACCESSIBILITY OF JUSTICE
- АМЕЛИНА Т.А.** 37 **AMELINA T.A.**
ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
THE PRIORITY DIRECTION OF IMPROVING
THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE
RESPONSIBILITY OF MINORS

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

- РОССИНСКИЙ С.Б.** 43 **ROSSINSKIY S.B.**
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
НУЖНО ЛИ ВОЗРОЖДАТЬ СУДЕБНЫХ
СЛЕДОВАТЕЛЕЙ?
REFLECTIONS ON THE PROSPECTS FOR THE
DEVELOPMENT OF RUSSIAN PRELIMINARY
INVESTIGATION: IS IT NECESSARY TO REVIVE
JUDICIAL INVESTIGATORS?
- КОБЕЦ П.Н.** 49 **KOBETS P.N.**
ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ,
СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ К ИХ
РЕШЕНИЮ
ISSUES OF LIABILITY FOR ACTS COMMITTED
USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE
TECHNOLOGIES: PROBLEMS AND
APPROACHES TO THEIR SOLUTION

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ШАМСУНОВ С.Х., АГАРКОВ А.В.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

56 SHAMSUNOV S.KH., AGARKOV A.V.
MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF THE THEORY OF OPERATIONAL SEARCH
ACTIVITIES: STATEMENT OF THE PROBLEM

ВИНОГРАДОВА О.П.
ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК КЛЮЧЕВОЙ
ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ ПОСРЕДСТВОМ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

62 VINOGRADOVA O.P.
THE IDENTITY OF THE CRIMINAL AS A
KEY ELEMENT OF THE CRIMINALISTIC
CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED
THROUGH THE USE OF INFORMATION AND
TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

КИЛИМБАЕВ Р.В.
ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ТЕОРИЙ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СОДЕРЖАНИИ
ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

69 KILIMBAEV R.V.
REFLECTION OF THE MAIN THEORIES OF
CRIMINAL PUNISHMENT IN THE CONTENT OF
THE CURRENT CRIMINAL LEGISLATION

ТАМБОВЦЕВ А.И.
ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ
ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ НЕГЛАСНОСТИ В
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

76 TAMBOVTSEV A.I.
DETERMINANTS AND PREREQUISITES OF
THE PRIVATE THEORY OF SECRECY IN
OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

БОРИЧЕВ К.В.
О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО
ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ЯДЕРНЫЙ
ТЕРРОРИЗМ» И «БИОЛОГИЧЕСКИЙ
ТЕРРОРИЗМ»

84 BORICHEV K.V.
ABOUT THE NEED FOR LEGISLATE THE
CONCEPTS OF «THE NUCLEAR TERRORISM»
AND «THE BIOTERRORISM»

ДОВГАНЬ М.А.
ФОРМЫ РЕАЛЬНОГО УЩЕРБА В
УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

93 DOVGAN M.A.
FORMS OF REAL DAMAGE IN CRIMINAL LAW

КАРПУШИНА А.В.
ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ
ДАННЫХ

100 KARPUSHINA A.V.
PRIORITY AREAS OF LEGAL REGULATION OF
BIOMETRIC PERSONAL DATA

СОВЕТОВА М.В.
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

106 SOVETOVA M.V.
CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE
REHABILITATION OF NAZISM

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ****IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL PRINCIPLES
IN LEGISLATION**

УДК 342.92+343.36

О.А. ДИЗЕР,кандидат юридических наук
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
oadizer-24@mail.ru**OLGA A. DIZER,**Candidate of Law
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)**В.И. ЕВТУШЕНКО,**доктор юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород,
77712@live.ru)**VLADIMIR I. EVTUSHENKO,**Doctor of Law
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина при отправлении справедливого правосудия. В частности, уделяется внимание вопросам межотраслевой интеграции законодательства, а также принципам права, делается акцент на элементах, без которых справедливое правосудие невозможно. Аргументируется на основе правоприменительной практики необходимость изменения действующего законодательства. По мнению авторов, подобные предложения значительно расширят существующие гарантии прав и свобод человека и гражданина при применении в отношении них сотрудниками полиции мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, а также в вопросах отправления справедливого правосудия. Предлагается предусмотреть возможность межотраслевой интеграции оперативно-разыскного и уголовного законодательства. В статье предложена авторская позиция по общеправовым принципам. Дана оценка проблемным вопросам, требующим детальной проработки, а также отмечены негативные моменты административного усмотрения, затронуты вопросы судебного усмотрения. Рассматриваются основные проблемы, связанные с сущностным пониманием провокации преступления, определением ее признаков, отграничением ее от законно проводимого оперативно-разыскного мероприятия. На основе комплексного анализа сложившегося положения дел формулируются предложения по совершенствованию правовой регламентации и индивидуализации наказания.

Ключевые слова: беспристрастность, равенство, полиция, правосудие, принципы административного права, права и свободы, провокация преступления, справедливость.

Для цитирования: Дизер О.А., Евтушенко В.И. Реализация конституционных принципов в законодательстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 4–8.

Abstract: the article deals with problematic issues of ensuring human and civil rights and freedoms in the administration of fair justice. In particular, attention is paid to the issues of intersectoral integration of legislation, as well as the principles of law, emphasis is placed on the elements without which fair justice is impossible. The necessity of changing the current legislation is argued on the basis of law enforcement practice. According to the authors, such proposals will significantly expand the existing guarantees of human

and civil rights and freedoms when police officers apply measures against them to ensure proceedings in cases of administrative offenses, as well as in matters of the administration of fair justice. It is proposed to provide for the possibility of intersectoral integration of operational investigative and criminal legislation. The article proposes the authors' position on general legal principles. The assessment of problematic issues requiring detailed study is given, as well as the negative aspects of administrative discretion are noted, issues of judicial discretion are raised. The main problems related to the essential understanding of the provocation of a crime, the definition of its signs, and its separation from a legally conducted operational investigative event are considered. Based on a comprehensive analysis of the current state of affairs, proposals are formulated to improve the legal regulation and individualization of punishment.

Keywords: impartiality, equality, police, justice, principles of administrative law, rights and freedoms, provocation of crime, justice.

For citation: Dizer O.A., Evtushenko V.I. Implementation of constitutional principles in legislation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 4–8.

История борьбы с преступностью содержит примеры, когда в периоды послаблений в вопросах подбора кадрового состава соответствующих ведомств страну заполняли громкие дела, где использовалась провокация как действенный метод расследования преступлений. Это было связано прежде всего с тем, что состав сотрудников сыска пополнялся лицами, не обладающими необходимым опытом и компетенциями в вопросах избобличения преступников, по причине чего низкий уровень профессионализма приводил к различного рода злоупотреблениям [1, с. 75–76].

В настоящее время ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹, предусматривающая уголовную ответственность только за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, содержится в главе, посвященной преступлениям против правосудия.

Правосудие чаще всего символично отождествляется с собирательным образом двух богинь – древнегреческой Фемиды и древнеримской Юстиции, которыми для отправления правосудия неизменно использовались три характерных символа: повязка на глазах как знак беспристрастности, меч как символ возмездия, наличие же весов в руке богини символизирует равновесие и справедливость в вопросах правосудия.

Возможно предположить, что последний символ нашел свое отражение в принципах права, таких как справедливость и равенство всех перед законом, закрепленных в нормативных правовых актах. Само понятие «принцип» в переводе с латинского языка (*principium*) означает «начало, основа, происхождение, первопричина». Так, на-

пример, принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ, гласит, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны... соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного», и во второй части законодателем отмечается, что «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Так, например, согласно точке зрения А.В. Бриллиантова и Н.И. Крюковой, справедливость является «очень емким понятием, включающим в себя многие факторы» [2, с. 25]. К.А. Сыч, характеризуя принцип справедливости, отмечал: «Принцип справедливости, положенный в основание законодательной модели регулирования общественных отношений, должен предполагать такой правовой порядок, в котором нашлось бы место вопросу восстановления нарушенных прав и интересов потерпевшего, возмещения морального, физического, имущественного и иного вреда последнему» [3, с. 204].

Не вызывает сомнения и тот факт, что понятие справедливости затрагивает сферу нравственности [4] и неразрывно связано с установлением ответственности и наказания. При этом возникает ряд спорных вопросов, находящихся в плоскости определения границ индивидуализации ответственности лица, совершившего противоправное деяние. Данная проблема возникает ввиду демаркационной размытости при определении пределов резерва обстоятельств, способных значительно смягчить ответственность и наказание лица, совершившего виновное деяние, либо вообще освободить его от ответственности [5].

Исходя из этого, необходимым условием отправления справедливого правосудия является правильная юридическая оценка и точная квалификация деяния в соответствии со статьей УК РФ.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Затрагивая вопросы принципов права, необходимо отметить, что они не всегда способны регулировать все юридические отношения.

Так, например, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ, Кодекс) обозначен только один общеправовой принцип – принцип равенства перед законом (ст. 1.4)², который гласит, что лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения и т.д.

Анализ административно-правовой доктрины, действующего законодательства об административной ответственности и практики его применения позволяет выделить общие принципы административного права: законность; равенство всех перед законом; приоритет прав и свобод человека и гражданина; гласность; презумпция невиновности; ответственность; федерализм; гуманизм; разделение властей; разумность и необходимость; справедливость и соразмерность. Необходимо отметить, что на данных принципах базируется административно-правовое регулирование, однако перечень обозначенных принципов и их содержание в административном праве не является полным и требует конкретизации ввиду возникающих сложностей в доктринальном осмыслении и транслировании общих и отраслевых принципов административного права и в их практическом значении для государственного управления и в вопросах правоприменения и судопроизводства.

Однако здесь необходимо акцентировать внимание на принципе, занимающем центральное место, – приоритете прав и свобод человека и гражданина. Это один из важнейших принципов любого правового государства. Он является общеправовым, закрепленным в ст. 2 Конституции Российской Федерации³, и раскрывается через отношения «общество – государство – личность», где обязанностью государства является соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а также признание его прав и свобод критерием деятельности государственной власти и основой содержания и применения российского законодательства.

Так, принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина находит свое отражение в ст. 3 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыск-

ной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»)⁴. Отметим, что данный принцип является общим принципом деятельности полиции и закреплен в ст. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁵.

Главенство интересов личности логично вытекает и из норм административного права. Между тем нельзя не согласиться с точкой зрения В.Е. Севрюгина, справедливо отметившего, что пробелы в доктринальном осмыслении и правовом решении проблемы о системе общих и отраслевых принципов административного права оказывают негативное влияние на систему исполнительной власти и государственного управления: «Эти негативные тенденции проявляются в неоправданном росте государственного управленческого аппарата, его бюрократизме, формализме и волоките, стремительном росте коррупции во всех эшелонах власти» [6, с. 165].

Чаще всего усмотрение рассматривается как коррупционный фактор. Вполне логично, что правовое регулирование в вопросах, затрагивающих ограничения основных прав и свобод граждан, требует более тщательной аргументации, при этом нельзя упускать из виду и публичный интерес, являющийся признаком административного усмотрения.

Необходимо отметить, что административное усмотрение является вполне естественным явлением в правоприменении, так как оно свойственно как администрации, так и органам правосудия.

Тот факт, что глаза Фемиды закрывает повязка, является своего рода символом беспристрастного правосудия, «слепого» к регалиям и положению лиц, в отношении которых осуществляется правосудие.

Так, например, в феврале 2016 г. прошел суд в отношении полицейского, признанного в Ижевске «лучшим по профессии», сфальсифицировавшего результаты оперативно-розыскных мероприятий в отношении 52-летнего мужчины. По сфальсифицированным материалам было возбуждено уголовное дело, а непричастный к преступлению мужчина заключен под стражу. Уголовное преследование в отношении гражданина продолжалось девять месяцев. Как сообщили в пресс-службе МВД по Удмуртской Республике, 6 октября 2016 г. полицейский был

² Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 25.12.2023) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 14.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

уволен за совершение проступка, порочащего честь сотрудника внутренних дел⁶.

Принцип беспристрастности – это обязательное условие надлежащего осуществления правосудия. Между тем он не только заключается в том, что судья должен быть свободен от каких-либо предпочтений, предубеждений, но и требует объективности в принимаемых решениях. Судьи своей интеллектуально-практической волевой деятельностью в ходе интерпретации правовых норм обеспечивают законность и беспристрастность правоприменительной деятельности.

По внутреннему убеждению производится и оценка судом доказательств. Однако при всей свободе их оценки никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Необходимо отметить, что ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) также содержит указание на то, что результаты оперативно-разыскной деятельности могут быть использованы в процессе доказывания⁷. На данный момент и Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях обратил внимание и разъяснил, что результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона – то есть так, как это предписывается ч. 1 ст. 49 и ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации. В определениях отмечено, что на основании результатов оперативно-разыскной деятельности возможно не только подтвердить, но и поставить под сомнение или опровергнуть сам факт преступления, что имеет существенное значение для разрешения вопроса об уголовном преследовании или отказе от него⁸.

Не вызывает сомнений и тот факт, что согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации определяющим смыслом законодательной деятельности, а также основной функцией правосу-

дия всегда является соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Между тем в действующем законодательстве существует ряд вопросов, требующих настоящего решения для нивелирования проблем, возникающих при осуществлении правосудия.

Безусловно, провокация должна быть запрещена под угрозой наказания: прямой запрет содержится и в ст. 5 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако этого недостаточно для того, чтобы не допустить провокацию преступления – должно быть единство в подходах по вопросу об отличии оперативного сопровождения от провокации преступления [7]. Данную проблему возможно решить только путем легального закрепления понятия провокация преступления [8, с. 38–40].

Третьим и последним символом является находящийся в руках Фемиды обоюдоострый меч, который ассоциируется с возмездием и высшей справедливостью.

Н.С. Таганцев отмечал: «Наказание падает на преступника за совершенное им преступное деяние с проявленными в нем субъективными и объективными элементами, и карательные меры должны иметь свойство применимости к особенностям отдельного деяния, должны обладать свойствами видоизменяемости или гибкости, способностью индивидуализироваться» [9, с. 98].

Действительно, одно дело, когда наказание применяется к лицу, преступившему закон, а другое – когда закон нарушается должностным лицом, которое из ложно понятых интересов службы или каких-либо личных интересов нарушает конституционные права граждан на справедливое судебное разбирательство, что, в свою очередь, приводит к падению авторитета правоохранительных органов и всей системы правосудия.

При рассуждении по данному вопросу особую ценность представляет точка зрения профессора В.Ф. Луговика, отметившего, что «оперативно-розыскное законодательство должно обеспечивать равную оперативно-розыскную доступность к выявлению и документированию преступной деятельности лиц, независимо от их правового статуса» [10, с. 124].

Таким образом, вполне логично для достижения справедливого правосудия вести речь об устранении существующих законодательных пробелов, а также о межотраслевой интеграции уголовного и оперативно-розыскного законодательства.

⁶ В Ижевске «лучший по профессии» полицейский получил срок за подброс наркотиков [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4179576>

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. № 1182-О, № 1183-О, № 1184-О; от 27 июня 2017 г. № 1419-О; от 28 июня 2018 г. № 1468-О; от 29 января 2019 г. № 71-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2023).

В заключение отметим, что в зависимости от направления и распространенности выделяют три сферы принципов права: межотраслевые принципы, отраслевые принципы, общеправовые принципы. Между тем в самих изображе-

ниях Фемиды и Юстиции древними греками и римлянами заключен ответ, на чем должно зиждиться правосудие: справедливость, равенство, беспристрастность и индивидуализация наказания.

Литература

---

1. **Мастерков А.А.** Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: дис. ...канд. юрид. наук. – Владивосток, 2000. – 184 с.
2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – Москва: Проспект, 2010. – 702 с.
3. **Сыч К.А.** Уголовное наказание и его состав: теоретико-методологические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2001. – 408 с.
4. **Дизер О.А.** Общественная нравственность в структуре общественного порядка и роль правовых средств в ее охране // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 1 (39). – С. 8–14. – EDN YGXVYV.
5. **Дизер О.А.** Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70. – EDN TNIVHD.
6. **Северюгин В.Е.** Роль конституционных принципов административного права в повышении эффективности государственного управления / Конституция и жизнь современного общества: сборник научных статей. – Тюмень – Екатеринбург: Цицеро, 2015. С. 164–167.
7. Теоретические основы формирования отрасли полицейского права / О. И. Бекетов, А. А. Вакутин, О. А. Дизер [и др.]. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – 168 с. – EDN RBVVSG.
8. **Дизер О.А.** Проблема провокации преступления (по материалам судебно-следственной практики) / Уголовное право и оперативно-разыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики: материалы VIII Международной научно-практической конференции / под ред. Г.В. Щербакова, Г.С. Шкабина. Ч. 1. – Москва: Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2022. С. 34–40.
9. **Таганцев К.С.** Русское уголовное право. Лекция. Часть общая: в 2 т. – Москва: Наука, 1994. Т. 1. – 414 с.
10. **Луговик В.Ф.** Реализация конституционного принципа справедливости в оперативно-розыском законодательстве / Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: материалы VII международной научно-практической конференции. – Омск: Омская академия МВД России, 2023. С. 120–124.

References

---

1. **Masterkov A.A.** Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty provokatsionnoy deyatel'nosti: dis. ...kand. yurid. nauk. – Vladivostok, 2000. – 184 s.
2. Ugolovnoye pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik / pod. red. A.V. Brilliantova. – Moskva: Prospekt, 2010. – 702 s.
3. **Sych K.A.** Ugolovnoye nakazaniye i ego sostav: teoretiko-metodologicheskiye aspekty issledovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Ryazan', 2001. – 408 s.
4. **Dizer O.A.** Obshchestvennaya nrvstvennost' v strukture obshchestvennogo poryadka i rol' pravovykh sredstv v ee ohrane // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika. – 2017. – № 1 (39). – S. 8–14. – EDN YGXVYV.
5. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya ohrana obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoy bezopasnosti v usloviyah formirovaniya cifrovogo prostranstva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (89). – S. 63–70. – EDN TNIVHD.
6. **Sevryugin V.E.** Rol' konstitutsionnykh principov administrativnogo prava v povyshenii effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya / Konstituciya i zhizn' sovremennogo obshchestva: sbornik nauchnykh statej. – Tyumen' – Ekaterinburg: Cicero, 2015. S. 164–167.
7. Teoreticheskiye osnovy formirovaniya otrasli policejskogo prava / O. I. Beketov, A. A. Vakutin, O. A. Dizer [i dr.]. – Omsk: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2019. – 168 s. – EDN RBVVSG.
8. **Dizer O.A.** Problema provokatsii prestupleniya (po materialam sudebno-sledstvennoj praktiki) / Ugolovnoye pravo i operativno-razysknaya deyatel'nost': problemy zakonodatel'stva, nauki i praktiki: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. G.V. Shcherbakova, G.S. Shkabina. Ch. 1. – Moskva: Nauchno-issledovatel'skij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy Rossijskoj Federacii, 2022. S. 34–40.
9. **Tagancev K.S.** Russkoe ugolovnoye pravo. Lekciya. Chast' obshchaya: v 2 t. – Moskva: Nauka, 1994. T. 1. – 414 s.
10. **Lugovik V.F.** Realizatsiya konstitutsionnogo principa spravedlivosti v operativno-rozysknom zakonodatel'stve / Realizatsiya Konstitucii Rossijskoj Federacii: sostoyaniye i perspektivy: materialy VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2023. S. 120–124.

(статья сдана в редакцию 28.06.2024)

**СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ ОЦЕНКЕ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РАМКАХ
ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ**

**JUDICIAL DISCRETION IN ASSESSING THE INSIGNIFICANCE
OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE IN THE FRAMEWORK OF LAW
ENFORCEMENT IN CRISIS SITUATIONS**

УДК 34

С.В. ЩЕПАЛОВ,
кандидат юридических наук, доцент
(Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, Москва)
schepalov@mail.ru

STANISLAV V. SHCHEPALOV,
Candidate of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о влиянии чрезвычайных административно-правовых режимов на усмотрение суда при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Формулируется вывод о том, что, с одной стороны, правосудие не должно впадать в зависимость от внутренней политики публичной администрации, с другой стороны, действуя от имени социума, судебная власть не должна оставаться безучастной к возникшим для общества угрозам. В связи с этим тот баланс частных и публичных интересов, на который ориентировано судебное усмотрение в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), приобретает в кризисных для страны ситуациях тенденцию к смещению в сторону интересов социума. В качестве примера приводится судебная оценка малозначительности правонарушений, предусмотренных ст. 6.3, 18.8 и 20.3.3 КоАП РФ.

Автор констатирует, что в период действия режима повышенной готовности, введенного во время пандемии COVID-19, проявился более строгий подход к оценке общественной вредности нарушений санитарных норм. В связи с агрессией стран Запада после начала специальной военной операции в ст. 20.3.3 КоАП РФ введена административная ответственность за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов страны. Подобные правонарушения, выявляемые при противодействии «информационной войне» Запада, как правило, также не признаются малозначительными. Аналогично проявилась строгость в применении ст. 2.9 КоАП РФ и к нарушениям миграционного режима после активизации нелегальной миграции в 2023 г.

Ключевые слова: судебное усмотрение, административная юрисдикция, административно-правовой режим, судебная власть, административное правонарушение, малозначительность.

Для цитирования: Щепалов С.В. Судебное усмотрение при оценке малозначительности административного правонарушения в рамках правоприменения в кризисных ситуациях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 9–14.

Abstract: the article considers the issue of the influence of emergency administrative and legal regimes on the discretion of the court when considering cases of administrative offenses. The conclusion is formulated that, on the one hand, justice should not become dependent on the internal policy of the public administration, on the other hand, acting on behalf of society, the judiciary should not remain indifferent to the threats that have arisen for society. In this regard, the balance of private and public interests, which judicial discretion is focused on within the framework of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (hereinafter – the Administrative Code of the Russian Federation), acquires a tendency to shift towards the interests of society in crisis situations for the country. As an example, a judicial assessment of the insignificance of the offenses provided for in Articles 6.3, 18.8 and 20.3.3 Administrative Code of the Russian Federation.

The author states that during the period of the high alert regime introduced during the COVID-19 pandemic, a more rigorous approach to assessing the public harmfulness of violations of sanitary standards was manifested. In connection with the aggression of Western countries after the start of a special military operation, Article 20.3.3 of the Administrative Code of the Russian Federation introduced administrative responsibility for discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the country. As a rule, such offenses detected in countering the «information war» of the

West are also not recognized as insignificant. Similarly, strictness was manifested in the application of Article 2.9 of the Administrative Code of the Russian Federation to violations of the migration regime after the intensification of illegal migration in 2023.

Keywords: judicial discretion, administrative jurisdiction, administrative and legal regime, judicial authority, administrative offense, insignificance.

For citation: Shchepalov S.V. Judicial discretion in assessing the insignificance of an administrative offense in the framework of law enforcement in crisis situations // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 9–14.

В последние годы приобрели особую актуальность вопросы применения права в рамках особых административно-правовых режимов. Такие режимы вводятся в кризисных ситуациях и именуются различными терминами: экстраординарные [1], специальные [2] и особые [3]. С.А. Старостин охарактеризовал их как чрезвычайные и отнес к ним режимы чрезвычайного положения, военного положения, контртеррористической операции, чрезвычайной ситуации (далее – ЧС) и повышенной готовности, особого положения, изоляции и карантина. Ученый подчеркнул, что в рамках управления в условиях кризисной ситуации первым этапом является оперативное реагирование на нее, вторым – чрезвычайное управление, третьим – ликвидация ЧС [4]. Режим специальной военной операции (далее – СВО) также упоминается как особый правовой режим [3], хотя высказываются и суждения, что в условиях проведения СВО действуют иные режимы – чрезвычайного и военного положения [5].

В 2020-х гг. условия жизни страны и внешнеполитические реалии изменились не в лучшую сторону. Поэтому вопросы применения права в условиях административно-правовых режимов, вводящихся в кризисных ситуациях, требуют дополнительного осмысления. Тем более, как отметил А.Ф. Ноздрачев, нет ни одного сколько-нибудь значимого сегмента общественных отношений, который не подпадал бы под действие административно-правовых режимов: это и конституционные права, и свободы граждан; отношения социально-экономического характера; отношения, связанные с обеспечением общественной, государственной безопасности, и др. [6].

Чрезвычайные режимы затрагивают не только непосредственно управленческую, но и судебную деятельность. Однако здесь возникает противоречие. С одной стороны, нельзя отрицать, что все ветви власти должны быть задействованы в преодолении кризиса, в котором оказалась страна, с другой стороны, понятия «чрезвычайное правосудие» или «чрезвычайный суд» неприемлемы для правового государства. Даже

в дореволюционную эпоху Н.С. Таганцев критиковал такой введенный в отдельных местностях империи режим, как положение усиленной или чрезвычайной охраны. Классик отмечал, что меры административных взысканий в таких местностях «так близко граничат с наказаниями в тесном смысле, что теоретическое и практическое отделение их друг от друга представляется почти невозможным, а потому нельзя не сказать, что... у нас власти судебные и административные далеко еще не размежевались» [7, с. 601].

В силу ч. 3 ст. 118 Конституции Российской Федерации создание чрезвычайных судов не допускается. Данное положение воспроизведено в ст. 4 Федерального конституционного закона Российской Федерации (далее – ФКЗ РФ) «О судебной системе Российской Федерации» и развито в ст. 35 ФКЗ РФ «О чрезвычайном положении»: учреждение каких-либо форм или видов чрезвычайных судов, а равно применение любых форм и видов ускоренного или чрезвычайного судопроизводства не допускается. Это считается аксиомой для судебного правоприменения, поскольку только такой подход позволяет гарантировать соблюдение прав граждан при осуществлении судопроизводства [8]. Нормы ст. 16 ФКЗ РФ «О военном положении» [9] и ст. 1 ФКЗ РФ «О военных судах» истолковываются как запрещающие учреждать какие-либо формы или виды чрезвычайных судов (например, военно-полевых судов, военных или республиканских трибуналов) и применять любые формы и виды упрощенного судопроизводства во время военного положения [10].

Тем не менее признается, что судебная защита прав граждан в период чрезвычайного и военного положения обладает спецификой [11]. И эта специфика нуждается в изучении. Чрезвычайный режим не должен приводить к деформации процессуальных форм правосудия. Но в то же время суды, представляющие ветвь государственной власти, не могут игнорировать угрозу, которая встала перед страной и вызвала введение такого режима.

Судебное правоприменение в условиях специального административно-правового режима осуществляется в соответствии с федеральным законодательством. Вместе с тем оно приобретает особенности в дискреционном аспекте. Этот момент можно проиллюстрировать на примере производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции. Именно это судебное производство более всего взаимосвязано с ограничительными мерами, которые вводятся в ходе чрезвычайного государственного управления.

Судебное усмотрение в административно-юрисдикционной деятельности отличается от административного усмотрения. Инспектор назначает административное наказание на основе своего видения норм и ценностей, которые отражают приоритеты государственного управления и направления внутренней политики публичной власти. Судья же принимает решение на основе собственного видения общего спектра общепризнанных социальных норм общества, в контексте которых подлежит применению законодательство [12].

Тем не менее судебное усмотрение не реализуется изолированно от условий жизни общества. Устанавливаемый судом баланс частных и публичных интересов, применительно к конституционной юстиции, был охарактеризован В.Д. Зорькиным как «динамический баланс конституционных ценностей» [13]. Это высказывание справедливо и для судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях. Динамизм такого баланса предполагает не стагнацию судебной практики и ее консерватизм, несмотря на вызовы времени, а ее отзывчивость и адаптацию, но в разумной мере.

Практикующим юристам известно, что массовая правонарушаемость в определенной сфере (нетрезвое вождение, организация несанкционированных публичных мероприятий и др.) влечет некоторое ужесточение подхода судебной власти к оценке административной наказуемости. Так, в 2013 г. в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 было включено разъяснение, что правонарушения, предусмотренные ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ, ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными. Попытки отдельных правоохранительных структур к созданию видимости выявления большого количества правонарушений, напротив, побуждают к жизни новые дискреционные подходы судей к борьбе с искусственной множественностью правонарушений, в частности объединение дел в одно производство, прекращение производства по «дублирующим» делам и др. В условиях же чрезвычайных

административно-правовых режимов в судебной практике наблюдается следующая закономерность. Та точка баланса социальных ценностей, на которую ориентируется судебное усмотрение, проявляет тенденцию к смещению от прав частных лиц к интересам социума в целом. Такой подход порой кажется заявителям формальным и не соответствующим нормам Конституции Российской Федерации о правах человека. Это объяснимо, поскольку доводы жалоб на постановления административных органов, которые еще недавно признавались обоснованными, в условиях кризиса подвергаются иной оценке. В частности, суды могут выражать несколько большее доверие к собранной административными органами доказательственной базе, чаще воздерживаться от применения чч. 2.2 и 3.2 ст. 4.1, ст. 4.1.1 КоАП РФ, назначая наказание «ниже низшего». Наиболее же заметной особенностью, на наш взгляд, является то, что *правонарушения, выявляющиеся в рамках чрезвычайного государственного управления, признаются малозначительными лишь в исключительных случаях.*

Ст. 2.9 КоАП РФ связывает малозначительность правонарушения с общими категориями и апеллирует к дискреционной оценке обстоятельств конкретного дела. Вместе с тем, если правонарушение посягает на порядок кризисного государственного управления, суды, как правило, усматривают в нем признаки малозначительности лишь в самых очевидных случаях. В литературе обсуждаются прецеденты, когда подобные правонарушения признаются малозначительными [14], тем не менее чаще доводы о малозначительности отклоняются. Так, во время введенного в 2020 г. в связи с пандемией режима повышенной готовности в КоАП РФ были введены новые составы – ст. 20.6.1 и ч. 2 ст. 6.3. Первая категория дел была связана, как правило, с невыполнением обязанности по ношению гигиенических масок в общественных местах, вторая – с несоблюдением режима самоизоляции и размещением на Едином портале государственных услуг результатов ПЦР-теста после прибытия из-за рубежа. Можно встретить объемную судебную практику, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, где просьбы о прекращении производства по делу на основании ст. 2.9 КоАП РФ не получали удовлетворения¹. Судебные акты мотивировались тем, что оценка малозначительности должна соотноситься с характером и степенью общественной опасности, причинением вреда

¹ См., например: постановления Верховного Суда Российской Федерации от 17.07.2023 № 18-АД23-12-К4, от 03.07.2023 № 1-АД23-3-К3, от 30.08.2021 № 47-АД21-7-К6 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

либо с угрозой его причинения, чего по делу не усматривается². Указывалось, что совершенное деяние представило собой существенное нарушение общественных отношений в области обеспечения здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения³. Указанный правовой подход был рельефно выражен в постановлении Пятого кассационного суда общей юрисдикции (далее – КСОЮ) от 09.08.2021, отменившего акты нижестоящих судов о прекращении производства по делу. В постановлении было изложено: «...факт отрицательного результата лабораторного исследования методом ПЦР правового значения в рамках настоящего дела... не имеет, так как введенные меры борьбы, направленные на нераспространение коронавирусной инфекции, связаны прежде всего с обеспечением общественной безопасности... требования о сообщении состояния здоровья в течение 3 календарных дней с момента прибытия на территорию Российской Федерации призваны незамедлительно и оперативно установить состояние здоровья въезжающих в Россию из зарубежных стран и сдержать проникновение коронавирусной инфекции и ее распространение внутри страны»⁴.

В 2022 г. страна вновь столкнулась с серьезной угрозой – военной агрессией со стороны Запада. После начала в соответствии с постановлением Совета Федерации от 22.02.2022 о специальной военной операции в КоАП РФ была введена ст. 20.3.3 КоАП РФ, установившая ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан. По делам данной категории также предметом судебного рассмотрения являются доводы о малозначительности содеянного. Такие доводы подвергаются всестороннему обсуждению, но, как правило, отклоняются. В качестве мотивов указывается, что нарушение выражено в ряде публикаций дискредитирующего характера⁵ и совершено намеренно.

² Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2022 № 16-8105/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.09.2021 № 16-5461/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.08.2021 № 16-1753/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: решения Верховного Суда Республики Карелия от 17.08.2022 № 12-124/2022; № 12-121/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Встречаются и более весомые правовые позиции. Так, судьей Верховного Суда Республики Бурятия было прекращено производство по делу на основании ст. 2.9 в связи с пожилым возрастом правонарушителя (85 лет) и тем, что его листовки содержали преимущественно критику власти, обусловленную отсутствием у гражданина жилья. Восьмой КСОЮ отменил решение. Была изложена позиция о том, что подобные публичные действия содержат существенную угрозу охраняемым общественным отношениям, что не позволяет признать правонарушение малозначительным и освободить лицо от ответственности⁶.

На фоне обострившейся внешнеполитической ситуации в 2023 г. потребовалось ужесточение и миграционного режима. Участились столкновения между мигрантами и гражданами Российской Федерации, увеличился трафик незаконной миграции, в том числе с использованием территории России в транзитных целях для следования в страны Евросоюза. В связи с этим активизировалась работа миграционных органов, что повлекло увеличение количества поступающих в суды дел по ст. 18.8 и 18.10 КоАП РФ.

В судебной практике Республики Карелия практически не встречается случаев признания таких правонарушений малозначительными. Принимается во внимание опасность нарушений миграционного режима для правопорядка страны. Приводятся суждения о том, что использование территории России в транзитных целях вопреки заявленной цели въезда не может быть признано малозначительным нарушением миграционного законодательства⁷. В научной литературе также признается, что нарушения в сфере миграционного учета суды, как правило, малозначительными не признают [15].

Применение ст. 2.9 КоАП РФ, как и многих иных его норм (ст. 4.1.1, 26.11 и др.), неизбежно связано с дискреционными суждениями. И они, как показывает практика, формулируются через призму административно-правового режима, если правонарушение посягает на порядок чрезвычайного государственного управления. Подобные правовые позиции судебных инстанций могут вызывать неоднозначную реакцию, и, разумеется, судебная

⁶ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2024 № 16-1392/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., например, решения Верховного Суда Республики Карелия от 02.02.2024 № 12-12/2024; от 02.02.2024 № 12-14/2024; от 02.02.2024 № 12-30/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

практика, должна совершенствоваться. Вместе с тем настоящей статьей автор хотел не подытожить правовые позиции, а, напротив, поставить вопрос о том, что феномен судебного усмотрения в рамках КоАП РФ нуждается в осмыслении во взаимосвязи с административно-правовым режимом, на фоне которого осуществляется судебное правоприменение. Важно проработать критерии и меру изме-

нения дискреционной оценки обстоятельств дела в условиях кризисного правоприменения, чтобы судебная власть сохраняла независимость, но не в ущерб социальной ценности правосудия. Однако с определенностью можно утверждать, что судебная власть, очевидно, не должна оставаться безучастной к внешней угрозе для страны, от имени которой она осуществляет правосудие.

Литература

---

1. **Зырянов С.М.** Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 72–81.
2. **Шурухнова Д.Н., Комовкина Л.С.** Особенности реализации специальных административно-правовых режимов в деятельности органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 2. – С. 138–142.
3. **Глухов Е.А.** Пределы правового регулирования военно-служебных отношений // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – № 1. – С. 22–38.
4. **Старостин С.А.** Чрезвычайные административно-правовые режимы: монография. – Москва: Проспект, 2022. – 111 с.
5. **Дюкарев В.В., Мигачева Е.В.** О значимости специального правового режима для эффективности государственного управления // Безопасность бизнеса. – 2023. – № 4. – С. 32–35.
6. **Ноздрачев А.Ф., Стародубова О.Е.** Административно-правовые режимы: современное содержание и тенденции развития // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 146–153.
7. **Таганцев Н.С.** Курс уголовного права, читанный в Императорском Санкт-Петербургском университете. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. – 380 с.
8. **Абдрашитов В.М., Джамбалаев Я.Р., Епифанов А.Е. [и др.]** Комментарий к Федеральному конституционному закону от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. **Дикарев И.С.** Об основаниях функционирования военных судов в судебной системе Российской Федерации // Российская юстиция. – 2020. – № 7. – С. 31–33.
10. **Петров М.И.** Комментарий к Федеральному конституционному закону «О военных судах Российской Федерации» (постатейный). – Москва: Юсти-цинформ, 2008. – 200 с.
11. **Брежнев О.В.** Судебная защита конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в условиях чрезвычайного и военного положения // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 12. – С. 23–27.
12. **Щепалов С.В.** Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административно-юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – № 3. – С. 297–312.
13. Интервью Председателя Конституционного Суда Зорькина В.Д. // Российская газета. – 2005. – № 3948.
14. **Каляшин А.В.** Новеллы административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в условиях пандемии коронавируса (COVID-19) // Административное право и процесс. – 2020. – № 8. – С. 63–67.
15. **Шестакова Е.В.** Осуществление миграционного учета // Сложные вопросы изменений трудового законодательства в 2022 году [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

---

1. **Zyryanov S.M.** Ekstraordinarnye (spetsial'nye) administrativno-pravovye rezhimy: ponyatie i obosnovanie neobkhodimosti vvedeniya // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2016. – № 4. – S. 72–81.
2. **Shurukhnova D.N., Komovkina L.S.** Osobennosti realizatsii spetsial'nykh administrativno-pravovykh rezhimov v deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. – 2017. – № 2. – S. 138–142.
3. **Glukhov E.A.** Predely pravovogo regulirovaniya voenno-sluzhebnykh otnoshenii // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2024. – № 1. – S. 22–38.
4. **Starostin S.A.** Chrezvychainye administrativno-pravovye rezhimy: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2022. – 111 s.
5. **Dyukarev V.V., Migacheva E.V.** O znachimosti spetsial'nogo pravovogo rezhima dlya effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya // Bezopasnost' biznesa. – 2023. – № 4. – S. 32–35.
6. **Nozdrachev A.F., Starodubova O.E.** Administrativno-pravovye rezhimy: sovremennoe sodержanie i tendentsii razvitiya // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2016. – № 9. – S. 146–153.
7. **Tagantsev N.S.** Kurs ugolovnogo prava, chitanniy v Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete. – Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1902. – 380 s.
8. **Abdrashitov V.M., Dzhambalaev Ya.R., Epifanov A.E. [i dr.]** Kommentarii k Federal'nomu konstitutsionnomu zakonu ot 30 maya 2001 g. № 3-FKZ «O chrezvychainom polozhenii» (postateinyi) [Elektronnyi resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
9. **Dikarev I.S.** Ob osnovaniyakh funktsionirovaniya voennykh sudov v sudebnoi sisteme Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskaya yustitsiya. – 2020. – № 7. – S. 31–33.

-
-
10. **Petrov M.I.** Kommentarii k Federal'nomu konstitutsionnomu zakonu «O voennykh sudakh Rossiiskoi Federatsii» (postateinyi). – Moskva: Yustitsin-form, 2008. – 200 s.
11. **Brezhnev O.V.** Sudebnaya zashchita konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh chrezvychainogo i voennogo polozheniya // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2010. – № 12. – S. 23–27
12. **Shchepalov S.V.** Ob istokakh administrativnogo i sudebnogo usmotreniya v rossiiskoi administrativno-yurisdiktsionnoi deyatel'nosti // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2023. – № 3. – S. 297–312.
13. Interv'yu Predsedatelya Konstitutsionnogo Suda Zor'kina V.D. // Rossiiskaya gazeta. – 2005. – № 3948.
14. **Kalyashin A.V.** Novelly administrativnoi otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva v oblasti obespecheniya sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v usloviyakh pandemii koronavirusa (COVID-19) // Administrativnoe pravo i protsess. – 2020. – № 8. – S. 63–67.
15. **Shestakova E.V.** Osushchestvlenie migratsionnogo ucheta // Slozhnye voprosy izmenenii trudovogo zakonodatel'stva v 2022 godu [Elektronnyi resurs]. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
-
-

(статья сдана в редакцию 10.08.2024)

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И НАРУШЕНИЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE PREVENTION OF OFFENSES AND VIOLATIONS OF MANDATORY REQUIREMENTS

УДК 342.9

Е.В. КОСЫРЕВ,

кандидат юридических наук
(Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, Москва)
kosirev.evg@yandex.ru

EVGENY V. KOSYREV,

Candidate of Law
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье изучаются особенности правового регулирования профилактики правонарушений, с одной стороны, и нарушений обязательных требований – с другой. Ставится вопрос: возможно ли регулирование порядка осуществления двух данных видов деятельности одним нормативным правовым актом? Для иллюстрации неоднозначности этого вопроса приводятся в пример различные нормативные правовые акты, принимаемые как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на уровне муниципальных образований, материалы судебной практики, мнения авторов.

На основании исследования федеральных нормативных правовых актов, определяющих порядок осуществления различных видов контроля, а также муниципальных программ, принятых в сфере профилактики правонарушений, делается вывод, что профилактика как правонарушений, так и нарушения обязательных требований осуществляется в соответствии с различными нормативными правовыми актами. Тем не менее, в соответствии с нормативными правовыми актами о профилактике правонарушений могут реализовываться управленческие решения органов публичной власти по профилактике тех нормативных правовых актов, положения которых составляют предмет какого-либо вида контроля или надзора и профилактика нарушений которых также реализуется в соответствии с законодательством о контроле и надзоре.

Ключевые слова: профилактика, обязательные требования, правонарушения, соотношение, органы местного самоуправления, благоустройство.

Для цитирования: Косырев Е.В. Вопросы правового регулирования профилактики правонарушений и нарушений обязательных требований // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 15–21.

Abstract: the article examines the features of the legal regulation of the prevention of offenses, on the one hand, and violations of mandatory requirements, on the other. The question is raised: is it possible to regulate the procedure for carrying out these two types of activities by one regulatory legal act? To illustrate the ambiguity of this issue, various normative legal acts adopted both at the level of subjects of the Russian Federation and at the level of municipalities, materials of judicial practice, opinions of the authors are given as an example.

Based on the study of federal and municipal regulatory legal acts that define the procedure for implementing various types of control and programs adopted in the field of crime prevention, we can conclude that the prevention of both crimes and violations of mandatory requirements is carried out in accordance with these regulatory legal acts. However, in accordance with normative legal acts on crime prevention, management decisions by public authorities can be taken to prevent those regulatory legal acts whose provisions are subject to some kind of control or supervision and the prevention of which is also carried out in accordance with legislation on control and supervision.

Keywords: prevention, mandatory requirements, offenses, ratio, local governments, landscaping.

For citation: Kosyrev E.V. Issues of legal regulation of the prevention of offenses and violations of mandatory requirements // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P.15–21.

Рассмотрим особенности правового регулирования управленческих решений органов публичной власти, направленных, с одной стороны, на профилактику правонарушений, осуществляемую в соответствии с Федеральным законом от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон № 182-ФЗ)¹, а с другой – управленческих решений, направленных на профилактику нарушений обязательных требований и рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, осуществляемых в рамках Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон № 294-ФЗ)² и Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ)³.

Законом № 182-ФЗ устанавливается правовая и организационная основа действующей в России системы профилактики правонарушений, под которыми в данном законе понимаются как преступления, так и административные правонарушения, мы также в данной статье будем следовать этому пониманию правонарушений. Законы № 248-ФЗ и № 294-ФЗ помимо регулирования отношений в области организации и осуществления государственного контроля и надзора и муниципального контроля также устанавливают и основы осуществления профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям и нарушений обязательных требований в рамках данной деятельности. Далее будет использоваться единое понятие «профилактика нарушений обязательных требований».

Главный вопрос, на который необходимо дать ответ: возможно ли применение положений Закона № 182-ФЗ и Законов № 248-ФЗ и 294-ФЗ во взаимосвязи с целью как профилактики возможных правонарушений, так и профилактики нарушений обязательных требований?

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3851.

² Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6249.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5007.

Ответ может показаться однозначным, так как в п. 3.2 Стандарта комплексной профилактики рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям (далее – Стандарт) указано, что должностным лицам органов исполнительной власти при осуществлении работы по профилактике нужно следовать специализации соответствующего правового регулирования и учитывать, что нормативной правовой основой профилактического направления деятельности органов государственного контроля (надзора), муниципального контроля служит исключительно Закон № 294-ФЗ и издаваемые в соответствии с ним правовые акты⁴. Отметим, что Закон № 248-ФЗ в этом случае не указан, так как на момент разработки данного Стандарта еще не был принят. В данном пункте Стандарта отмечается, что Закон № 182-ФЗ имеет специфические предмет, субъекты профилактического воздействия, цели, отличные профилактические меры, соотносимые с деятельностью правоохранительных органов, и осуществляемая контрольно-надзорными органами профилактика нарушения обязательных требований им не регламентируется.

Однако можно привести в пример нормативные правовые акты, принимаемые в целях профилактики нарушений обязательных требований, которые основаны сразу на двух Законах: № 182-ФЗ и 248-ФЗ. Так, в п. 2 Программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении регионального государственного надзора в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в Новосибирской области на 2024 год указывается, что она разработана в целях реализации Закона № 248-ФЗ и Закона № 182-ФЗ⁵.

В данном нормативном правовом акте дается ссылка на ст. 7 и 29 Закона № 182-ФЗ, в которых указывается на возможность разработки государственных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений как документов стратегического планирования. Встает вопрос: правомерно ли относить Программу

⁴ Стандарт комплексной профилактики рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям (утв. Протоколом заседания проектного комитета по основному направлению стратегического развития Российской Федерации «Реформа контрольной и надзорной деятельности» от 27.03.2018 № 2 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 15.01.2023).

⁵ Программа профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (утв. приказом Министерства жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Новосибирской области 19.12.2023 № 223-НПА) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации Новосибирской области. – URL: <http://www.nsopravо.ru>

профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям к разновидности документов стратегического планирования? Тем не менее, можем привести иные аналогичные примеры⁶.

Интересно, что в некоторых случаях даже нормативные правовые акты, определяющие порядок реализации положений ст. 29.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который предоставляет возможность выдачи представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, также принимаются на основании рассматриваемых законов⁷.

Нет единообразия к подходу «корреляции» норм изучаемых законов и у судов. Так, можно встретить судебные решения, в которых доказывается, что предостережение, установленное ст. 49 Закона № 248-ФЗ, воздействует на законные права и интересы лиц, в отношении которых оно выдается, на основании ч. 3 ст. 20 Закона № 182-ФЗ, указывающей на возможность привлечения к ответственности лица, которому было объявлено предостережение, в случае неисполнения изложенного в нем требования⁸.

Однако в иных судебных решениях указывается, что предостережение, направляемое в порядке Закона № 248-ФЗ, отлично от официального предостережения, направляемого в порядке Закона № 182-ФЗ⁹.

⁶ Постановление Администрации муниципального образования «Бряндинское сельское поселение» Чердаклинского района Ульяновской области от 10.11.2023 № 45 «Об утверждении программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении муниципального контроля в сфере благоустройства на территории муниципального образования «Бряндинское сельское поселение» Чердаклинского района Ульяновской области на 2024 год» // Бряндинский вестник. – 2023. – № 8.

⁷ Распоряжение Комитета по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности Правительства Санкт-Петербурга от 10.07.2019 № 369-р «Об утверждении Порядка внесения представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, и перечня категорий должностных лиц, уполномоченных вносить представления» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. – URL: <http://www.gov.spb.ru/>

⁸ См., например: постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2023 по делу № А12-5834/2023; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.09.2023 по делу № А06-1748/2023; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2023 по делу № А60-68214/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2023 по делу № А75-11870/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Также и Д.И. Зайков, сравнивая институты предостережения, содержащиеся в Законах № 182-ФЗ и 294-ФЗ, указывает на разницу между институтами предостережения, предусмотренными этими законами, из чего следует невозможность совместного их применения [1, с. 131–138].

Перейдем к рассмотрению мнения авторов по изучаемому вопросу и разделим их на несколько групп. Вначале укажем на тех, кто считает, что Закон № 182-ФЗ и Законы № 248-ФЗ и № 294-ФЗ вместе применяться не могут. Так, Д.Р. Амиров и С.А. Ищенко отмечают, что деятельность по профилактике, осуществляемая органами, уполномоченными на проведение государственного контроля (надзора) или муниципального контроля в рамках определенного контроля (надзора), не регулируется нормами Закона № 182-ФЗ. Авторы также сетуют на то, что данное обстоятельство порождает определенные вопросы, так как оно отдельно не оговорено в соответствующих федеральных законах [2, с. 129–140]. Е.А. Сунцова и С.А. Правкин еще до принятия Закона № 248-ФЗ указывали, что профилактическая модель предупреждения правонарушений в сфере предпринимательства уже работает на основе Закона № 294-ФЗ [3, с. 67–71], не упоминая при этом о Законе № 182-ФЗ.

Отдельно выделим мнение Е.Н. Смирновой, которая отмечает, что профилактика нарушений обязательных требований – это элемент профилактики правонарушений в Российской Федерации, и что закрепленные в Законах № 294-ФЗ и № 248-ФЗ нормы, устанавливающие порядок профилактики нарушений обязательных требований, являются специальными по отношению к положениям, содержащимся в Законе № 182-ФЗ, регулирующим профилактику правонарушений в Российской Федерации [4, с. 46–47].

Другие авторы, сравнивая положения изучаемых законов, видят возможность применения их к одним и тем же отношениям. Н.В. Субанова полагает, что исходные моменты и терминологический аппарат Закона № 182-ФЗ и законодательства о государственном контроле (надзоре) не согласованы между собой [5, с. 60–77]. Из этого можно сделать вывод, что данный автор считает возможным применение указанного закона и Законов № 248-ФЗ и 294-ФЗ во взаимосвязи.

По мнению А.А. Берндт, при осуществлении профилактики нарушений правил розничной продажи алкогольной продукции может применяться как Закон № 182-ФЗ, так и Закон № 248-ФЗ. Однако они будут применяться разными субъектами: например, Росалкогольтабакконтролем при осуществлении контроля в данной

сфере будет применяться Закон № 248-ФЗ, а участковым уполномоченным полиции – Закон № 182-ФЗ [6, с. 59–64].

П.В. Смолин, рассматривая различные формы мер профилактики правонарушений в области дорожного движения, выделяет как те, которые содержатся в Законе № 182-ФЗ, так и содержащиеся в Законе 248-ФЗ [7, с. 348–350]. К сожалению, автор не конкретизирует применение данных законов к определенным видам контроля и надзора в области дорожного движения. Тем не менее, как метко подмечает С.М. Зырянов, вывод надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований по безопасности дорожного движения из-под действия Закона № 248-ФЗ освобождает органы контроля (надзора) многих обременительных для них профилактических мероприятий [8, с. 28–32].

В то же время М.В. Анисифорова при анализе особенностей профилактики преступлений и административных правонарушений, осуществляемой органами внутренних дел Российской Федерации из изучаемых нами законов, указывает исключительно на Закон 182-ФЗ [9, с. 50–53].

Как видим, однообразие по исследуемому вопросу в научной среде нет. Мы же считаем, что управленческие решения органов публичной власти, принимаемые на основании положений Закона № 182-ФЗ и Законов № 248-ФЗ и № 294-ФЗ для профилактики правонарушений и профилактики нарушения обязательных требований, могут использоваться для профилактики нарушений и тех же норм права, однако во взаимодействии они применяться не могут. Подтвердим свою точку зрения следующими примерами.

Так, положения Закона № 182-ФЗ могут применяться к профилактике правонарушений в достаточно разнообразных областях общественной жизни, лучше всего это можно показать на примере законов субъектов Российской Федерации, принятых в развитие положений указанного Закона. Закон Забайкальского края «Об отдельных вопросах профилактики правонарушений в Забайкальском крае» предусматривает особенности профилактики правонарушений в следующих сферах: оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, дорожного движения, семейно-бытовых отношений, обеспечения правопорядка и общественной безопасности, экономики¹⁰. В иных субъектах отдельно выделяются правонарушения против

собственности¹¹, на транспорте¹², связанные с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции и т.д.¹³

Отметим, что в некоторых из указанных сфер контроль осуществляется в соответствии с положениями Закона № 248-ФЗ, например Федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения, а также региональный государственный контроль (надзор) в области розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции. Чтобы показать, что профилактика нарушения правовых норм, являющихся предметом данных видов контроля, осуществляется также и на основании Закона № 182-ФЗ, разберем программы в сфере профилактики правонарушений, но принятые уже на уровне муниципальных образований.

Так, в перечне мероприятий программы Целинного муниципального округа Курганской области «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Целинном муниципальном округе на 2022–2025 гг.», утвержденной постановлением администрации этого муниципального образования от 03.03.2022 № 50 и принятой в соответствии с Законом № 182-ФЗ, содержатся такие мероприятия, как организация работы по получению информации о фактах незаконной реализации алкогольной продукции, а также осуществление профилактических мероприятий по выявлению фактов продажи алкогольной продукции несовершеннолетним с обязательным реагированием и принятием соответствующих мер процессуального характера¹⁴.

В связи с этим отметим, что в соответствии с федеральным законодательством контроль соблюдения требований к розничной продаже алкогольной продукции является предметом регионального государственного контроля (надзора) в области розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции, который осуществляется в соответствии с Законом

¹¹ Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005 243-З 493-III «О профилактике правонарушений в Республике Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. – 2005. – № 35.

¹² Закон Карачаево-Черкесской Республики от 14.05.2015 № 12-РЗ «О профилактике правонарушений в Карачаево-Черкесской Республике» // Официальная среда. – 2015. – № 12 (114).

¹³ Закон Костромской области от 27.11.2017 № 306-6-ЗКО «О профилактике правонарушений в Костромской области» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

¹⁴ Программа Целинного муниципального округа Курганской области «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Целинном муниципальном округе на 2022–2025 гг.» // Муниципальный вестник. – 2022. – № 03 (355).

¹⁰ Закон Забайкальского края «Об отдельных вопросах профилактики правонарушений в Забайкальском крае» (принят Законодательным Собранием Забайкальского края 14.03.2018 № 1569-ЗЗК) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

№ 248-ФЗ¹⁵, значит, и профилактические мероприятия при осуществлении данного вида контроля применяются на основании данного закона.

Отметим, что Закон № 182-ФЗ закрепляет десять форм профилактического воздействия, а органы местного самоуправления уполномочены на осуществление всего четырех из них, тем не менее, данный закон содержит открытый перечень мер реализации основных направлений профилактики правонарушений, что и было продемонстрировано выше. Эта особенность анализируемого акта предоставляет широкий простор для административного усмотрения [10, с. 272–284], что делает возможным осуществлять профилактическое воздействие более гибко и повышает его эффективность.

Также и в Звериноголовском муниципальном округе Курганской области осуществляются меры профилактики нарушений нормативных правовых актов в соответствии с Законом № 182-ФЗ, которые являются предметом федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения, реализуемого в соответствии с Законом № 248-ФЗ¹⁶.

Аналогично в городском округе «Город Южно-Сахалинск» Сахалинской области осуществляются меры, направленные на профилактику нарушений нормативных правовых актов, которые являются предметом муниципального контроля в сфере благоустройства в данном муниципальном образовании¹⁷.

Также отметим, что профилактика нарушений правил благоустройства осуществляется органами местного самоуправления с применением стимулирующих мер. Так, постановлением администрации Гагинского муниципального округа Нижегородской области от 27.06.2023 № 820 на основании Закона № 182-ФЗ утверждено Положение о порядке поощрения граждан, оказавших содействие администрации Гагинского муниципального округа в выявлении лиц, совершивших правонарушения. При этом в данном положении указаны такие правонарушения, как нанесение граффити на фасады многоквартирных домов и иных зданий муниципального образования, порча элементов благоустройства на общественных территориях и т.д.¹⁸ И это не единичный случай¹⁹.

Интересен опыт Архаринского муниципального округа Амурской области, где функционирует оперативный штаб по сбору и анализу информации о ситуации в сфере золотодобывающей деятельности: одной из его основных задач является рассмотрение, а также представление информации о фактах нарушения требований законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования золотодобывающими предприятиями²⁰. Такие штабы сформированы и в ряде иных муниципальных образований Амурской области, что обусловлено развитием золотодобычи в этом

¹⁵ Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4553.

¹⁶ Постановление администрации Звериноголовского муниципального округа Курганской области от 02.10.2023 № 343 «О муниципальной программе Звериноголовского муниципального округа Курганской области «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Звериноголовском муниципальном округе Курганской области» // Вестник Звериноголовского муниципального округа. – 2023. – № 11 (115); постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1101 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 28 (ч. II). – Ст. 5531.

¹⁷ Постановление администрации Южно-Сахалинска Сахалинской области от 24.11.2023 № 3537-па «Об утверждении муниципальной программы «Профилактика правонарушений, обеспечение общественного порядка в городском округе «Город Южно-Сахалинск» на 2024–2030 годы» // Южно-Сахалинск сегодня. – 2023. – № 71; Решение городской думы города Южно-Саха-

линка Сахалинской области от 24.06.2015 № 177/12-15-5 «Правила благоустройства территории городского округа «Город Южно-Сахалинск» // Южно-Сахалинск сегодня. – 2015. – № 43; Решение Городской Думы города Южно-Сахалинска Сахалинской области от 22.12.2021 № 801/35-21-6 «О Положении о муниципальном контроле в сфере благоустройства на территории городского округа «Город Южно-Сахалинск» // Южно-Сахалинск сегодня. – 2021. – № 70.

¹⁸ Официальный сайт органов местного самоуправления Гагинского муниципального округа Нижегородской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://gagino.52gov.ru>

¹⁹ Постановление Администрации Шатковского муниципального округа Нижегородской области от 30.10.2023 № 1218 «Об утверждении положения о порядке поощрения граждан, оказавших содействие администрации Шатковского муниципального округа Нижегородской области в выявлении лиц, совершивших правонарушения» [Электронный ресурс] // Официальный портал Шатковского муниципального округа Нижегородской области. – URL: <https://shatki.52gov.ru>.

²⁰ Постановление Администрации Архаринского муниципального округа Амурской области от 12.05.2023 № 422 «О создании оперативного штаба Архаринского муниципального округа по сбору и анализу информации о ситуации в сфере золотодобывающей деятельности на территории Архаринского муниципального округа» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Архаринского муниципального округа Амурской области. – URL: <http://admarhara.amurobl.ru>

регионе²¹. Отметим, что контроль соблюдения законодательства в данных сферах осуществляется в соответствии с законом № 248-ФЗ²².

²¹ См., например: постановление Администрации Мазановского района Амурской области от 15.03.2021 № 79 «О создании оперативного штаба Мазановского района по сбору и анализу информации о ситуации в сфере золотодобывающей деятельности на территории Мазановского района» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Мазановского района Амурской области. – URL: <https://mazadm.amurobl.ru/>; постановление Администрации Магдагачинского района Амурской области от 08.07.2021 № 389 «О создании координационного штаба по контролю за организацией добычи золота и исполнению Протокола заседания координационного совещания по обеспечению правопорядка на территории Амурской области от 29 апреля 2019 года № 39» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Магдагачинского района Амурской области. – URL: <https://magdadm.amurobl.ru/>

²² Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133; Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 10. – Ст. 823.

Подводя итог, повторим и расширим наш вывод о том, что при осуществлении управленческих решений органами публичной власти, направленных на профилактику нарушений обязательных требований при осуществлении контрольно-надзорной деятельности, возможно использовать только Законы № 294-ФЗ и № 248-ФЗ, тем не менее в соответствии с Законом № 182-ФЗ могут применяться меры, направленные на профилактику нарушений положений нормативных правовых актов, которыми установлены такие обязательные требования, однако они будут осуществляться не в рамках контрольно-надзорной деятельности и иными субъектами, исходя из чего отметим, что во взаимосвязи данные законы применяться не могут, даже несмотря на то, что в Законе № 182-ФЗ установлена фактически открытость правовой основы системы профилактики правонарушений.

Литература

1. **Зайков Д.Е.** Предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований: проблемы правоприменения // Российский юридический журнал. – 2021. – № 4. – С. 131–138.
2. **Амиров Д.Р., Ищенко С.А.** Использование института официального предостережения в отношении носителей правовых иммунитетов // Журнал российского права. – 2023. – № 12. – С. 129–140.
3. **Сунцова Е.А., Правкин С.А.** Становление института административного контроля (надзора) в рамках модели профилактики нарушений обязательных требований // Вестник Академии следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 67–71.
4. **Смирнова Е.Н.** Административно-правовое регулирование профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора): дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2022. – 246 с.
5. **Субанова Н.В.** Проблемы обеспечения законности в сфере функционирования разрешительной системы // Журнал российского права. – 2022. – № 6. – С. 60–77.
6. **Берндт А.А.** Общая профилактика розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетнему // Безопасность бизнеса. – 2022. – № 2. – С. 59–64.
7. **Смолин П.В.** Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2023. – 530 с.
8. **Зырянов С.М.** Государственный контроль (надзор) в сфере дорожного движения в новой регуляторной политике // Безопасность дорожного движения. – 2023. – № 1. – С. 28–32.
9. **Анисифорова М.В.** Концептуальные подходы к совершенствованию нормативного правового регулирования деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений // Административное право и процесс. – 2023. – № 11. – С. 50–53.
10. **Зайцев Д.И.** Генеалогия административного усмотрения // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20. – № 3. С. 272–284.

References

1. **Zaikov D.E.** Predosterezhenie o nedopustimosti narusheniya obyazatel'nykh trebovaniy: problemy pravoprimeneniya // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. – 2021. – № 4. – S. 131–138.
2. **Amirov D.R., Ishchenko S.A.** Ispol'zovanie instituta ofitsial'nogo predosterezheniya v otnoshenii nositelei pravovykh иммунитетов // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2023. – № 12. – S. 129–140.
3. **Suntsova E.A., Pravkin S.A.** Stanovlenie instituta administrativnogo kontrolya (nadzora) v ramkakh modeli profilaktiki narushenii obyazatel'nykh trebovaniy // Vestnik Akademii sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii. – 2020. – № 2. – S. 67–71.
4. **Smirnova E.N.** Administrativno-pravovoe regulirovanie profilaktiki narushenii obyazatel'nykh trebovaniy pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora): dis. ... kand. yurid. nauk. – Nizhnii Novgorod, 2022. – 246 s.
5. **Subanova N.V.** Problemy obespecheniya zakonnosti v sfere funktsionirovaniya razreshitel'noi sistemy // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2022. – № 6. – S. 60–77.
6. **Berndt A.A.** Obschchaya profilaktika roznichnoi prodazhi alkohol'noi produktsii nesovershennoletnemu // Bezopasnost' biznesa. – 2022. – № 2. – S. 59–64.
7. **Smolin P.V.** Administrativno-pravovoe obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva, 2023. – 530 s.

8. **Zyryanov S.M.** Gosudarstvennyi kontrol' (nadzor) v sfere dorozhnogo dvizheniya v novoi regul'yatornoi politike // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. – 2023. – № 1. – S. 28–32.

9. **Anisiforova M.V.** Kontseptual'nye podkhody k sovershenstvovaniyu normativnogo pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti organov vnutrennikh del po profilaktike pravonarushenii // Administrativnoe pravo i protsess. – 2023. – № 11. – S. 50–53.

10. **Zaitsev D.I.** Genealogiya administrativnogo usmotreniya // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2023. – T. 20. – № 3. S. 272–284.

(статья сдана в редакцию 31.07.2024)

**АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СОВЕРШАЕМЫЕ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА,
В СФЕРЕ МИГРАЦИИ****ADMINISTRATIVE OFFENSES AND CRIMES COMMITTED
AT TRANSPORT FACILITIES IN THE FIELD OF MIGRATION**

УДК 342.9

О.В. ПАНФИЛОВА,кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
olga-gusar@yandex.ru**OLGA V. PANFILOVA,**Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)**Л.В. СТОЛБИНА,**кандидат юридических наук, доцент
(Московский областной филиал РАНХиГС,
Россия, Красногорск)
mosbell@mail.ru**LIUBOV V. STOLBINA,**Candidate of Law, Associate Professor
(The Moscow Regional Branch of RANEPА,
Krasnogorsk, Russia)

Аннотация: наряду с развитием государства происходит и развитие миграционных процессов, которые требуют усовершенствования законодательной базы и должного государственного контроля. Эффективность реализации миграционной политики в основном зависит от качественной нормативно-правовой базы, которая должна решать проблемы, возникающие в данной сфере. Миграционные процессы напрямую связаны с транспортом, в связи с этим возникает необходимость повышения эффективности противодействия незаконной миграции на объектах транспорта. В настоящее время в связи с ростом количества лиц, въезжающих в Российскую Федерацию на различных транспортных средствах, а также ростом численности совершенных противоправных деяний мигрантами, в данной сфере необходимо принять должные административно-правовые и организационные меры. Существенная роль в обеспечении и поддержании безопасности и законности в рассматриваемой области общественных отношений отведена мерам административной ответственности. Важно создать действенные механизмы по выявлению иностранных граждан, незаконно пребывающих на территории Российской Федерации.

Вопросы миграции, а также незаконная миграция, ее причины и условия, риски, связанные с ней, широко проработаны научно, также существует большое количество исследований, фрагментарно либо полностью посвященных проблеме в миграционной сфере.

Ключевые слова: административные правонарушения, преступления, миграция, объект транспорта, транспортная инфраструктура, транспортная полиция.

Для цитирования: Панфилова О.В., Столбина Л.В. Административные правонарушения и преступления, совершаемые на объектах транспорта, в сфере миграции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 22–27.

Abstract: along with the development of the state, migration processes are also developing, which require improvement of the legislative framework and proper state control. The effectiveness of the implementation of migration policy mainly depends on a high-quality regulatory framework, which should solve the problems that arise in this area. Migration processes are directly related to transport, and therefore there is a need to increase the effectiveness of countering illegal migration at transport facilities. Currently, due to the increase in the number of persons entering the Russian Federation by various means of transport, as well as the increase in the number of illegal acts committed by migrants, it is necessary to take appropriate administrative, legal and organizational measures in this area. Administrative responsibility measures play an essential role in ensuring and maintaining security and legality in the field of public relations under consideration. It is important to create effective mechanisms to identify foreign citizens illegally staying in the territory of the Russian Federation.

Migration issues, as well as illegal migration, its causes and conditions, and the risks associated with it, have been extensively studied scientifically, and there is also a large number of studies, fragmentary or completely devoted to the problem in the migration sphere.

Key words: administrative offenses, crimes, migration, transport facility, transport infrastructure, transport police.

For citation: Panfilova O.V., Stolbina L.V. Administrative offenses and crimes committed at transport facilities in the field of migration // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 22–27.

В средствах массовой информации, в докладах руководителей правоохранительных органов¹, органов исполнительной власти² в последнее время не сходит с повестки дня вопрос миграционной политики и ее негативных последствий в различных сферах нашей жизни.

Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики в 2023 году в Россию приехало 4 051 437 иностранцев, в Центральном федеральном округе миграционный прирост составил 203 629 человек, в Москве – 41 006 человек и в Санкт-Петербурге – 9 785 человек. За тот же период в Белгородскую область прибыло 47 525 человек. Большую часть всех мигрантов составляют выходцы из ближнего зарубежья, к ним относятся граждане Узбекистана (44 536 чел.), Таджикистана (171 234 чел.), Киргизии (54 162 чел.), Армении (48 855 чел.), Республики Беларусь (42 700 чел.), Казахстана (484 265 чел.), Украины (50 929 чел.), а также Республики Молдовы (17 200 чел.). На граждан иных стран пришлось 69 570 человек³.

Негативные последствия миграционной политики выражаются не только в социальной напряженности, но и приобретают актуальность, и даже остроту в сфере правопорядка как в целом, так и на объектах транспортного комплекса Российской Федерации.

В своем выступлении Министр внутренних дел Российской Федерации отметил: «...важно повысить эффективность пресечения правонаруше-

ний в аэропортах, на вокзалах и других объектах транспорта...»⁴.

Исходя из положений, закрепленных в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», под правонарушением понимается «преступление или административное правонарушение, представляющие собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность».

По данным главы Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина, в 2023 г. мигранты совершили на 147% больше экстремистских деяний, в первой половине 2024 г. – еще на 55%. При учете фактора сложного процента рост составляет колоссальные 283% за полтора года⁵.

Так, за 2023 год органами внутренних дел проведено 283,6 тыс. проверок соблюдения миграционного законодательства, количество административных протоколов, составленных по выявленным фактам нарушений, возросло на 3,6% (873,3 тыс.)⁶.

Вызывающие обоснованную тревогу значительный и стремительный рост совершаемых правонарушений мигрантами в целом позволяет нам говорить об остроте проблемы и на объектах транспортного комплекса Российской Федерации, где ежегодно совершается огромное количество правонарушений различных видов и характера.

При этом отметим, что существует специфика таких правонарушений, характерным фактором которых следует выделить их условное разделение на специальные (то есть для объектов транспорта, а к ним законодатель относит гл. 11 «Администра-

¹ См.: Александр Бастрыкин: мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в мире и России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/895287> (дата обращения: 12.04.2024); Совбез и МВД России просят проверить законность полученного мигрантами гражданства России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/03/28/1028434-prosyat-proverit-zakonnost-poluchennogo-grazhdanstva> (дата обращения: 12.04.2024).

² Михаил Мишустин о теме миграции [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/video/2024/04/03/mihail-mishustin-oteme-migracii.html> (дата обращения: 12.04.2024).

³ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 12.04.2024).

⁴ Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, посвященное противодействию нелегальной миграции [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/document/42949222> (дата обращения: 24.05.2024).

⁵ Статистика МВД по мигрантам: число нарушений с начала года выросло на 128% [Электронный ресурс]. – URL: <https://dzen.ru/a/ZsWleG4NLI--sa2F> (дата обращения: 24.06.2024).

⁶ Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/> (дата обращения: 24.05.2024).

тивные правонарушения на транспорте» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) и на общие.

Полагаем, в решении создавшейся ситуации в целом необходим комплексный подход, и одним из ее «секторов» будет являться деятельность территориальных органов МВД России на транспорте, и особенно в приграничных регионах.

В целях предотвращения нарушений в миграционной сфере сотрудниками транспортной полиции совместно с иными правоохранительными органами проводится ряд профилактических мероприятий («Нелегальный мигрант», «Регион-магистраль», «Нелегал» и др.). Важно отметить, что проведение подобных мероприятий в настоящее время особенно актуально ввиду роста количества въезжающих в Российскую Федерацию мигрантов, в особенности трудовых. Так, только за три дня операции сотрудниками УТ МВД России по ЦФО пресечено 106 фактов нарушений в сфере миграционного законодательства. Но такая ситуация не повсеместна, поскольку есть населенные пункты, которые находятся в непосредственной или досягаемой близости с линией боевого столкновения (в Белгородской, Курской, Брянской областях), которые менее привлекательны для мигрантов, но не исключают полностью их пребывания. Этим обосновано и отсутствие статистических данных по проведенным указанным выше профилактическим мероприятиям, к примеру в Белгородском ЛО МВД России на транспорте.

Государство посредством правового инструментария осуществляет регулирование общественных отношений в сфере миграции, и предусмотренная законодателем юридическая ответственность выдвигается в качестве одного из наиболее результативных средств в системе механизма воздействия на миграционные отношения. Трудно не согласиться с мнением Н.И. Орешниной о том, что «осуществление государствами миграционной политики невозможно без существования механизмов привлечения нарушителей миграционных правил к ответственности» [1, с. 76].

Существенная роль в обеспечении и поддержании безопасности и законности в рассматриваемой области общественных отношений отведена мерам административной ответственности. За нарушение иностранными гражданами порядка въезда на территорию Российской Федерации, режима пребывания, незаконного осуществления ими трудовой деятельности предусмотрена административная ответственность. Основные виды административных правонарушений в сфере миграции, за совершение которых предусмотрено назначение административного наказания, содержатся в гл. 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

(далее – КоАП РФ). В частности, наиболее часто совершаются деяния, предусмотренные ст. 18.8, 18.10, 18.15, 18.16 КоАП РФ [2, с. 144.].

Необходимо отметить, что за совершение преступлений в данной сфере общественных отношений ответственность предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), а именно ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации» и ст. 322.1 «Организация незаконной миграции». Ст. 322.2 УК РФ устанавливает ответственность за такое преступление, как фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации, а ст. 322.3 предусматривает ответственность за фиктивную постановку на учет данных лиц по месту пребывания в Российской Федерации.

Важнейшей составляющей деятельности правоохранительных органов в области регулирования миграционных процессов является правильная квалификация совершаемых противоправных деяний в рассматриваемой области. Определенно большая часть составов правонарушений в данной сфере представляется формальной, то есть не несет в результате наступление каких-либо материально опасных последствий. Родовым объектом правонарушений гл. 18 КоАП РФ следует считать как состояние защищенности Государственной границы России, так и режим пребывания нелегалов на территории Российской Федерации.

Каждое совершенное административное правонарушение в сфере миграции влечет за собой последствия в конкретном общественном отношении. Можно привести пример, когда непосредственным объектом правонарушения в ст. 18.3 КоАП РФ выступают общественные отношения, связанные с соблюдением пограничного режима в территориальном море и во внутренних морских водах России.

За совершаемые правонарушения в этой сфере законодатель определил такие санкции, как административный штраф, предупреждение и административный арест. В отдельных составах административного правонарушения дополнительно изымаются предметы и орудия совершения правонарушения, не исключено применение процедуры административного выдворения иностранного гражданина за пределы Российской Федерации и приостановление его деятельности на территории государства [3, с. 73]. В настоящее время Госдума России приняла на пленарном заседании сразу во втором и третьем чтениях законопроект, согласно которому полиция получит полномочия принимать решения об административном выдворении за пределы России иностранных граждан и лиц без гражданства. Согласно вносимым изменениям

органы внутренних дел будут сами устанавливать и назначать данную меру наказания. Также законопроектом вводится ответственность за нарушение правил въезда или выезда в Российскую Федерацию. Новым положением дополняется ч. 1 ст. 18.1 КоАП РФ о нарушении режима государственной границы Российской Федерации⁷. Положением об ответственности за оказание иностранцу из реестра контролируемых лиц, находящихся в режиме высылки, услуг, предоставление которых для них запрещено, дополняется ч. 3 ст. 18.9 КоАП РФ. Сейчас в этой части предусмотрена ответственность за предоставление жилого помещения или транспортного средства либо оказание иных услуг иностранному гражданину или лицу без гражданства, находящимся в стране с нарушением установленного порядка или правил транзитного проезда через ее территорию. Согласно принятым нормам санкции остаются прежними.

Как зафиксировано в примечании к ст. 322 УК РФ, субъектом преступления является лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, исключение составляют иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие на территорию России для реализации своего права на политическое убежища, если же в действиях этих лиц не содержится иного состава преступления.

Если же говорить о ст. 322.1 УК РФ, то субъектом данного преступления считается вменяемое физическое лицо, которое достигло возраста шестнадцати лет и которое организует незаконный въезд, транзит, пребывание в России иностранного гражданина или лица без гражданства. В этой ситуации данная деятельность по непосредственной организации незаконного деяния включена в объективную сторону данного преступления, а организатор всего деяния несет ответственность как за оконченное преступление в качестве исполнителя.

При этом преступление, предусмотренное рассматриваемой статьей, возможно совершено лицом, которое использует свое служебное положение. Так, *гражданин Н., будучи начальником цеха филиала «...», используя свое служебное положение, нелегально устроил на территории Российской Федерации иностранных граждан Б., В., Г., которые находились в России без регистрации по месту временного пребывания, а также не имели разрешения на трудовую деятельность. Гражданин Н. не имел разрешения на привлечение иностранных специалистов к трудовой деятельности, но вопреки всему трудоустроил Б., В., Г., хотя необходимо было заключить трудовой договор и предоставить иностранным специалистам*

*помещение для временного проживания рядом с цехом филиала «...», обеспечить их питанием*⁸.

Таким образом, субъектом преступления ст. 322.2 УК РФ является лицо, которое достигло шестнадцатилетнего возраста и является собственником или нанимателем жилого помещения, а субъектом ст. 322.3 УК РФ является лицо, которое достигло шестнадцатилетнего возраста, в служебные функции которого входят постановка на учет иностранных граждан и лиц без гражданства.

Если говорить о субъективной стороне, то необходимо обозначить, что как административные правонарушения, так и преступления в данной сфере характеризуются и умышленной, и неосторожной формой вины. Но деяния, которые отражены в ст. 322.1 и 322 УК РФ могут быть совершены исключительно с прямым умыслом.

Важно также отметить, что при квалификации преступления по ч. 2 ст. 322 УК РФ важно определить, знали ли иностранный гражданин или лицо без гражданства, что въезд на территорию России им запрещен на основании законодательства – что уже будет устанавливать непосредственно суд.

Неоднократное пересечение госграницы с единым умыслом должно быть квалифицировано как одно преступление по ст. 322 УК РФ⁹.

Переходя к более детальному рассмотрению вопросов квалификации и ограничений административных правонарушений от преступлений, важно отметить, что существуют противоправные деяния, которые всегда квалифицируются исключительно как административные правонарушения, например нарушение пограничного режима в пограничной зоне (ст. 18.2 КоАП РФ).

Так, проблемой в правоприменительной деятельности является еще и то, что существует ряд деяний, которые друг от друга достаточно проблематично отграничить. Так, составы, установленные ст. 18.1 КоАП РФ и ч. 1 ст. 322 УК РФ, подразумевают нарушение режима Государственной границы России и незаконное пересечение Государственной границы России.

Чтобы понять данную проблему, разобраться в ней и правильно квалифицировать деяние, необходимо обратиться к самому понятию «надлежащее разрешение», которое закреплено в диспозиции ч. 1 ст. 322 УК РФ. В практике наиболее часто данное словосочетание толкуется с учетом места,

⁸ Приговор Павлово-Посадского городского суда Московской области от 21 июня 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OEGKuYzvXVg9//> (дата обращения: 05.02.2024).

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Российская газета. – 2020. – № 156 (8210).

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

где было совершено противоправное деяние. Например, на морских участках Государственной границы России под эти термином понимается разрешение пограничных органов, а на сухопутных участках – это виза [4, с. 23]. То есть важно определить наличие у данного лица документа и визы, которые бы позволили удостовериться в его личности, однако вне установленных для этого пунктов пропуска при пресечении им госграницы данное деяние следует расценивать по ст. 18.1 КоАП РФ.

Также существует в законодательной практике отграничение правонарушений, исходя из способа его совершения. Отграничивают такие составы, в частности, ст. 18.14 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за незаконный провоз лиц через госграницу России, и ст. 322.1 УК РФ, которая понимает под собой организацию незаконной миграции.

Так, уголовно-правовой нормой предусматривается деяние в виде активного действия лица, а административно-правовой нормой – как в форме действия, так и бездействия. Кроме того, данные противоправные деяния возможно разграничить и по формам вины. Анализируемое административное правонарушение может совершаться как умышленно, так и неосторожно, а совершение рассматриваемого преступления возможно только при наличии прямого умысла.

По этому вопросу Верховным Судом Российской Федерации дано разъяснение: под организацией незаконной миграции понимается умышленное совершение действий, создающих условия для осуществления одним или несколькими иностранными гражданами или лицами без гражданства незаконного въезда в Российскую Федерацию, незаконного пребывания в Российской Федерации, незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации.

Анализируя нормы, можно отметить определенную мягкость санкций в рассматриваемой сфере, что может создать для правонарушителей

иллюзию безнаказанности и подтолкнуть к совершению новых административных правонарушений в данной области, что, в свою очередь, обосновывает необходимость криминализации некоторых составов, предусмотренных КоАП РФ.

Полагаем, что повторное совершение правонарушения в течение одного года с момента совершения предыдущего правонарушения свидетельствует о его злостности, что вполне объясняет целесообразность привлечения лица, повторно совершившего административно наказуемое деяние в рассматриваемой сфере, к уголовной ответственности.

Исходя из этого факта, полагаем, можно внести дополнение в Уголовный Кодекс Российской Федерации в виде такой нормы, как «злостное нарушение режима Государственной границы Российской Федерации: повторное в течение года нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации гражданином Российской Федерации, иностранным гражданином или лицом без гражданства и (или) транспортными средствами».

Анализируя нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в частности ч. 2 ст. 18.14 КоАП РФ, можно определить, что указанная в статье санкция не соответствует общественной опасности описанного деяния, а это может повлечь за собой уже совершение уголовного преступления. По-нашему мнению, возникает необходимость дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации нормы, которая предусматривает незаконный провоз лиц через Государственную границу Российской Федерации.

Обобщая изложенное выше, отметим, что правонарушения, совершаемые на объектах транспорта, имеют свои характерные особенности, в силу которых обуславливают так называемую транспортную составляющую правонарушений (преступности) на объектах транспортного комплекса России.

Литература

---

1. **Орешина Н.И.** Административно правовое регулирование противодействия незаконной миграции в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – 218 с.
2. **Богданов А.В., Овечкин Е.В., Хазов Е.Н.** Противодействие незаконной миграции правоохранительными органами на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 143–148.
3. **Амельчаков И.Ф., Катаева О.В.** Особенности квалификации некоторых нарушений миграционного законодательства, совершаемых на объектах транспорта // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2021. – № 2. – С. 71–78.
4. **Калдышев А.Н., Николаев А.Г.** Надлежащее разрешение в процессуальной деятельности пограничных органов ФСБ России // Юридический мир. – 2008. – № 12. – С. 62–66.
5. **Сасина Е.Н.** Некоторые проблемы разграничения административной и уголовной ответственности по фактам незаконной миграции // Научно-информационный журнал «Армия и общество». – 2014. – № 1 (38). – С. 119–124.
6. **Жеребцов А.Н. Малышев Е.А.** Административная ответственность в миграционном праве Российской Федерации: материальные и процессуальные аспекты: практическое издание. – Москва: Юстицинформ, 2019. – 252 с.

7. **Главатских Ю.Н.** Актуальные вопросы административных правонарушений в сфере миграции / Юридический процесс в России: материалы Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 16 ноября 2023 года. – Нижний Новгород: Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 58–62.
8. **Дригола Э.В.** Предупреждение административных правонарушений в сфере миграции / Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики - 2016: сборник тезисов Международной ежегодной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 18 ноября 2016 года / отв. ред. И.П. Зиновьев. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. С. 82–85.
9. **Рыжакова Ю.Н.** Особенности квалификации административных правонарушений в сфере миграции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (39). – С. 128–130.
10. **Сазанова Я.А.** Особенности применения административной ответственности за правонарушения в сфере миграции / Актуальные вопросы юридической науки, права и правосудия: материалы Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 23 апреля 2023 года. – Нижний Новгород, 2023. С. 635–638.
11. **Столярова З.Н.** О совершенствовании института административной ответственности в сфере миграции // Административное право и процесс. – 2020. – № 9. – С. 61–64.

References

---

1. **Oreshina N.I.** Administrativno pravovoe regulirovanie protivodeistviya nezakonnoi migratsii v zarubezhnykh stranakh: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2010. – 218 s.
2. **Bogdanov A.V., Ovechkin E.V., Khazov E.N.** Protivodeistvie nezakonnoi migratsii pravookhranitel'nymi organami na sovremennom etape // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 4. – С. 143–148.
3. **Amel'chakov I.F., Kataeva O.V.** Osobennosti kvalifikatsii nekotorykh narushenii migratsionnogo zakonodatel'stva, sovershaemykh na ob'ektakh transporta // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2021. – № 2. – С. 71–78.
4. **Kaldyshev A.N., Nikolaev A.G.** Nadlezhashchee razreshenie v protsessual'noi deyatel'nosti pogranychnykh organov FSB Rossii // Yuridicheskii mir. – 2008. – № 12. – С. 62–66.
5. **Sasina E.N.** Nekotorye problemy razgranicheniya administrativnoi i ugovolnoi otvetstvennosti po faktam nezakonnoi migratsii // Nauchno-informatsionnyi zhurnal Armiya i obshchestvo. – 2014. – № 1 (38). – С. 119–124.
6. **Zherebtsov A.N., Malyshev E.A.** Administrativnaya otvetstvennost' v migratsionnom prave Rossiiskoi Federatsii: material'nye i protsessual'nye aspekty: prakticheskoe izdanie. – Moskva: Yustitsinform, 2019. – 252 s.
7. **Glavatskikh Yu.N.** Aktual'nye voprosy administrativnykh pravonarushenii v sfere migratsii / Yuridicheskii protsess v Rossii: materialy Vserossiiskoi mezhvuzovskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Nizhnii Novgorod, 16 noyabrya 2023 goda. – Nizhnii Novgorod: Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiya, 2024. С. 58–62.
8. **Drigola E.V.** Preduprezhdenie administrativnykh pravonarushenii v sfere migratsii / Razvitie yuridicheskoi nauki v novykh usloviyakh: edinstvo teorii i praktiki - 2016: sbornik tezisov Mezhdunarodnoi ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Rostov-na-Donu, 18 noyabrya 2016 goda / отв. ред. И.П. Зиновьев. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. С. 82–85.
9. **Ryzhakova Yu.N.** Osobennosti kvalifikatsii administrativnykh pravonarushenii v sfere migratsii // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 2 (39). – С. 128–130.
10. **Sazanova Ya.A.** Osobennosti primeneniya administrativnoi otvetstvennosti za pravonarusheniya v sfere migratsii / Aktual'nye voprosy yuridicheskoi nauki, prava i pravosudiya: materialy Vserossiiskoi mezhvuzovskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Nizhnii Novgorod, 23 aprelya 2023 goda. – Nizhnii Novgorod, 2023. С. 635–638.
11. **Stolyarova Z.N.** O sovershenstvovanii instituta administrativnoi otvetstvennosti v sfere migratsii // Administrativnoe pravo i protsess. – 2020. – № 9. – С. 61–64.

(статья сдана в редакцию 02.08.2024)

**ОПТИМИЗАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПОСРЕДСТВОМ
ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ СУДЕБНОГО
ПРОЦЕССА КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ
ПРАВОСУДИЯ****OPTIMIZATION OF LEGAL PROCEEDINGS THROUGH
THE TECHNOLOGIZATION AND INFORMATIZATION
OF THE JUDICIAL PROCESS AS A WAY TO INCREASE
THE ACCESSIBILITY OF JUSTICE**

УДК 347.97/.99

С.О.ЧЕРТУШКИН

(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск
chertushkin_so@mail.ru)

SERGEY O. CHERTUSHKIN

(Southwest State University,
Kursk, Russia)

Аннотация: с каждым годом судебные органы в Российской Федерации принимают на себя все больший объем общественных правоотношений, которые без их участия разрешить невозможно. В условиях растущей нагрузки на судебную систему качество работы падает, что вызывает негативную реакцию лиц, участвующих в деле, и тех, чьи права будут затронуты.

Оптимизация процесса, его информатизация и технологизация происходит в судебных органах по всей стране, однако подход судов до сих пор остается консервативным, пассивным и в определенном смысле непассионарным. Упрощение судопроизводства станет неизбежной реальностью, решением проблемы высокой загруженности судов и, вследствие этого, низкого уровня доступности правосудия.

В статье приведены позиции исследователей об оптимизации судопроизводства, пути применения и ее реализации, нормативно-правовые акты, затрагивающие тему исследования, проанализированы особенности организации судебного заседания с использованием систем видео-конференц-связи и он-лайн-заседания (веб-конференции) и их отличия, рассмотрены примеры проблем при организации судебного заседания с удаленной видеосвязью, которые необходимо разрешать, в том числе законодательным путем, предложены конкретные изменения для внесения в гражданско-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: процессуальное законодательство, доступность правосудия, видео-конференц-связь, веб-конференция, оптимизация, технологизация, информатизация.

Для цитирования: Чертушкин С.О. Оптимизация судопроизводства посредством технологизации и информатизации судебного процесса как способ повышения доступности правосудия // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 28–36.

Abstract: every year the judicial authorities in the Russian Federation assume an increasing volume of public legal relations, which cannot be resolved without their participation. With the growing burden on the judicial system, the quality of work is falling, which causes a negative reaction from those involved in the case and those whose rights will be affected.

The optimization of the process, its informatization and technologization is taking place in judicial bodies throughout the country, but the approach of the courts still remains conservative, passive and, in a certain sense, unpassional. Simplification of legal proceedings will become an inevitable reality, a solution to the problem of high workload of courts and, consequently, a low level of accessibility of justice.

The article presents the positions of researchers on the optimization of legal proceedings, ways of application and its implementation, normative legal acts affecting the topic of research, analyzes the features of organizing a court session using video conferencing and online meetings (web conferences) and their differences, considers examples of problems in organizing a court session with remote video communication which need to be resolved, including through legislation, specific changes have been proposed for introduction into civil procedure legislation.

Keywords: civil procedure law, accessibility of justice, video conferencing, web conference, optimization, technologization, informatization.

For citation: Chertushkin S.O. Optimization of legal proceedings through the technologization and informatization of the judicial process as a way to increase the accessibility of justice // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 28–36.

Введение. На сегодняшний день Российскую Федерацию, как и другое развитое правовое государство, невозможно представить без доступного судопроизводства. Как замечал Н.А. Колоколов, «судебная система является важнейшим элементом организационной структуры государственного управления, поскольку без разрешения конфликтов, неизбежно возникающих в процессе управляющего воздействия государства на общество, социальный прогресс невозможен, а, как неумолимо свидетельствует история, наиболее эффективным видом разрешения конфликтов на сегодняшний день является правосудие» [1].

Важно отметить, что все большее количество споров в России разрешается через судебные органы, что само по себе влечет увеличение количества лиц, участвующих в делах. Начиная с 2021 года количество дел, принятых к производству судами общей юрисдикции в порядке искового и приказного производства, возрастает на 8–9% ежегодно, увеличиваясь в абсолютных показателях почти на 2,5 млн дел каждый год¹. Актуальность проблемы также подчеркивает обсуждение актуальных проблем судебной системы, в частности оптимизации судопроизводства на X Всероссийском съезде судей, проходившем с 29 ноября по 1 декабря 2022 г. Отдельное внимание Президент России В.В. Путин уделил внедрению информационных технологий в судопроизводство: «Абсолютно очевидно, что применение «цифры» будет только расширяться. И наша судебная система должна быть к этому готова и технически, и организационно»². Согласно докладу Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева прогрессия рассмотрения судами дел выглядела следующим образом: 2018 г. – 31,5 млн, 2019 г. – 34,6 млн, 2020 г. – 38,2 млн, 2021 г. – 39,2 млн, 2022 г. – 40,7 млн. Несмотря на отсутствие указания в докладе, по каким именно делам приведена статистика и в каких судах они были рассмотрены, совершенно точно количество дел с каждым годом растёт.

Такая тенденция приводит к повышенной нагрузке на судебский аппарат, сотрудников суда, что негативно влияет на качество принимаемых судом постановлений, на несоблюдение сроков рассмотрения дела, составления мотивированных решений, определений и иных процессуальных действий для исполнения обязательств

¹ Количество дел искового и приказного производства продолжает расти [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kolichestvo-del-iskovogo-i-prikaznogo-proizvodstva-prodolzhaet-rasti/> (дата обращения: 12.08.2024).

² Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/32147/ (дата обращения: 12.08.2024).

суда. Несмотря на это, задача правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дел, закрепленная в ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и ст. 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), остается прежней.

Решение указанной задачи на современном этапе развития судебной системы невозможно без оптимизации судопроизводства. Как справедливо отмечал Е.В. Васьковский, «чем короче и легче путь от предъявления иска до судебного решения, тем процесс совершеннее» [2].

Но при этом оптимизация судопроизводства не должна способствовать процессуальным нарушениям: в частности, рассмотрению и разрешению дел с нарушением процессуальных сроков, выходу судей за пределы полномочий как при разбирательстве юридических дел, так и при реализации прав лиц, участвующих в деле. Как отмечает Г.А. Жилин, «верное по существу судебное постановление, но вынесенное с нарушением процессуальных сроков нельзя считать в полной мере правильным, поскольку при этом нарушаются требования закона, устанавливающие соответствующие сроки» [3]. Такая точка зрения подтверждает сложность заявленного тезиса относительно судопроизводства.

В связи с чем перед законодателем стоит непростая дилемма: упрощение процесса для снижения нагрузки судебного органа или точное следование букве процессуального закона без учета реализации задачи судопроизводства, которые являются необходимым звеном в достижении целей судопроизводства [4].

В данной статье приведены некоторые ситуации, с которыми зачастую сталкиваются стороны процесса и лица, участвующие в деле, показывающие необходимость оптимизации норм процессуального законодательства для повышения уровня доступности правосудия при рассмотрении гражданского дела.

Описание исследования. Ученые-процессуалисты предсказуемо понимают оптимизацию судопроизводства по-разному и предлагают различные пути ее реализации. Первое понятие оптимизации гражданского судопроизводства в гражданско-процессуальной и арбитражно-процессуальной науке было дано в диссертационном исследовании Е.А. Царегородцевой, которая под оптимизацией понимала «создание механизма рассмотрения и разрешения гражданского дела, предоставляющего выбор наилучшего пути достижения целей и задач правосудия» [4].

А.Г. Коваленко и И.Ю. Сергеева выделяют направления оптимизации процесса доказывания: создание сбалансированной системы гарантий

прав сторон в доказывании; совершенствование законодательства в сфере гражданско-процессуального доказывания с учетом задач гражданского судопроизводства; приведение правил доказывания в соответствие с провозглашенными принципами гражданского процессуального права [5]. И.В. Решетникова, ссылаясь на понятие, предложенное Е.А. Царегородцевой, считает оптимизацию способом решения «болевого вопроса» в виде большой нагрузки в судебных органах путем сокращения категорий дел, отнесенных к компетенции суда [6]. Р.В. Шакирьянов рассматривает оптимизацию гражданского судопроизводства как поиск наиболее эффективных способов достижения целей и задач судопроизводства как в целом, так и на стадиях судопроизводства [7]. Е.А. Борисова предлагает проведение масштабной оптимизации с изменением устройства всех судебных инстанций с перераспределением категорий дел, подсудным иным судам, задается вопросом создания районных арбитражных (экономических) судов, реорганизацией судебной системы страны [8]. Стоит отметить, что указанные авторы предлагают и различные направления оптимизации судебного процесса, которые реализованы на практике.

По мнению Е.А. Царегородцевой, «оптимизация», ввиду лексического значения слова, «должна предполагать создание наилучшего механизма достижения задач и целей судопроизводства, механизма, предлагающего варианты поведения» [4]. Поддерживая в целом это утверждение, стоит отметить, что оптимизация состоит лишь в эффективности способов и методов, предлагаемых процессуалистами, и важности решения определенного вопроса субъективно. Из указанных точек зрения ученых автор статьи выделяет позицию И.В. Решетниковой и согласен с необходимостью решения вопроса большой нагрузки судебных органов, влияющей на доступность правосудия, но с оптимизацией в другом направлении, отличным от перераспределения (сокращения) категорий дел, отнесенных к компетенции тех или иных судов. Также автор разделяет подход С.А. Курочкина к тому, что «максимальная эффективность гражданского судопроизводства достигается лишь в том случае, когда при минимальных издержках в ходе производства по конкретному делу удается достичь максимального заданного законом результата» [9].

Ведение судопроизводства с использованием различных средств технологизации и информатизации подтверждает мнение С.А. Курочкина о минимальных издержках по конкретному делу и является способом оптимизации судебного процесса, так как проведение судебного засе-

дания, например с использованием видеосвязи, способствует достижению правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дел (гражданских, арбитражных, административных, уголовных), свидетельствует об ином варианте достижения указанной задачи, цели правосудия и его доступности, что автор хотел бы рассмотреть более подробно, учитывая прикладной характер и практическую значимость предполагаемых изменений.

Важно обратить внимание на то, что с введением новой формы проведения судебного заседания в формате веб-конференции (далее – ВК) лица, участвующие в деле, получили в распоряжение еще более удобную систему, при которой сторона по делу может принимать участие не только в суде города, но и дистанционно, что значительно экономит время заявителя. Основное отличие от системы видео-конференц-связи (далее – ВКС) заключается в отсутствии посредника между судом, рассматривающим дело, и участником дела, кроме того, содействия другого суда не нужно, что также снижает нагрузку по подготовке к заседанию для аппарата судьи. Однако пользователи системы сталкиваются с нелогичными и непрактичными действиями судебного органа по рассмотрению и удовлетворению (неудовлетворению) заявленного ходатайства.

Автор статьи и представитель истца по делу А35-563/2022³ при рассмотрении апелляционной жалобы ответчика в Девятнадцатом арбитражном апелляционном суде подал заявление об участии в рассмотрении дела в формате веб-конференции, или, как именуется в системе «Электронного правосудия» и картотеке арбитражных дел (далее – КАД)⁴, «онлайн-заседания»⁵, на что последовал отказ апелляционного суда в связи с высокой занятостью залов, оборудованных системой для проведения онлайн-заседания в указанное время, вследствие отсутствия технической возможности для проведения заседания. Представитель истца подал заявление о проведении заседания по этому же делу в идентичную дату и время в формате видео-конференц-связи при содействии Анапского

³ В первой инстанции дело было рассмотрено в Арбитражном суде Курской области.

⁴ Картотека арбитражных дел – система, обеспечивающая сбор информации о движении арбитражных дел в судах и ее публикацию в Интернете в открытом доступе.

⁵ Согласно данным официальной информационной системы арбитражных судов «Мой Арбитр» и «Электронное правосудие» заседания, проводимые в формате веб-конференции, предусмотренном ст. 153.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, именуется «онлайн-заседания», такое же название используют юристы и адвокаты, участвующие в заседаниях таким способом.

районного суда Краснодарского края, и просьба стороны была удовлетворена.

Для понимания неординарности вышеуказанного случая из практики необходимо более подробно разъяснить системные особенности организации проведения заседания с использованием систем видео-конференц-связи и онлайн-заседания (веб-конференции) и их отличия.

При использовании способа ВКС суд, в котором рассматривается дело, руководствуется постановлением Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)»⁶ (далее – Постановление № 100). Из п. 8.1 Постановления № 100 для организации ВКС задействуются лица, ответственные за организацию и техническое обеспечение проведения заседания – работники арбитражного суда и сотрудники отдела информатизации и связи соответственно. Судья, рассматривающий дело, или помощник судьи по его поручению с целью предварительного согласования между судами возможности проведения ВКС подает лицу, ответственному за организацию проведения ВКС, письменную заявку о согласовании возможности проведения ВКС⁷. В арбитражном суде, рассматривающем дело, лицо, ответственное за организацию проведения ВКС, посредством имеющих в его распоряжении средств связи (в том числе по каналам ведомственной электронной почты) выясняет, имеется ли в суде, при содействии которого заявитель ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС может участвовать в судебном заседании, техническая возможность осуществления ВКС, и согласовывает дату, время и место (номер зала) судебного заседания с судом, организующим ВКС. Также работники используют автоматизированную систему «План видеоконференций», размещенную на Едином корпоративном портале арбитражных судов Российской Федерации, созданную в целях согласования арбитражными судами даты и времени проведения судебных заседаний с использованием систем ВКС⁸. В случае отсутствия технической возможности суд, обеспечивающий ВКС, указывает на это в

соответствующем поле карточки ВКС, далее система направляет на официальный электронный ящик соответствующих арбитражных судов по внутриведомственной электронной почте регистрационную карточку ВКС, которая подшивается в материалы дела. В случае удовлетворения ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС арбитражный суд, рассматривающий дело, поручает соответствующему арбитражному суду, при содействии которого заявитель сможет участвовать в таком судебном заседании, организацию ВКС⁹.

При использовании системы онлайн-заседания ВК порядок организации заседания упрощен по сравнению с ВКС. Ввиду того что данная система подразумевает внутрисудебную организацию заседания через информационную систему «Картотека арбитражных дел» (далее – КАД), отдельного нормативно-правового акта, регулирующего организацию именно веб-конференции, нет, нормативное регулирование возложено на уставные акты судов. Например, в рекомендациях по организации судебных заседаний с использованием системы веб-конференции во Втором арбитражном апелляционном суде (одобрены президиумом Второго арбитражного апелляционного суда, протокол от 20.07.2021 № 08/21) (в редакции протоколов от 21.09.2021 №10/21, от 18.01.2022 № 1/22) предусмотрен порядок, согласно которому после подачи ходатайства об участии в онлайн-заседании суд обязан проверить документы, в случае отказа уведомить пользователя на адрес электронной почты об отказе с указанием причин, в случае одобрения внести запись в КАД о проведении онлайн-заседания с указанием даты и времени, одновременно уведомляя лицо на адрес электронной почты о согласовании с указанием даты и времени заседания. Другие лица, принимающие участие в деле, также могут подать ходатайства об участии в онлайн-заседании¹⁰.

Сравнивая способы организации ВКС и веб-конференции, становится очевидным преимущество упрощенной организации онлайн-заседания ВК со стороны судейского аппарата.

Возвращаясь к приведенному случаю из практики, несмотря на первоначальный мотивированный отказ в упрощенной форме организации про-

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Второй арбитражный апелляционный суд [Электронный ресурс]. – URL: <https://2aas.arbitr.ru/deloproizvodstvo/provedenie-sudebnyh-zasedaniy-s-ispolzovaniem-sistemy-veb-konferencii> (дата обращения: 12.08.2024).

ведения заседания в формате онлайн-заседания, при котором суду не нужно поручать это другому суду, задействовать работников арбитражного суда, рассматривающего дело, и содействующего суда, сотрудников отдела информатизации и связи этих судов, согласовывать с работниками ответственного отдела о технической возможности заявленного суда на проведение заседания, заниматься другими организационными вопросами для проведения заседания, указанными в Постановлении № 100, а при рассмотрении дела единолично даже покидать свой рабочий кабинет и перемещаться только в технически оборудованный зал заседания, суд удовлетворяет ходатайство, при котором все эти действия ему производить необходимо, тем самым увеличивая процессуальную, техническую и физическую нагрузку на себя, сотрудников двух судов и дежурного судьи содействующего суда.

Данный пример иллюстрирует в юридическом смысле противоречивые действия суда, которые в конечном итоге привели к лишней нагрузке двух судов при объективной возможности проведения заседания без задействования как минимум работников суда «посредника», а как максимум – работников отдела информатизации и связи суда, рассматривающего дело. Из чего мы можем сделать вывод, что судебский аппарат, несмотря на объективные возможности, позволяющие удовлетворить заявленное ходатайство, вынужден или отказывать, или удовлетворять в формате, который увеличит и без того высокую нагрузку суда при организации такого заседания. Возможно, такая ситуация сложилась из-за юридического несовершенства законодательства, которое вынудило суд проводить заседание в более технически сложном формате, что говорит о необходимости упрощения порядка организации судебных заседаний при волеизъявлении лиц, заявивших намерение проводить заседание таким способом, и участвующих лиц.

Существуют и другие распространенные случаи из практики, в которых судьи в сложившейся ситуации оперативно находили выход, и тем самым упрощали процесс. Ставя на одну чашу весов точное соблюдение процессуального закона и внутреннего организационного порядка, а на другую – возможность участия стороны по делу лично, тем самым реально обеспечивая доступность правосудия, отдавали предпочтение последнему.

В юридическом сообществе широкую известность получило дело об административном правонарушении № 5-40/2020, рассмотренное в Невьянском городском суде Свердловской области в период пандемии COVID-19, и действия уже указанного ранее Постановления № 808, о про-

цессуальных особенностях рассмотрения которого высказались многие эксперты. Внимание привлек тот факт, что дело было рассмотрено «путем видеозвонка с использованием мессенджера WhatsApp»¹¹. Как было указано выше, российское законодательство предусматривает два способа проведения заседания с использованием систем видеосвязи – ВКС и ВК, и ни один из этих способов прямо не предусматривает использование мессенджеров при проведении заседания. Возможно, такой способ можно интерпретировать под проведение онлайн-заседания ВК, однако даже в таком случае необходимо установление личности физического лица, представителя физического или юридического лица путем использования системы веб-конференции, с использованием средств, обеспечивающих идентификацию лица без его личного присутствия. Иными словами, необходимо, чтобы система, через которую суд и участники намерены провести заседание, могла гарантировать, что лицо, участвующее в деле, является заявленным ранее участником. Мессенджер WhatsApp, как и другие мессенджеры, не является единой системой идентификации и аутентификации: при регистрации лицо может заявить любые данные о себе – фамилию, имя, отчество, которые лицу не соответствуют. Исходя из этого, доподлинно установить, какое лицо принимает участие в деле через мессенджер, невозможно, несмотря на просьбы судов показать в камеру паспорт лица или другой документ, удостоверяющий личность. Более того, рассмотренное дело об административном правонарушении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) не закрепляет способ проведения заседания без личного участия с использованием ВК – только ВКС (ст. 29.14 КоАП РФ). В ходе рассмотрения предмета статьи мы выяснили особенности проведения заседаний с ВКС в судах, поэтому дело не могло быть рассмотрено с использованием мессенджера WhatsApp на законных основаниях.

Несомненно, такой способ рассмотрения дела вызвал ряд вопросов у юридического сообщества о соблюдении процессуальных норм при судопроизводстве. Однако необходимо выяснить последствия нарушения процессуального закона и как это повлияло на законность судебного постановления в целом. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ при подаче жалобы постановление по делу об административном наруше-

¹¹ Решение по делу об административном правонарушении № 5-40/2020 Невьянского городского суда Свердловской области [Электронный ресурс]. – URL: https://neviyansky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=106111874&delo_id=1500001&new=&text_number=1 (дата обращения: 07.08.2024).

нии может быть отменено в случае существенного нарушения процессуальных требований, предусмотренных КоАП РФ, если это не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело. Эксперты задаются вопросом: могло ли проведение заседания с использованием мессенджера WhatsApp препятствовать всестороннему, полному и объективному рассмотрению дела?¹² По мнению автора, способ проведения заседания с использованием мессенджера формально нарушает процессуальный закон, однако не приводит к юридическим последствиям, ведущим к отмене судебного постановления и признания его незаконным в целом. Учитывая вышеуказанные примеры из практики, мы считаем, что такой подход судей согласуется с точкой зрения автора относительно упрощения требований к процессу при проведении заседания по видеосвязи. Нарушая формально закон, суд фактически соблюдал и возвысил важный принцип процессуального права – доступность правосудия. Проведение заседания судьей Невьянского городского суда Свердловской области через мессенджер WhatsApp сложило прецедент, который в дальнейшем использовали судьи в других регионах России – в Татарстане и Вологодской области. Свою позицию высказал Председатель Совета судей Виктор Момотов, поддержав судей-первопроходцев и фактически одобрив проведение заседаний через иные онлайн-сервисы в период пандемии, и заявил: «С учетом конкретных обстоятельств дела и с согласия участников судопроизводства допускается рассмотрение дел с использованием онлайн-сервисов, обеспечивающих возможность установления личности участника процесса и осуществления им процессуальных прав, установленных законом»¹³.

Вышеуказанный пример из практики является катализатором для разрешения смежных с данной темой немаловажных вопросов, таких как внедрение механизмов прецедентного права в российскую систему, о которых говорят в юридическом сообществе с начала развития самостоятельного российского права на протяжении последних тридцати лет. Как отмечал исследователь особенностей российского гражданского процесса доктор юридических наук Д.Я. Ма-

лешин, «...российский гражданский процесс не следует рассматривать в качестве романо-германского, а тем более англосаксонского типов отправления правосудия по гражданским делам. Он является смешанной системой гражданского судопроизводства, сочетающей признаки обеих классических моделей» [10]. Поддерживая мнение Д.Я. Малешина, считаем органичным внесение изменений прецедентного характера в российское процессуальное законодательство, а именно обязательность выводов, содержащихся в судебных постановлениях высшего судебного органа в Российской Федерации – Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ)¹⁴, для применения при вынесении судебных постановлений судами низших инстанций. На сегодняшний день суды общей юрисдикции, мировые суды фактически не обязаны следовать разъяснениям ВС РФ. Российское процессуальное законодательство, а именно ст. 391.9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), содержит норму, способствующую развитию элементов прецедентного права только в виде основания для отмены или изменения судебного постановления в порядке надзора в случае если вынесенное судебное постановление нарушает единообразие в толковании и применении судами норм права¹⁵. Так, в Обзоре ВС РФ в 2015 году содержится следующая трактовка: «под нарушением судебным постановлением единообразия в толковании и применении норм права понимается содержащееся в судебном постановлении такое толкование и применение правовых норм, которое противоречит разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации»¹⁶. На практике данный механизм работает неэффективно. При получении решения мирового судьи или районного суда в первой инстанции, которое не учитывает постановления высшего судебного органа Российской Федерации, противоречит его разъяснениям, лицу необходимо дойти до кассационной инстанции, что на практике занимает не менее полугода, чтобы возникло право

¹² Эксперты прокомментировали рассмотрение судом дела с помощью видеозвонка по WhatsApp [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-prokommentirovali-rassmotrenie-sudom-dela-s-pomoshchyu-videozvonka-po-whatsapp/> (дата обращения: 12.08.2024).

¹³ Российская газета. Федеральный выпуск № 85 (8139) [Электронный ресурс]. – URL: http://dikson.dud.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=398 (дата обращения: 07.08.2024).

¹⁴ Конституция Российской Федерации (с внесенными поправками от 14.03.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 12.08.2024).

¹⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

¹⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 6.

на пересмотр судебных постановлений в порядке надзора. В конечном итоге гражданин теряет интерес к защите своего права, в том числе из-за высокой финансовой нагрузки судебных тяжб такое продолжительное время, что это понижает уровень доступности правосудия и достижения законности вынесенного решения/определения. Решению данной проблемы несомненно способствовали бы обязательность выводов ВС РФ.

Важной темой для обсуждения, вскрывшейся в примере действий судьи Невьянского городского суда Свердловской области, является особенность использования специальных программ – мессенджеров. Полагаем, ввиду нынешней обстановки в мире нелогичным будет использование программ, владельцы которых зарегистрированы и расположены в стране, осуществляющей недружественные действия в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц¹⁷, а также программ, которые являются частью организаций, заблокированных и запрещенных в Российской Федерации по решению суда, например мессенджера WhatsApp, материнской организацией которого является Meta, запрещенная по решению суда в Российской Федерации¹⁸. Использование таких программ в государственно важной судебной отрасли может привести к уязвимости персональных данных по судебным делам, доступу к ним извне. В связи с этим считаем необходимым закрепление на законодательном уровне использование программ-мессенджеров для осуществления процессуальных действий в формате электронного правосудия только отечественного производства и актуального владения российскими юридическими и физическими лицами, таких как «Яндекс. Мессенджер», «ТамТам», ICQ, VK Teams, функционал которых аналогичен зарубежным мессенджерам и позволяет также использовать в судебном производстве.

Заключение. Развитие современных технологий и информатизации идут в параллельном направлении с развитием многих сфер жизни общества, и судебная система тому не исключение. Несмотря на юридическое закрепление более широких и удобных способов реализации процессуальных прав лиц, участвующих в деле, на практике субъекты сталкиваются со встречным

нежеланием удовлетворения требований заявителей со стороны судебных органов. В настоящее время судебные органы вынуждены выбирать между желанием оптимизировать и упростить судопроизводство и формальным нарушением процессуальных норм. Решение этого внутреннего конфликта лежит исключительно в плоскости законодательства и требует внесения изменений в действующее процессуальное законодательство.

Также следует и другой вывод, что упрощение процессуального права неизбежно. Подход оптимизации необходим и при разрешении вопроса о применении современных технологий при производстве по делу, особенно о проведении заседаний с использованием ВКС и ВК. Полагаем, что важным решением, способствующим развитию судебной системы в Российской Федерации, стало бы использование ВКС и ВК в подготовительной стадии судопроизводства, на которой предъявляются все документы, акты, заключения экспертов, пояснения специалистов и т.д., о которых ранее в положительном ключе высказывался президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Ю.С. Пилипенко 11 мая 2020 г. в ходе онлайн-конференции «Правосудие Online: потрясение – отрицание – ...прорыв?»¹⁹.

С целью уменьшения влияния судебного органа на выбор заявителем способа реализации процессуальные права и соблюдения принципа доступности правосудия автор предлагает юридически закрепить обязанности суда проводить собеседование в рамках стадии подготовки дела в формате онлайн-заседаний с использованием системы веб-конференции или другой аналогичной системы. Собеседование судьи с участниками дела предусмотрено ст. 150 ГПК РФ в рамках подготовки дела к судебному разбирательству, беседа проходит без ведения аудиопотоколирования, как правило, для опроса лиц, выяснения мнений по заявленным требованиям, предложения истцу предоставить дополнительные доказательства в определенный срок, ответчику – возражение и доказательства, подтверждающие это возражение, содействия к примирению сторон, принятия мер для заключения мирового соглашения, привлечения иных лиц к участию в деле и прочее. Все эти действия могут быть выполнены при проведении заседания в онлайн-формате, без личного участия сторон. Ввиду того что аудиопотоколирование не ведется, нет необходимости подключения к системе видеосвязи с единой системой аутентификации, а значит, подключения через распространенные

¹⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 № 1230-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 21. – Ст. 3610.

¹⁸ Компания Meta запрещена Решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу № 02-2473/2022, оставленного без изменения Судебной коллегией по гражданским делам Московского городского суда и вступившее в законную силу 20.06.2022.

¹⁹ Онлайн-конференция Федеральной палаты адвокатов России [Электронный ресурс]. – URL: <https://parf.ru/news/fpa/plyusy-i-minusy-onlayn-pravosudiya/> (дата обращения: 07.08.2024).

мессенджеры становится возможным способом связи.

Участие стороны в судебном процессе как лично, так и через представителя имеет колоссальное воздействие на рассмотрение дела. Возможность участия удаленно позволяет расширить возможности сторон при защите своих гражданских прав. Особенно остро данный вопрос стоит в Российской Федерации. Ввиду протяженности территории государства, климатических, дорожных, инфраструктурных условий, видео-конференц-связь и веб-конференция обусловлена не только дополнительным способом защиты права, но и зачастую необходимостью, невозможностью реализовать защиту своего права иным способом, что повышает уровень доступности правосудия.

С целью достижения задачи исследования относительно заявленного предмета автор предлагает некоторые решения вышеуказанных вопросов прикладного характера:

– для законодательного утверждения оптимизации (упрощения) процесса, продолжения развития информатизации и технологизации судопроизводства в России в гражданско-процессуальное законодательство необходимо внести соответствующее дополнение: ч. 2 ст. 152 ГПК РФ «Предварительное судебное заседание» дополнить вторым абзацем, изложив в следующей редакции: *«В случае подачи одной из сторон ходатайства о проведении заседания путем использования системы веб-конференции в порядке, установленном статьей 155.2 настоящего Кодекса и при отсутствии возражений от другой стороны судья проводит*

предварительное судебное заседание с использованием онлайн-сервисов²⁰, обеспечивающих возможность установления личности участника процесса и осуществления им процессуальных прав, установленных законом»;

– дополнить ст. 155.1 ГПК РФ «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи» частью пятой, изложив в следующей редакции: *«Суд обязан провести судебное заседание с использованием систем видео-конференц-связи в случае места жительства, места пребывания или места нахождения лиц, участвующих в деле, за пределами субъекта Российской Федерации, в суде которого рассматривается гражданское дело, при условии заявления ими ходатайства об этом, а также при отсутствии письменных возражений от другой стороны, не заявлявшей такое ходатайство».*

Данные изменения позволяют сторонам реализовывать свои процессуальные права в наиболее удобной для них форме, что, несомненно, с одной стороны, повысит уровень доступности правосудия и позволит оптимизировать сам процесс судопроизводства и, с другой стороны, не приведет к снижению качества осуществления самого правосудия, а также обеспечит достижение задач гражданского судопроизводства, чему предлагаемые изменения будут способствовать.

²⁰ В разъяснениях к дополнению необходимо объяснить, что значит в данном контексте «онлайн-сервис» – любая программа (мессенджер, приложение на техническом устройстве), позволяющая установить в видеоформате личность участника процесса.

Литература

1. **Колоколов Н.А.** Судебная власть: о сущем феномена в логосе: монография. – Москва: Юрист, 2005. – 560 с.
2. **Васьковский Е.В.** Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – Москва: Статут, 2016. – 624 с.
3. **Жилин Г.А.** Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: монография. – Москва: Городец, 2000. – 320 с.
4. **Царегородцева Е.А.** Способы оптимизации гражданского судопроизводства: дис. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2006. – 236 с.
5. **Коваленко А.Г., Сергеева О.Ю.** Значение принципа состязательности в судебном доказывании // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 160–161.
6. **Решетникова И.В.** Способы оптимизации арбитражного процесса // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 118–123.
7. **Шакирьянов Р.В.** Вопросы оптимизации судопроизводства по гражданским делам в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2008 г. «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 8. – С. 14–17.
8. **Борисова Е.А.** Оптимизация устройства судебных инстанций в свете реорганизации судебной системы Российской Федерации // Закон. – 2014. – № 3. – С. 107–112.
9. **Курочкин С.А.** О перспективах развития частных и публичных начал в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 1. – С. 29–48.
10. **Малешин Д.Я.** Особенности российского типа гражданского процесса // Труды Юридического факультета МГУ. Книга 10. – Москва: Правоведение, 2008. – 520 с.

References

1. **Kolokolov N.A.** Sudebnaya vlast': o sushchem fenomene v logose: monografiya. – Moskva: Yurist, 2005. – 560 s.
2. **Vas'kovskii E.V.** Kurs grazhdanskogo protsessa: sub»ekty i ob»ekty protsessa, protsessual'nye otnosheniya i deistviya. – Moskva: Statut, 2016. – 624 s.
3. **Zhilin G.A.** Tseli grazhdanskogo sudoproizvodstva i ikh realizatsiya v sude pervoi instantsii: monografiya. – Moskva: Gorodets, 2000. – 320 s.
4. **Tsaregorodtseva E.A.** Sposoby optimizatsii grazhdanskogo sudoproizvodstva: dis. ... kand. ped. nauk. – Ekaterinburg: Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. 2006. – 236 s.
5. **Kovalenko A.G., Sergeeva O.Yu.** Znachenie printsipa sostyazatel'nosti v sudebnom dokazyvanii // Pravovedenie. – 1998. – № 1. – S. 160–161.
6. **Reshetnikova I.V.** Sposoby optimizatsii arbitrazhnogo protsessa // Permskii yuridicheskii al'manakh. – 2020. – № 3. – S. 118–123.
7. **Shakir'yanov R.V.** Voprosy optimizatsii sudoproizvodstva po grazhdanskim delam v postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 24.06.2008 g. «O primenenii sudami norm Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, reguliruyushchikh proizvodstvo v sude kassatsionnoi instantsii» // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2009. – № 8. – S. 14–17.
8. **Borisova E.A.** Optimizatsiya ustroystva sudebnykh instantsii v svete reorganizatsii sudebnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii // Zakon. – 2014. – № 3. – S. 107–112.
9. **Kurochkin S.A.** O perspektivakh razvitiya chastnykh i publicnykh nachal v grazhdanskom protsesse // Vestnik grazhdanskogo protsessa. – 2014. – № 1. – S. 29–48.
10. **Maleshin D.Ya.** Osobennosti rossiiskogo tipa grazhdanskogo protsessa // Trudy Yuridicheskogo fakul'teta MGU. Kniga 10. – Moskva: Pravovedenie, 2008. – 520 s.

(статья сдана в редакцию 04.06.2024)

**ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**THE PRIORITY DIRECTION OF IMPROVING THE INSTITUTE
OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF MINORS**

УДК 342.9

Т.А. АМЕЛИНА,
кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Nedostypenko-12@yandex.ru

TATYANA A. AMELINA,
Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the
Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: актуальность темы исследования обусловлена тем, что защита прав и интересов несовершеннолетних всегда были в центре внимания российского государства и всех его общественных институтов.

В настоящее время острой проблемой является административная ответственность несовершеннолетних. Рост правонарушений, совершаемых в возрасте до шестнадцати лет, носит резонансный характер и все чаще привлекает внимание широких слоев общественности и средств массовой информации. Это послужило основанием для изучения мнений представителей научного сообщества как за, так и против изменений административного законодательства в части снижения возраста привлечения к ответственности.

Предметом исследования являются действующие нормы административного законодательства России, Германии и Республики Беларусь, а также уголовного российского законодательства, регламентирующие возрастные критерии субъекта правонарушения.

Целью написания научной статьи выступает поиск оптимального предложения по совершенствованию института административной ответственности несовершеннолетних. Аргументированные предложения автора выступают основой предложенных дополнений норм административного законодательства, что значительно обогатит теоретическую базу института административной ответственности.

Методы исследования: материалистическая диалектика, философская концептология, логико-юридический, системно-структурный, формально-юридический методы.

Выводы, представленные в статье, обоснованы опубликованными научными работами по тематике исследования.

Ключевые слова: административное право, административная ответственность, несовершеннолетние, административное правонарушение.

Для цитирования: Амелина Т.А. Приоритетное направление совершенствования института административной ответственности несовершеннолетних // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 37–42.

Abstract: the relevance of the research topic is due to the fact that the protection of the rights and interests of minors has always been the focus of attention of the Russian state and all its public institutions.

Currently, the administrative responsibility of minors is an acute problem. The increase in offenses committed under the age of sixteen is resonant and increasingly attracts the attention of the general public and the media. This served as the basis for studying the opinions of representatives of the scientific community both for and against changes in administrative legislation regarding lowering the age of accountability.

The subject of the study is the current norms of the administrative legislation of Russia, Germany and the Republic of Belarus, as well as Russian criminal legislation regulating the age criteria of the subject of the offense.

The purpose of writing a scientific article is to find the optimal proposal for improving the institution of administrative responsibility of minors. The author's reasoned proposals serve as the basis for the proposed additions to the norms of administrative legislation, which will significantly enrich the theoretical basis of the institute of administrative responsibility.

Research methods: materialistic dialectics, philosophical conceptology, logical-legal, systemic-structural, formal-legal methods.

The conclusions presented in the article are justified by published scientific papers on the subject of the study.

Keywords: administrative law, administrative responsibility, minors, administrative offense.

For citation: Amelina T.A. The priority direction of improving the institute of administrative responsibility of minors // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 37–42.

Одной из актуальных и социально значимых задач, стоящих перед государством, выступает поиск способов снижения роста числа совершаемых несовершеннолетними административных правонарушений и преступлений. Рассматривая подобную масштабную задачу, направленную на снижение числа противоправных деяний, необходимо учитывать, что при отсутствии административных правонарушений в сознании подростка формируется осознанный на правовом уровне подход к пониманию своих действий. Именно такой результат позволяет рассчитывать на то, что человек в будущем не позволит себе совершить общественно опасные деяния (преступления), что приведет к снижению их числа как среди несовершеннолетних, так и в общем удельном весе преступности.

Существует множество причин, по которым необходимо контролировать поведение несовершеннолетних.

Связано это прежде всего с тем, что формирование устойчивых привычек в поведении происходит в раннем возрасте. Они формируются не только за счет влияния, оказываемого со стороны родителей, которые стараются оградить несовершеннолетнего от негативного влияния, но и знакомых, находящихся в его близком окружении, а также за счет средств массовой информации, приложений и социальных сетей развлекательного формата, из-за которых поток поступающей информации несовершеннолетнему становится сложно контролировать. Все это в совокупности подчас несет угрозу формирования у несовершеннолетних ложных представлений о смысле жизни и главных ее ценностях [1]. В силу возрастных изменений подростки приобретают ряд внутренних установок и ошибочных суждений о мире, которые тем или иным образом искажают представление о действительной реальности [2, с. 11].

Кроме того, ввиду существующей эмоциональной подростковой нестабильности, небольшого жизненного опыта подросток может попасть под негативное влияние товарищей с деструктивной, агрессивной манерой поведения, чье авторитетное мнение порой подталкивает подростков к совершению противоправных

деяний. Пример подобного рода вседозволенности выступает основой формирования собственной модели делинквентного поведения несовершеннолетнего.

В подтверждение представленному положению можно отметить выступление Советника Председателя Государственной Думы Российской Федерации, ведущего научного сотрудника сектора теории права и государства Института государства и права Российской академии наук В.Н. Плигина, в котором он акцентировал внимание на том, что «возрастная группа с 14 до 16 лет оказывается в некой «темной» зоне: трудные подростки уже способны совершать проступки, представляющие серьезную общественную опасность, но из сферы законодательства об административных правонарушениях они выпадают. Это подчас порождает у них чувство безнаказанности, а безнаказанность ведет к намного более страшным преступлениям»¹.

Административную ответственность несовершеннолетних следует рассматривать как часть института административной ответственности, которая имеет все признаки данного института (субъект, объект, субъективную сторону, объективную сторону, содержание правового регулирования и процедуру производства), однако действующее на данный момент законодательство не имеет точного определения данного понятия.

В соответствии с ч. 1 ст. 2.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста 16 лет.

На фоне тенденций ранней акселерации, а также растущей детской жестокости многими современными исследователями критикуется положение о минимально допустимых границах субъектов административных правонарушений 3, с. 228], ввиду чего ярким проблем-

¹ Почему предлагают снизить возраст наказания подростков в новом КоАП РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2019/05/22/pochemu-predlagaiut-snizit-vozzrast-nakazaniia-podrostkov-v-novom-koap.html> (дата обращения: 26.10.2024).

ным аспектом административно-деликтного законодательства выступает вопрос понижения возраста привлечения к административной ответственности.

Представители научного сообщества высказали мнение о том, что возраст 14 лет вполне соответствует необходимому уровню развития, в границах которого возможно оценить значимость совершаемых действий.

Г.Г. Михалева указала на данный факт, отметив, что «с психологической точки зрения юные правонарушители, которым исполнилось четырнадцать лет, способны понимать фактический характер своих действий, а также в состоянии руководить ими» [4, с. 73].

К.Н. Лобанов, С.А. Москаленко указали на целесообразность снижения возраста административной ответственности до 14 лет, поскольку несовершеннолетние в указанном возрасте в силу своего физиологического и психического развития полностью понимают суть и последствия своих поступков и могут руководить ими [5, с. 52].

Аналогичного мнения придерживается Д.Б. Миннигулова, которая отмечает, что «в возрасте 14 лет подросток отдает отчет своим поступкам, он в состоянии оценить негативный характер своих противоправных действий, а также принять и оценить неблагоприятные последствия, наступающие в случае привлечения к уголовной ответственности» [6, с. 57–58].

Е.В. Ильгова и А.И. Сметанникова полагают, что целесообразно снизить возраст привлечения к административной ответственности до 15 лет, и в пользу представленной позиции авторами указано на то, что «несовершеннолетний в данном возрасте достигает такого уровня правосознания, который позволяет ему понимать существо своих действий и осознавать возможные их последствия» [7, с. 61].

Е.А. Дорожкина пишет о необходимости совершенствования отдельных положений КоАП РФ: «Требуется внести в административное законодательство поправки и изменения, которые были бы эффективны в борьбе с правонарушениями, а равно нежелательны для самих правонарушителей. Важнейшим шагом на пути к данной цели может стать снижение возраста административной ответственности до четырнадцати лет» [8, с. 219].

Исследователи Л.В. Акопов и Е.М. Марченко отметили, что «целесообразно, с учетом роста административных правонарушений, совершаемых подростками, установить в КоАП РФ административную ответственность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет за наиболее опасные административные право-

нарушения» [9, с. 44]. К «наиболее опасным» правонарушениям авторы относят: мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ), мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), а также правонарушения, связанные с распитием алкогольной продукции в общественных местах, в общественном транспорте, в организациях культуры и спортивных сооружениях, потребление наркотических и психотропных веществ и появление в состоянии опьянения в общественных местах (ст. 20.20 и 20.21 КоАП РФ).

В своей статье Г.Г. Михалева поддерживает значимость идеи снижения общего возраста административной ответственности с 16 до 14 лет, однако считает, что требуется снизить возрастной ценз лишь по отдельным составам правонарушений [4, с. 73].

Разделяют подобный подход В.И. Попов и Е.С. Гилева, говоря о том, что «четырнадцатилетние подростки уже отлично понимают принятую в обществе недопустимость и вредность таких действий, как насильственные деяния в отношении человека, жестокое обращение с животными, посягательство на чужое имущество, нарушение основных правил дорожного движения как в качестве пешехода, так и водителя мотосредства, велосипеда, требований безопасности на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, объектах энергетики, мелкое хулиганство, потенциально опасное использование газового, пневматического оружия» [10, с. 19].

С.В. Гороб полагает, что «снижение возраста привлечения к административной ответственности с шестнадцати до четырнадцати лет благоприятно скажется на состоянии дел по профилактике детской преступности и правонарушений» [11, с. 245].

Также выступила в поддержку дискуссионного вопроса Э.Ф. Байсалуева, указав на то, что «с учетом роста количества противоправных деяний, совершаемых подростками, не достигшими возраста административной ответственности, целесообразно снизить возраст административной ответственности несовершеннолетних за отдельные административные правонарушения, совершенные осознанно, в противоправных целях, с шестнадцати лет до четырнадцати лет» [12, с. 140]. К таким деяниям автор относит составы, предусмотренные ст. 7.17, 7.27, 20.1, 20.3 КоАП РФ.

Обращая внимание на представленную дискуссионную тему, А.П. Солдатов и С.Н. Братановский отметили, что «с учетом произошедших изменений целесообразно понизить возраст наступления административной ответственности с 16 до 14 лет» [13, с. 59].

Одновременно с этим существуют и позиции авторов, не разделяющих общую тенденцию по снижению возраста административной ответственности.

Так, противником данного подхода является О.А. Федотова, которая указала на то, что «привлечение к административной ответственности несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста, негативно сказывается на превентивной составляющей производства, а иногда и делает невозможным установление истины по делу» [14, с. 242].

Разнообразие мнений свидетельствует об актуальности рассматриваемого вопроса. Аккумулируя представленные тезисы, полагаем, что оптимальным вариантом совершенствования отдельных положений административной ответственности несовершеннолетних выступает предложение, связанное с определением перечня правонарушений, за совершение которых необходимо привлекать лицо, достигшее на момент их совершения 14-летнего возраста. Данная практика выступает аналогичной существующей политике уголовного законодательства, где ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации регламентирует перечень составов преступлений, по которым субъектом считается лицо, достигшее 14-летнего возраста.

На то что отдельные составы правонарушений требуют понижения возраста ответственности, указывал в своем выступлении В.Н. Плигин: «...подростки в возрасте от 14 до 16 лет совершали побои в отношении сверстников. Подобные правонарушения носили системный характер, а ситуация оценивались как невозможная для предотвращения, в силу отсутствия правовых рычагов реагирования»².

По нашему мнению, целесообразно выделить следующую составы административных правонарушений, ответственность по которым должна наступать с 14 лет: ст. 6.8, 6.1.1, 7.17, 7.27, ч. 2 ст. 8.52, 9.7, 11.1, 12.7, 12.29, 12.33, 19.3, 19.13, 20, 20.3.1, 20.18, 20.20, 20.21, 20.27, 20.29, 20.31 КоАП РФ.

В настоящее время перечень не является исчерпывающим и при более детальном анализе может быть дополнен необходимыми нормами КоАП РФ.

Кроме того, вести речь о реформировании административно-деликтного законодательства без изучения потенциала административных норм, регламентирующих возраст привлечения к ответственности, закрепленных в законода-

тельстве зарубежных стран, преждевременно. Наличие опыта зарубежных государств является неотъемлемой частью современных административно-правовых исследований.

В Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь ст. 4.2 «Возраст, с которого наступает административная ответственность» закреплен возраст привлечения к ответственности с 14 лет за отдельные составы правонарушений³.

Законодательство Германии содержит нормативные акты, регулирующие деликты, не подпадающие под положения об уголовной ответственности, при этом возрастной порог, соответствующий административной ответственности, начинается с 14 лет, вместе с тем предусматривается возможность привлечения к ответственности родителей, однако при наличии обязательного условия – совершение административно-правового деликта совместно или, как регламентируется в законе, в «соучастии» [15, с. 55].

Представляется обоснованным заимствование законодательного опыта иностранных государств для совершенствования российского административно-деликтного законодательства.

Полагаем также, что при внесении подобного рода изменений в КоАП РФ в индивидуальных случаях требуется устанавливать уровень развития несовершеннолетнего. Речь идет о ситуациях, при которых лицо, уполномоченное на составление протокола об административном правонарушении, объективно полагая, что несовершеннолетний правонарушитель имеет несоответствие фактическому возрасту, признаки задержек и отклонений в развитии (как психологическом, так и интеллектуальном), не связанных с психическими заболеваниями, обязано назначать судебно-психологическую экспертизу с целью установления фактического уровня развития подростка. Данный шаг направлен на недопущение необоснованного привлечения к ответственности лица, фактически не обладающего развитием, соответствующим возрасту административной ответственности.

Обобщая представленную информацию, мы полагаем, что в целях обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних требуется понизить возраст привлечения к административной ответственности до 14 лет за совершение отдельных составов правонарушений.

Однако полагаем, что предшествовать этому должно широкое общественное обсуждение

² Почему предлагают снизить возраст наказания подростков в новом КоАП РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2019/05/22/pochemu-predlagaiut-snizit-vozrast-nakazaniia-podrostkov-v-novom-koap.html> (дата обращения: 26.10.2024).

³ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.01.2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=НК2100091> (дата обращения: 26.10.2024).

представленных новаций, а также проблем, которые могут сопутствовать ее применению, подготовка научно-обоснованной концепции.

Совершенствование положений административного законодательства находит свое отражение в изменении отдельных положений КоАП РФ. Для этого необходимо дополнить частью 1.1 ст. 2.3 КоАП РФ в следующей редакции: «1.1. Административной ответственности подлежит физическое лицо, достигшее на момент совершения правонарушения возраста четырнадцати лет при совершении деяния, предусмотренного ст. 6.8 «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ» КоАП РФ, ст. 6.1.1 «Побои» КоАП РФ, ст. 7.17 «Уничтожение или повреждение чужого имущества» КоАП РФ, ст. 7.27 «Мелкое хищение» КоАП РФ, ч. 2 ст. 8.52 «Несоблюдение требований к содержанию животных» КоАП РФ, ст. 9.7 «Повреждение электрических сетей» КоАП РФ, ст. 11.1 «Действия, угрожающие безопасности движения на железнодорожном транспорте и метрополитене» и ст. 12.7 «Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством» КоАП РФ, ст. 12.29 «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным лицом, участвующим в процессе дорожного движения» КоАП РФ, ст. 12.33 «Повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений» КоАП РФ, ст. 19.3 «Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере

миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации» и ст. 19.13 «Заведомо ложный вызов специализированных служб» КоАП РФ, ст. 20.1 «Мелкое хулиганство» КоАП РФ, ст. 20.3 «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами» КоАП РФ, ст. 20.3.1 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» КоАП РФ, ст. 20.18 «Блокирование транспортных коммуникаций» КоАП РФ, ст. 20.20 «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах» КоАП РФ, ст. 20.21 «Появление в общественных местах в состоянии опьянения» КоАП РФ, ст. 20.27 «Нарушение правового режима контртеррористической операции» КоАП РФ, ст. 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов» КоАП РФ, ст. 20.31 «Нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» КоАП РФ».

Таким образом, усматривается необходимость в совершенствовании административного законодательства в части ответственности несовершеннолетних правонарушителей, что позволит предотвратить увеличение количества таких правонарушений посредством повышения степени ответственности подростков за содеянное.

Литература

1. **Дизер О.А.** Правовые и организационные проблемы противодействия правонарушениям в области общественной нравственности // Административное право и процесс. – 2012. – № 6. – С. 36–40.
2. **Абрамова Ю.М., Зяблицева А.С.** Современные тенденции криминологической характеристики личности несовершеннолетнего преступника / Актуальные проблемы публичного права: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции; под ред. О.Н. Дядькина [и др.]. Том 1. Выпуск 9. – Владимир: Шерлок-Пресс, 2019. С. 10–13.
3. **Боренштейн А.Л.** Административные правонарушения несовершеннолетних: причины и способы минимизации // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29. – № 3 (90). – С. 224–230.
4. **Михалева Г.Г.** Вопросы совершенствования административно-юрисдикционной деятельности полиции по привлечению несовершеннолетних к административной ответственности // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 6 (222). – С. 72–74.
5. **Лобанов К.Н., Москаленко С.А.** К вопросу об административной ответственности несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 1. – С. 48–53.
6. **Миннигулова Д.Б.** Административная ответственность несовершеннолетних: правовые коллизии // Право и государство. – 2024. – № 3 (4). – С. 55–58.
7. **Ильгова Е.В., Сметанникова А.И.** К вопросу о снижении возраста административной ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – № 5 (124). – 2018. – С. 58–61.
8. **Дорожкина Е.А.** Снижение возраста административной ответственности: за и против / Актуальные проблемы публичного права: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции; под ред. О.Н. Дядькина [и др.]. Том 1. Выпуск 9. – Владимир: Шерлок-Пресс, 2019. С. 217–220.

9. **Акопов Л.В., Марченко Е.М.** Административная ответственность несовершеннолетних // Экономика и социум. – 2015. – № 6-2 (19). – С. 41–45.
10. **Гилева Е.С.** К вопросу о совершенствовании юрисдикционной деятельности КДН и ЗП / Безопасное детство как правовой и социально-педагогический концепт: в ракурсе «траектория профессионального развития современного педагога»: материалы X Всероссийского научно-практического форума для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и специалистов. – Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2023. С. 17–20.
11. **Гороб С.В.** Снижение возраста привлечения к административной ответственности как мера профилактики последующих правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Бизнес в законе. – 2007. – № 3. – С. 244–245.
12. **Байсалуева Э.Ф.** Некоторые проблемы реализации административной ответственности несовершеннолетних и пути их преодоления // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 1 (47). – С. 134–141.
13. **Солдатов А.П., Братановский С.Н.** Административная ответственность несовершеннолетних в России: вопросы теории и практики // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 3 (63). – С. 52–61.
14. **Федотова О.А.** Задачи и принципы производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних // Общество и право. – 2016. – № 1 (55). – С. 239–242.
15. **Жукова Н.А., Полуляхов А.В.** Сравнительный анализ административной ответственности несовершеннолетних в России и зарубежных странах // The Scientific Heritage. – 2021. – № 68-4 (68). – С. 54–57. – DOI 10.24412/9215-0365-2021-68-4-54-57.

References

---

1. **Dizer O.A.** Pravovye i organizacionnye problemy protivodejstviya pravonarusheniyam v oblasti obshchestvennoj nravnstvennosti // Administrativnoe pravo i process. – 2012. – № 6. – С. 36–40.
2. **Abramova Yu.M., Zyabliceva A.S.** Sovremennye tendencii kriminologicheskoy karakteristiki lichnosti nesovershennoletnego prestupnika / Aktual'nye problemy publichnogo prava: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii; pod. red. O.N. Dyad'kina [i dr.]. Tom 1. Vypusk 9. – Vladimir: Sherlok-Press, 2019. S. 10–13.
3. **Borenshtejn A.L.** Administrativnye pravonarusheniya nesovershennoletnih: prichiny i sposoby minimizacii // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2023. – Т. 29. – № 3 (90). – С. 224–230.
4. **Mihaleva G.G.** Voprosy sovershenstvovaniya administrativno-yurisdikcionnoj deyatel'nosti policii po privlecheniyu nesovershennoletnih k administrativnoj otvetstvennosti // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2023. – № 6 (222). – С. 72–74.
5. **Lobanov K.N., Moskalekno S.A.** K voprosu ob administrativnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. – 2015. – № 1. – С. 48–53.
6. **Minnigulova D.B.** Administrativnaya otvetstvennost' nesovershennoletnih: pravovye kollizii // Pravo i gosudarstvennost'. – 2024. – № 3 (4). – С. 55–58.
7. **Il'gova E.V., Smetannikova A.I.** K voprosu o snizhenii vozrasta administrativnoj otvetstvennosti // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – № 5 (124). – 2018. – С. 58–61.
8. **Dorozhkina E.A.** Snizhenie vozrasta administrativnoj otvetstvennosti: za i protiv / Aktual'nye problemy publichnogo prava: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii; pod red. O.N. Dyad'kina [i dr.]. Tom 1. Vypusk 9. – Vladimir: Sherlok-Press, 2019. S. 217–220.
9. **Akopov L.V., Marchenko E.M.** Administrativnaya otvetstvennost' nesovershennoletnih // Ekonomika i socium. – 2015. – № 6-2 (19). – С. 41–45.
10. **Gileva E.S.** K voprosu o sovershenstvovanii yurisdikcionnoj deyatel'nosti KDN i ZP / Bezopasnoe detstvo kak pravovoj i social'no-pedagogicheskij koncept: v rakurse «traektoriya professional'nogo razvitiya sovremennoogo pedagoga»: materialy H Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo foruma dlya studentov, magistrantov, aspirantov, преподаvatelej i specialistov. – Perm': Permskij gosudarstvennyj gumanitarno-pedagogicheskij universitet, 2023. S. 17–20.
11. **Gorob S.V.** Snizhenie vozrasta privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti kak mera profilaktiki posleduyushchih pravonarushenij i prestuplenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi // Biznes v zakone. – 2007. – № 3. – С. 244–245.
12. **Bajsalueva E.F.** Nekotorye problemy realizacii administrativnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih i puti ih preodoleniya // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2019. – № 1 (47). – С. 134–141.
13. **Soldatov A.P., Bratanovskij S.N.** Administrativnaya otvetstvennost' nesovershennoletnih v Rossii: voprosy teorii i praktiki // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2022. – № 3 (63). – С. 52–61.
14. **Fedotova O.A.** Zadachi i principy proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v otnoshenii nesovershennoletnih // Obshchestvo i pravo. – 2016. – № 1 (55). – С. 239–242.
15. **Zhukova N.A., Polulyahov A.V.** Sravnitel'nyj analiz administrativnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih v Rossii i zarubezhnyh stranah // The Scientific Heritage. – 2021. – № 68-4 (68). – С. 54–57. – DOI 10.24412/9215-0365-2021-68-4-54-57.

(статья сдана в редакцию 09.08.2024)

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
НУЖНО ЛИ ВОЗРОЖДАТЬ СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ?****REFLECTIONS ON THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF RUSSIAN PRELIMINARY INVESTIGATION: IS IT NECESSARY
TO REVIVE JUDICIAL INVESTIGATORS?**

УДК 343.102

С.Б. РОССИНСКИЙ,

доктор юридических наук, профессор
(Институт государства и права Российской
академии наук,
Россия, Москва)
s.rossinskiy@gmail.com

S.B. ROSSINSKIY,

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia)

Аннотация: статья продолжает цикл публикаций автора, посвященных проблемам, тенденциям и перспективам дальнейшего развития системы досудебной уголовной юстиции Российской Федерации. Рассматриваются возможности повторного внедрения в национальные механизмы предварительного расследования уголовного дела ранее используемого, а затем упраздненного института судебных следователей. Раскрываются основные достоинства данного института в современных реалиях российского социума и российской государственности: его предрасположенность к традиционным потребностям большинства населения в сфере борьбы с преступностью, а также способность преодолению целого ряда доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем. Одновременно исследуются недостатки деятельности судебных следователей, в частности тяжеловесность, длительность, заформализованность и высокая стоимость содержания и функционирования судебно-следственного аппарата. Кроме того, принимаются во внимание географические и демографические особенности Российской Федерации.

В результате формулируется вывод о явной неприемлемости для современного российского общества и государства вектора дальнейшего развития досудебной уголовной юстиции по классическим французским канонам, в частности реставрации некогда существовавшего корпуса специальных судебно-следственных чиновников, наделенных всей полнотой, по крайней мере подавляющим большинством, властных полномочий в сфере расследования уголовных дел. Вместе с тем утверждается необходимость сохранения отдельных элементов французской типовой модели досудебного производства.

Ключевые слова: досудебное производство, полномочия следователя, предварительное расследование, предварительное следствие, следователь, следственный судья, судебный следователь.

Для цитирования: Россинский С.Б. Размышления о перспективах развития российского предварительного расследования: нужно ли возрождать судебных следователей? // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 43–48.

Annotation: the article continues the author's series of publications devoted to the problems, trends and prospects of further development of the pre-trial criminal justice system of the Russian Federation. The possibilities of reintroducing the previously used and then abolished institute of judicial investigators into the national mechanisms of preliminary investigation of a criminal case are being considered. The main advantages of this institution in the modern realities of Russian society and Russian statehood are revealed:

its predisposition to the traditional needs of the majority of the population in the field of combating crime, as well as contributing to overcoming a number of doctrinal, regulatory and practical problems. At the same time, the shortcomings of the activities of judicial investigators are being investigated, in particular the heaviness, duration, formalization and high cost of maintaining and functioning the judicial investigative apparatus. In addition, the geographical and demographic features of the Russian Federation are taken into account.

As a result, the conclusion is formulated that the vector of further development of pre-trial criminal justice according to classical French canons is clearly unacceptable for modern Russian society and the state, in particular, the restoration of the once-existing corps of special judicial and investigative officials endowed with full, at least the overwhelming majority, of authority in the field of criminal investigation. At the same time, it is argued that it is necessary to preserve certain elements of the French standard model of pre-trial proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, powers of the investigator, preliminary investigation, preliminary investigation, investigator, investigating judge, judicial investigator.

For citation: Rossinskiy S.B. Reflections on the prospects for the development of Russian preliminary investigation: is it necessary to revive judicial investigators? // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 43–48.

Введение. Современные реалии и тенденции инкрементального эволюционирования российской системы досудебного производства по уголовному делу, предполагающие нестабильность законодательства и постоянные колебания правоприменительной практики, заставляют вновь и вновь задумываться об общем векторе и перспективах дальнейшего развития предварительного следствия как все еще признаваемой в качестве базовой формы предварительного расследования в целом и правового положения следователя как основного субъекта-расследователя в частности. На протяжении всех последних лет данные вопросы привлекают повышенное внимание государственных и общественных деятелей, ученых-процессуалистов, крупных практических работников и других специалистов, побуждая ко все новым и новым раундам полемических обсуждений. Высказываются самые разные точки зрения – вплоть до полного упразднения предварительного следствия с его заменой непроцессуальной деятельностью правоохранительных органов, наподобие англосаксонской модели досудебного расследования, либо полицейским дознанием немецкого типа.

Однако наиболее распространенными все же являются достаточно умеренные и консервативные взгляды, предполагающие сохранение уже ставшего традиционным для национальной системы уголовной юстиции следственного аппарата, обладающего всей полнотой юрисдикционной правосубъектности и призванного осуществлять полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела в целях обеспечения возможности формирования позиции государственного

обвинения как предмета предстоящего судебного разбирательства. А их вариативность, приводящая к соответствующим спорам и дискуссиям, обуславливается не столько отрицанием феномена предварительного следствия как такового, сколько различными позициями по менее концептуальным вопросам, например связанным со степенью процессуальной самостоятельности «рядовых» следственных работников [1, с. 40–42; 2, с. 70–76], с известными намерениями упразднить достаточно «тяжелую», отнимающую много времени и сил процедуру привлечения в качестве обвиняемого [3, с. 10] и т.д. И в этой связи особо актуальным и дискуссионным видятся идеи о реставрации в современной России некогда существовавшего корпуса судебных (в дальнейшем – народных) следователей как одного из базовых элементов французской типовой модели досудебного производства в ее национальном воплощении. Некоторым размышлениям о достоинствах и недостатках практической реализации подобных идей и посвящена настоящая статья.

Описание исследования. Общеизвестно, что французская типовая модель досудебного производства предполагает дифференциацию непроцессуального полицейского дознания и процессуальной деятельности так называемых *juges d'instruction* – специальных судебно-следственных чиновников, уполномоченных осуществлять предварительное следствие, наделенных для этого подлинной юрисдикционной правосубъектностью, в том числе способных формировать изначально пригодные к дальнейшему использованию в судебном заседании

доказательственные активы (доказательства), давать правовую оценку (квалификацию) содеянного, выносить имеющие юридические последствия правоприменительные решения. Эта модель восходит к классическим правилам предварительного следствия романо-германского типа, получившим официальное признание на рубеже XVIII–XIX вв. и впервые нашедшим легальное отражение в знаменитом наполеоновском Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г. – знакомом кодифицированном акте, подготовленном командой буржуазных юристов-реформаторов под руководством графа Ж.-Б. Трейяра и прослужившем французской уголовной юстиции в течение последующих 150 лет (вплоть до 1958 г.). Для своего времени указанные правила оказались настолько удачными и прогрессивными, настолько хорошо вписались в общие тенденции развития континентально-европейского права, что в дальнейшем были приняты «на вооружение» во многих иных государствах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, а в ряде стран, с учетом некоторых коррективов, продолжают использоваться по сей день [4, с. 158].

Российская империя тоже не стала исключением. Будучи ориентированными именно на французские социально-культурные ценности, участвующие в подготовке и претворении в жизнь известной Судебной реформы 1860-х гг., представители российской политической и юридической элиты также постарались обеспечить максимальную степень преемственности новой на тот момент национальной модели досудебного производства по отношению к классическим канонам предварительного следствия романо-германского типа. Легализованная в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и некоторых других нормативных актах дореволюционная система досудебной уголовной юстиции сводилась к функционированию учрежденного четырьмя годами ранее корпуса судебных следователей, осуществляющих расследование уголовных дел при содействии полиции, под наблюдением прокуроров и их товарищей.

Более того, невзирая на обусловленное начавшимися в 1917 г. известными политическими катаклизмами, учреждение временных органов революционной, в том числе трибунальной, юстиции и введение в действие эфемерных, так называемых декретных правил революционного судопроизводства, уже через несколько лет возникли тенденции, связанные с возвращением к «царским» механизмам досудебного производства, в том числе с появлением все тех же обладающих индивидуальной юрисдикционной

правосубъектностью судебно-следственных чиновников, впредь называемых народными следователями. Эти тенденции сполна отразились в Положении о судоустройстве РСФСР 1922 г., в «пробном» Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. и в принятом всего через несколько месяцев «обновленном» Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. А в дальнейшем они оказали существенное влияние на развитие советской и даже постсоветской уголовной юстиции. Как неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, несмотря на инкрементальную административизацию предварительного расследования уголовных дел, в частности на передачу следственных полномочий в ведение прокуратуры и органов исполнительной власти полицейского типа, сформировавшаяся за последние сто лет национальная система досудебного производства пока что сохраняет множество элементов, свойственных следственной (судебно-следственной) модели французского типа. Ведь согласно положениям действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следователи и даже дознаватели все еще остаются наделенными полноценной юрисдикционной (квазисудебной) правосубъектностью: располагают возможностями формирования изначально пригодных к использованию в судебном заседании доказательств, юридической квалификации установленных обстоятельств, вынесения правоприменительных актов и т.д.

Иными словами, будучи достаточно эклектичной, современная система досудебного производства все еще подразумевает традиционную для российской уголовной юстиции судебно-следственную природу, все еще стоит на «наполеоновском» фундаменте. И в этой связи перспективы полноценной реставрации корпуса судебных следователей выглядят достаточно логичными, способствующими возвращению национальных механизмов предварительного расследования к своим историческим корням. Тем более что подобный вектор реформирования досудебной уголовной юстиции позволит получить некоторые очевидные предпочтения.

Так, во многом основанная на принципах инвизиционности, характеризующаяся весьма высокой степенью публичности французская типовая модель сильнее всего предрасположена к должному уровню гармонизации механизмов досудебного производства с уже ставшими традиционными потребностями российского социума в сфере борьбы с преступностью. По всей вероятности, эта модель способна максимально оправдать реальные ожидания подавляющего большинства населения, по-прежнему олице-

творяющего подлинное предназначение органов предварительного следствия именно с поиском истины [5, с. 107], сермяжной правды со стремлением к некоей человеческой, как бы житейской справедливости, соответствующей не столько юридическим законам и правилам, сколько устоявшимся в обществе обычаям, «понятиям», представлениям о добре и зле и т.д. Многие россияне, как и прежде, желают видеть в следователях тех самых Порфириев Петровичей или Пал Палычей – принципиальных, строгих, но в то же время радеющих за правду, вдумчивых, справедливых, способных к пониманию житейских проблем и человеческого горя «государевых слуг», готовых обстоятельно разобраться в мельчайших подробностях произошедшего и, самое главное, взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение прав и законных интересов «рядовых граждан», не имеющих надлежащей юридической подкованности и правовой культуры, не располагающих финансовыми возможностями для приглашения работоспособных защитников (представителей) и т.д.

Кроме того, очевидно, что реставрация корпуса судебных следователей способствует преодолению целого ряда доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, возникших именно вследствие постепенных преобразований дореволюционной системы досудебного производства. В частности, это позволит, наконец, полностью отказаться от стадии возбуждения уголовного дела, устранить извечные споры о природе задержания подозреваемого, об использовании в доказывании результатов непроцессуальной деятельности, о других появившихся за последние сто лет противоречиях досудебной части уголовно-процессуального законодательства и соответствующей правоприменительной практики. Кроме того, подобные правотворческие шаги приведут к более четкому разграничению дознания и предварительного следствия, к существенному снижению наблюдаемой в настоящее время неопределенности в полномочиях осуществляющих их должностных лиц, к иным позитивным результатам.

Вместе с тем таким идеям присущ и целый ряд «слабых звеньев», ставящих возможность их практического воплощения для нужд российской уголовной юстиции под большой вопрос. Наиболее существенными из них являются «тяжесть», длительность, инертность, а значит, и высокая стоимость (неэкономичность) механизмов работы классических судебно-следственных чиновников. Ввиду потребности в реализации множества известных процессуальных полномочий, связанных с полным, всесторонним и объективным исследова-

нием обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, с собиранием (формированием) доказательств, с надлежащим обеспечением прав и законных интересов невластных участников уголовного судопроизводства, с выявлением причин и условий, способствующих совершению преступления и т.д., досудебное производство французского типа, по сути, представляет собой череду весьма сложных, трудоемких, заформализованных и забюрократизированных процедур – именно в них и кроется сакральный смысл подобной формы расследования, именно с ними и связаны важнейшие процессуальные гарантии, обуславливающие юридическую доброкачественность результатов следственной деятельности, изначальную пригодность (допустимость) таких результатов для предстоящего судебного заседания.

Можно по-разному относиться к присущим французской типовой модели досудебного производства инквизиционным началам уголовно-процессуальной деятельности. Можно, присоединившись к известным сентенциям так называемой либеральной общественности, считать их архаичным пережитком «темного прошлого» или, напротив, отбросив идеологические штампы, видеть в них более чем конструктивные и незаменимые для решения задач уголовной юстиции принципы осуществления любых досудебных расследований в любых государствах независимо от правовых традиций соответствующих наций, показателей соотношения публичности и диспозитивности, а также степени развитости правозащитных гарантий. Однако вряд ли кто-либо из специалистов станет оспаривать сложность и высокую трудозатратность подобных механизмов, их предрасположенность к достаточно существенным бюджетным вливаниям – в любом случае «инквизиция» была, есть и останется весьма «дорогим удовольствием», предполагающим возложение на общество и государство бремени по содержанию, обеспечению деятельности и надлежащему финансированию многочисленного судебно-следственного аппарата в целом и удовлетворению его функциональных потребностей в частности. Кстати, по всей вероятности, именно этим в первую очередь и объясняется не востребованность подобных механизмов в странах англосаксонской правовой семьи, а также возникновение и активное внедрение в мировую практику немецкой модели, основанной на отказе от судебно-следственных процедур формирования позиции государственного обвинения.

Кроме того, сложности видятся в географических и демографических особенностях России, предполагающих неравномерную, преимущественно низкую плотность населения, в частности существование множества малых населенных пунктов, разбросанных на десятки и даже сотни километров, то есть расположенных на значительном расстоянии от районных центров и других «очагов цивилизации». В таких непростых условиях наблюдаются изрядные трудности даже в части осуществления более привычных механизмов реализации судебной власти по уголовным, гражданским и прочим делам, сводящихся к проведению разорванных во времени судебных заседаний с правом их отложения, объявления достаточно длительных перерывов и т.п. – даже для решения этих задач государство вынужденно учреждать вызывающие серьезные нарекания малосоставные суды, допускать возможность проведения выездных судебных заседаний и пр. Что уж говорить про идеи возрождения корпуса специализированных судебно-следственных чиновников, должных отвечать за предварительное расследование уголовного дела на постоянной основе и готовых держать руку на пульсе буквально в круглосуточном режиме? Перспективы введения подобных правил на всей территории страны представляются весьма и весьма маловероятными.

Заключение. Таким образом, на основании всего изложенного напрашивается вывод: ни современное российское общество, ни реалии современной российской государственности явно не предрасположены к дальнейшему развитию досудебной уголовной юстиции по классическим французским лекалам, в частности к реставрации некогда существовавшего корпуса специальных судебно-следственных чиновников, наделенных всей полнотой, по крайней мере подавляющим большинством, юрисдикционно-расследовательских полномочий, в том числе способных формировать изначально пригодные к дальнейшему использованию в судебном заседании доказательства, давать правовую оценку (квалификацию) содеянного, выносить имеющие юридические последствия правоприменительные решения.

Реализация подобных идей может привести к целому ряду весьма негативных последствий, сводящихся к существенному утяжелению досудебного производства, к его еще большей бюрократизированности и «неповоротливости», а также к повышению его затратности, то есть необходимости выделения и расходования государством дополнительных бюджетных

средств, требуемых для надлежащей организации и работы судебных следователей и сотрудников их аппаратов.

Вместе с тем отказ законодателя от ряда еще присущих российской уголовной юстиции элементов французской типовой модели досудебного производства, в частности от концепции «сильного», ответственного, вдумчивого, понимающего и справедливо-го следователя, призванного искать правду, устанавливать истину, то есть осуществлять полное, всестороннее и объективное познание всех имеющих значение обстоятельств и одновременно заботиться о правах и интересах участвующих лиц, также видится неконструктивным. Кстати, по этой же причине неприемлемыми для российского общества видятся немецкая и англосаксонская типовые модели досудебного производства (расследования), предполагающие резкое упрощение и удешевление познавательной деятельности за счет снижения публичных (иначе, инквизиционных) начал и, как следствие, полный либо частичный отказ от ответственности за обеспечение прав и интересов обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего, других вовлекаемых лиц.

В этой связи наиболее оптимальным представляется дальнейшее развитие досудебной уголовной юстиции по возникшему в середине XX в. особому, так сказать, национальному пути, предполагающему возложение «юрисдикционно-расследовательских» полномочий на внесудебные органы государственной власти: на существующий с 2011 г. и уже доказавший свою жизнеспособность Следственный комитет Российской Федерации, на следственные органы, входящие в систему органов внутренних дел и Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Однако реализация подобных идей возможна лишь при условии непротиворечивости отдельных элементов планируемой модели досудебного производства, дифференциации несовместимых функций и полномочий соответствующих государственных органов и должностных лиц, в первую очередь четкого разграничения функций полиции и юстиции. В любом случае очевидно одно: для претворения в жизнь таких замыслов потребуются существенные изменения принципов организации и функционирования органов предварительного следствия: понадобится новая парадигма их работы, схожая не столько с канонами деятельности правоохранительных ведомств полицейского типа, сколько с подходами к деятельности органов судебной власти.

Литература

---

1. **Быков В.М.** Процессуальная самостоятельность следователя // Уголовный процесс. – 2008. – № 5. – С. 40–43.
2. **Россинский С.Б.** Реквием по процессуальной самостоятельности следователя // Философия права. – 2022. – № 3. – С. 70–76.
3. **Гаевилов Б.Я.** XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 7–14.
4. **Смирнов А.В.** Модели уголовного процесса. – Санкт-Петербург: Альфа, 2000. – 224 с.
5. **Давлетов А.А., Азаренок Н.В.** Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития: монография. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2023. – 528 с.

References

---

1. **Bykov V.M.** Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya // Ugolovnyi protsess. – 2008. – № 5. – S. 40–43.
2. **Rossinskii S.B.** Rekvie'm po protsessual'noi samostoyatel'nosti sledovatelya // Filosofiya prava. – 2022. – № 3. – S. 70–76.
3. **Gavrilov B.Ya.** KhKh let rossiiskomu ugolovno-protsessual'nomu zakonu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprimenitelya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2021. – № 6. – S. 7–14.
4. **Smirnov A.V.** Modeli ugolovnogo protsessa. – Sankt-Peterburg: Al'fa, 2000. – 224 s.
5. **Davletov A.A., Azarenok N.V.** Ugolovnyi protsess Rossii: istoricheskie korni, sovremennoe sostoyanie, perspektivy evolyutsionnogo razvitiya: monografiya. – Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet imeni V.F. Yakovleva, 2023. – 528 s.

(статья сдана в редакцию 28.07.2024)

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ К ИХ РЕШЕНИЮ

ISSUES OF LIABILITY FOR ACTS COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES: PROBLEMS AND APPROACHES TO THEIR SOLUTION

УДК 340.14

П.Н. КОБЕЦ,
доктор юридических наук, профессор
(Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
Россия, Москва)
pkobets37@rambler.ru

PETER N. KOBETS,
Doctor of law, Professor
(National Research institute
of the Ministry of Interior
of the Russian Federation,
Moscow, Russia)

Аннотация: актуальность исследования вызвана тем, что новейшие интеллектуальные технологии превращаются в неотъемлемый компонент жизнедеятельности. При этом происходит трансформация сущностных характеристик общественных отношений. В свою очередь, правоведомы делают попытки по оценке этих явлений с правовых позиций, и в том числе необходимости мер ответственности в сфере развития интеллектуальных технологий. Однако сегодня еще сложно говорить о готовности законодательного регулирования правоотношений в этой сфере. Целью исследования стало изучение вопросов, связанных с мерами ответственности в области обозначенных технологий. Объектом исследования выступали научно-исследовательские работы, подготовленные отечественными учеными и специалистами по праву, связанные с проблематикой ответственности за деяния, совершаемые с использованием технических устройств, использующих в работе новые технологии. Осуществляя изучение запланированных аспектов выбранной в качестве научного анализа проблемы, были использованы разнообразные научные приемы и способы познания, выстраиваемые с учетом подбора, а также обязательного дальнейшего анализа собранного эмпирического материала. В процессе исследования автором применялся всеобщий диалектический метод познания, ряд общенаучных методов, в том числе анализ, синтез, обобщение, а также ряд частнонаучных, таких как исторический, системный, формально-юридический, логический, сравнительно-правовой. Анализируя развернувшуюся в последнее время на страницах различных юридических изданий научную дискуссию по вопросу проблемных аспектов ответственности за противоправную деятельность, совершаемую с использованием технологий искусственного интеллекта, автором предложено собственное видение разрешения данной проблематики. Авторская позиция является в полной мере обоснованной: им подчеркивается, что наделять технические устройства, использующие в своей работе различные новые технологии, статусом субъекта преступных посягательств преждевременно. Из перечня субъектов преступлений, совершаемых при помощи анализируемых технических устройств, следует привлекать к ответственности разработчиков, проектировщиков, производителей и лиц, вводящих в эксплуатацию эти системы. Делается вывод о том, что в дальнейшей перспективе законодательные нормы в уголовно-правовой сфере должны быть основным объектом по охране безопасности личности, общества и государства от противоправного воздействия разного рода технической продукции, функционирующей на основе новых технологий. Предложено сосредоточиться на разработке новых правовых норм, с учетом положений которых в дальнейшем необходимо постепенно совершенствовать законодательство в рассматриваемой сфере. Высказана необходимость формирования и развития правового комплекса по обеспечению безопасности в сфере применения новейших технологий, используемых для функционирования различных технических устройств.

Ключевые слова: развитие искусственного интеллекта, законодательное регулирование робототехники, новые информтехнологии, коллективный субъект правоотношений, применение наказания, субъективные права.

Для цитирования: Кобец П.Н. Вопросы ответственности за деяния, совершаемые с использованием технологий искусственного интеллекта: проблемы и подходы к их решению // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 49–55.

Abstract: the relevance of the research is caused by the fact that the latest intellectual technologies are becoming an integral component of life activity. At the same time, the essential characteristics of social relations are transformed. In turn, legal scholars are making attempts to assess these phenomena from a legal perspective, including the need for liability measures in the field of intellectual technology development. However, today it is still difficult to talk about the readiness of legislative regulation of legal relations in this area. The purpose of the study was to study issues related to liability measures in the field of designated technologies. The object of the study was research papers prepared by domestic scientists and legal experts related to the problem of liability for acts committed using technical devices using new technologies. Carrying out the study of the planned aspects of the problem chosen as a scientific analysis, a variety of scientific techniques and methods of cognition were used, taking into account the selection, as well as the mandatory further analysis of the collected empirical material. In the process of research, the author applied the universal dialectical method of cognition, a number of general scientific methods, including analysis, synthesis, generalization, as well as a number of private scientific ones, such as historical, systemic, formal legal, logical, comparative legal. Analyzing the scientific discussion that has recently unfolded on the pages of various legal publications on the issue of problematic aspects of responsibility for illegal activities committed using artificial intelligence technologies, the author offers his own vision of solving this problem. The author's position is fully justified: he emphasizes that it is premature to endow technical devices using various new technologies in their work with the status of a subject of criminal encroachments. From the list of subjects of crimes committed with the help of analyzed technical devices, developers, designers, manufacturers and persons commissioning these systems should be held accountable. It is concluded that in the future, legislative norms in the criminal law sphere should be the main object for protecting the security of the individual, society and the state from the unlawful effects of various kinds of technical products operating on the basis of new technologies. It is proposed to focus on the development of new legal norms, taking into account the provisions of which in the future it is necessary to gradually improve legislation in this area. The necessity of forming and developing a legal complex for ensuring security in the field of application of the latest technologies used for the operation of various technical devices is expressed.

Keywords: development of artificial intelligence, legislative regulation of robotics, new information technologies, collective subject of legal relations, application of punishment, subjective rights.

For citation: Kobets P.N. Issues of liability for acts committed using artificial intelligence technologies: problems and approaches to their solution // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 49–55.

Необходимость защиты и обеспечения общественной и государственной безопасности от возникающих в условиях цифровой реальности потенциальных угроз, исходящих от новых видов преступности, ставит перед правоведами и правоохранителями в качестве приоритетных направлений задачи по разработке и реализации комплекса необходимых мер, которые будут способствовать воздействию на противоправные проявления, возникающие в ходе использования технологий искусственного интеллекта. В дальнейшем в работе, говоря о новых технологиях, автор в первую очередь будет иметь в виду новейшие компьютерные технологии и технологии искусственного интеллекта. Между тем, совершенно очевидно, что обеспечивать защищенность государства и общества от рассматриваемых угроз весьма непросто без модернизации мер ответственности за противоправную

деятельность, совершаемую с применением технических устройств, использующих новые технологии. При этом также важно осознавать, что время господства цифровой среды с каждым днем все ближе, однако адекватная и достаточная правовая реакция на новые виды противоправных деяний пока что запаздывает. Все вышперечисленное свидетельствует о том, что процессы, связанные с развитием новых технологий, могут затормозиться, если не будет найден необходимый и приемлемый баланс между научно-техническими преобразованиями и обеспечением адекватной безопасности общества и государства от возможных угроз, исходящих от внедрения обозначенных технологий.

В связи с этим в настоящее время особый интерес у ученых-правоведов возникает в сфере возможных правонарушений, которые могут происходить в процессе применения техниче-

ских устройств, действующих на основе новых технологий, в том числе с применением искусственного интеллекта. Среди правоведов, исследователей и практиков наиболее часто обсуждается проблематика, связанная с признанием рассматриваемых технических устройств (таких как робототехника и др.) субъектами правоотношений. Также примечательно и то, что в настоящее время отмечается серьезная дискуссия в научной среде относительно проблемы, связанной с возникающими мерами ответственности в случае причиненного вреда анализируемыми техническими устройствами. Причем как отечественными, так и зарубежными правоведами высказываются совершенно различные позиции на этот счет. Многие из исследователей данного аспекта склонны полагать, что применение мер ответственности в рассматриваемых случаях возможно в отношении обладателей прав данных технологий, разработчиков программного обеспечения, а также операторов, их обслуживающих [1, с. 42]. Таким образом, только при разрешении большинства обозначенных вопросов возможно полноценное формирование модели по правовому регулированию автоматизированных систем и технических устройств, работающих с применением новых технологий.

Проведенный автором анализ научных исследований, посвященных проблеме правового статуса технических устройств, использующих в работе новые технологии, свидетельствует о том, что сегодня возникает большое количество вопросов о том, могут ли они рассматриваться как объекты права. В настоящее время отечественные правоведы выделяют несколько подходов по вопросу необходимости наделяния данных технических устройств правоспособностью. Согласно одному из подходов анализируемые в данном исследовании технологии могут быть только объектами правоотношений. Другой подход предполагает, что эти технологии могут быть наделены правосубъектностью как приравненные к человеку. Одна из точек зрения заключается в том, что технологии искусственного интеллекта могут выступать как коллективный субъект правоотношений, и их необходимо наделить субъективными правами и юридическими обязанностями [2, с. 402].

Существует также мнение, что статус искусственного интеллекта должен быть приравнен к физическим лицам с распространением всего комплекса прав и обязанностей, закрепленных в действующем законодательстве. В ряде научно-исследовательских работ необходимость наделяния технических устройств, использующих новые технологии, правосубъектностью объясняется стремлением гарантирования выплаты

положенного вознаграждения за конкретные плоды ее деятельности, включая создание ею объектов интеллектуальной собственности. Исходя из предпосылок и принимая во внимание юридические возможности и факты наличия и обладания электронными лицами обособленным имуществом и, соответственно, способность их увеличивать его стоимость, подобный подход может считаться полностью оправданным.

Одной из интересных точек зрения по данной проблематике является возможность применения мер ответственности к владельцам рассматриваемых видов технических устройств [3, с. 23]. Суть этого подхода связана с институтом источника повышенной опасности и заключается в том, что в результате причиненного ущерба техническими устройствами, основанными на новых технологиях, к их владельцу могут быть применены меры ответственности в соответствии со ст. 1079 «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Примечательно и то, что в соответствии с данной нормой, если будет доказано нанесение ущерба в соответствии со ст. 1079 ГК РФ, то владельцы привлекаются к мерам ответственности в любом случае, независимо от наличия или отсутствия вины. В то же время, по мнению автора, использовать данную модель, не внося в нее необходимых и даже требуемых в рассматриваемом контексте изменений, было бы не совсем правильно, поскольку применение подобного законодательного подхода неизбежно будет способствовать замедлению новых, причем необходимых, исследовательских процессов в сфере новых технологий, а безвиновная ответственность будет только подталкивать разработчиков и производителей новой технологической продукции, подготовленной на основе рассматриваемых технологий, минимизировать свои риски, а также уменьшать автономность производимых технических систем, работающих с использованием новых технологий.

Отечественными учеными в рамках вопроса ответственности за причиненный вред в сфере новых технологий также высказываются и альтернативные подходы, которые основаны на необходимости использования института по возмещению вреда, причиненного вследствие недостатка товаров, а именно в соответствии со ст. 1095 «Основания возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги» ГК РФ. В соответствии с данным подходом отечественными экспертами предлагается привлекать к ответственности разработчиков и производителей систем, работающих на основе новых технологий, непосредственно участвующих в создании

данной продукции, но не их владельцев, операторов и др., поскольку владельцы указанных устройств не имеют ни достаточных возможностей, ни необходимых квалификационных знаний по оценке функционирования рассматриваемых технических устройств и, соответственно, влияния на их работу [4, с. 92].

Автор солидарен с позицией ряда экспертов, уверенных в том, что исследовательские подходы, в которых анализируемые технические устройства рассматриваются как субъект преступления, при их реализации на практике могут обусловить наступление исключительно отрицательных последствий. В первую очередь это вызвано тем, что разного рода правонарушителям будет очень удобно применять технические устройства, использующие в своей работе новые технологии для преступных целей, и в то же время не быть наказанными. Не менее важным в данном вопросе является еще одно обстоятельство, а именно то, что юридические действия существующих субъектов права – это деятельность конкретного человека, тогда как деятельность технических устройств, в работе которых задействованы новые технологии, – это результаты выполненных алгоритмов компьютерных программ, причем не обязательно связанных напрямую с деятельностью человека. Конфигурация, связанная с сочетанием у рассматриваемых технических устройств автономности и возможности самообучаться, может привести к совершению ими таких операций, которые и вовсе не предусматривались их разработчиками и программистами.

Возможно предположить, что как только уровень автономности систем, работающих на основе новых технологий, достигнет своих пиковых значений, анализируемые модели и механизмы, связанные с ответственностью в рассматриваемой сфере, перестанут быть актуальными. Вероятно, в будущем технические устройства, работающие на основе новых технологий, постепенно будут признаваться субъектами правовых отношений. Тогда же, предположительно, на них будет возлагаться весь комплекс мер, связанных с ответственностью за причинение вреда. Вне всякого сомнения, в далекой перспективе в подобной модели будут присутствовать в том числе и возможности по привлечению к ответственности и остальных субъектов правоотношений, связанных с работой технических устройств на основе новых технологий, среди которых будут не только разработчики и производители, но и программисты, киберпреступники, а также другие лица, при условии, что ими осуществлялось перекодирование рассматриваемых технических устройств для использования в преступной

деятельности, а также в процессе их создания либо эксплуатации.

В то же время, если в долгосрочной перспективе физические носители искусственных интеллектов все же станут настолько усовершенствованы, что будут полностью независимы и автономны от людей и при этом смогут самостоятельно принимать решения, обладая осмысленным поведением и оценкой наступления негативных последствий, тогда и встанет вопрос о том, насколько необходимо рассматривать проблематику уголовной ответственности подобных технических устройств. Признание рассматриваемых технических устройств в качестве субъектов уголовной ответственности может привести к необходимости конструирования новых законодательных подходов по определению вины для указанной категории субъектов.

В связи с этим также следует подчеркнуть, что в соответствии с ч. 2 ст. 43 «Понятие и цели наказания» Уголовного кодекса Российской Федерации применение наказания осуществляется для того, чтобы восстановить социальную справедливость, ну и, конечно же, для того, чтобы исправить виновных лиц и предупредить совершение новых противоправных деяний. Разумеется, что говорить о перевоспитании и исправлении технических устройств в уголовно-правовом смысле, при помощи которых был причинен вред, абсолютно неприемлемо. Любые технические устройства можно исправить, только изменив заложенные в них разработчиками алгоритмы, на основе которых они функционируют, или же, проще говоря, перенастроить программное обеспечение. И даже в будущем, при самом совершенном искусственном интеллекте, поведение технических устройств возможно будет изменять только вследствие внешних механических воздействий.

Многие специалисты отечественной уголовно-правовой науки проблему, связанную с искусственным интеллектом и иными новыми технологиями, стремятся рассматривать исключительно в русле уголовного вреда, причиненного на основе применения технических устройств, работающих на основе использования рассматриваемых технологий. При этом чаще всего эта группа исследователей полагает, что рассматриваемая проблема должна решаться посредством дифференциации (размежевания) зоны ответственности создателей и разработчиков алгоритмов, при помощи которых происходит функционирование технических устройств на основе искусственного интеллекта, и их владельцев или же пользователей. Иначе говоря, анализируемые технические устройства не должны иметь уголовную деликтоспособность

и, соответственно, не быть субъектами любых общественно опасных деяний. При этом данные технические устройства могут лишь рассматриваться в качестве орудия совершения преступления [5, с. 177].

Подобные подходы к рассматриваемой проблеме отечественные исследователи объясняют тем, что технические устройства не могут являться субъектами уголовной ответственности, поскольку они не могут подвергаться никаким уголовно-правовым воздействиям. Скорее всего, под этим учеными понимается невозможность восприятия фактов привлечения указанных технических устройств к ответственности. И даже в том случае, если технические устройства, при помощи которых был причинен вред в результате совершения преступления, впоследствии будут утилизированы, маловероятно, что с точки зрения уголовно-правовой ответственности их уничтожение можно будет приравнивать к исполнению наказания. Таким образом, в современной юридической науке уже успела утвердиться точка зрения о том, что никакие меры юридической ответственности не могут применяться в отношении технических устройств с использованием новых технологий. При этом многие отечественные ученые отмечают, что, обращаясь к вопросу о невозможном привлечении к мерам уголовной ответственности технических устройств, применяющих в своей работе новые технологии, необходимо ссылаться на субъективную сторону правонарушения, которая у данных технических устройств полностью отсутствует. Ими также отмечается, что субъективной стороны у данных технологий просто не может быть, поскольку техническими устройствами, использующими в своей деятельности новые технологии, никак не могут быть осознаны последствия, наступившие в результате ее деятельности [6, с. 772]. Таким образом, очевидно, что в настоящее время никакие меры юридической ответственности не могут применяться в отношении рассматриваемых технических устройств.

Многие отечественные и зарубежные правоведы (к которым относится автор данной работы) говорят именно о мерах ответственности не технических устройств, а лиц, создавших, владеющих и управляющих автоматизированными системами и рассматриваемыми техническими устройствами, за противоправное поведение данной техники и иных аналогичных систем. И, судя по проведенному исследованию различных научных источников, данное положение не вызывает никаких возражений у большинства отечественных исследователей. В настоящее время в Российской Федерации в случае неправомерных последствий при функционировании

промышленных роботов и иных технических устройств все виды ответственности полностью лежат на лицах, которые их произвели, ими владеют, а также ими управляют. И, как полагает автор, такая практика совершенно оправдана.

Аналогичные положения содержатся также и в Рекомендациях Парламентской ассамблеи Совета Европы [7, с.105], в которых отмечается, что человек несет ответственность за деятельность автоматизированных систем, работающих на основе новых технологий, без учета произошедших обстоятельств. Кроме того, отдельные вопросы по разработке правового регулирования статуса рассматриваемых технических устройств были рассмотрены Резолюцией о правовом статусе искусственного интеллекта, которую принял в 2017 г. Европейский парламент. В ней нашел отражение ряд общих положений, освещающих тему ответственности за причиняемый данными технологиями вред. В частности, в обозначенной резолюции рассмотрена проблема необходимости определения правовой природы рассматриваемых технических устройств. В ней также отражены информационные данные о необходимости в дальнейшей перспективе проработки вопросов об ответственности производителей именно тех технических устройств и систем, которые способны к самостоятельному принятию решений.

Основываясь на анализе самых последних научных исследований, автор полностью уверен в том, что, учитывая современный уровень развития анализируемых технологий, пока не стоит выстраивать научные мнения о том, что используемые в отношении искусственного интеллекта средства воздействия могут в ближайшей перспективе рассматриваться в качестве одного из видов по его наказанию. Поэтому у нас не вызывают возражений утверждения экспертов относительно того, что не может быть и речи о том, что мерами принудительного воздействия, имеющими юридический характер, возможно исправление личностной установки искусственного интеллекта, и тем более возможностей формирования у него уважительного отношения к правовым нормам и в целом к социуму. Также вызывает возражения позиция исследователей, утверждающих, что защитить общественные отношения от преступного воздействия искусственного интеллекта возможно лишь при помощи полной ликвидации изделия, которое им оснащено, поскольку в список перечня видов наказания, изложенных в ст. 43 «Понятие и цели наказания» Уголовного кодекса Российской Федерации, нелогично добавлять такую меру, как ликвидация чего- и кого-либо, потому как подобная мера во всех отношениях не связана с исправлением осужденных [8, с. 358]. Таким образом, на

сегодняшний день отечественная правовая наука, как и в целом действующие законодательные нормы, не дают подробных разъяснений относительно наличия либо отсутствия способностей у технологий, работающих с использованием искусственного интеллекта, какого-либо понимания характера и значений, примененных к нему мер по принудительному воздействию.

Полагая, что авторская позиция является в полной мере обоснованной, в том числе и с учетом ранее проведенных исследований, чрезвычайно важно еще раз подчеркнуть, что на сегодняшний день наделять технические устройства, использующие в своей деятельности новые технологии, статусом субъекта преступных посягательств весьма преждевременно [9, с. 146], поскольку искусственный интеллект и иные компьютерные технологии пока что не являются совершенными, а точнее, не обладают достаточным уровнем развития, который бы позволил утверждать в полной мере возможность их автономного функционирования. Таким образом, проведенный анализ различных источников юридической литературы, а также ранее проведенные автором исследования рассматриваемой проблематики, наглядно демонстрируют и очевидно свидетельствуют о том, что из всех субъектов преступлений, совершаемых при помощи технических устройств, основанных на новых технологиях (лиц, осуществляющих воздействие на объект уголовно-правовой охраны и способных нести за это ответственность), в первую очередь следует привлекать к ответственности разработчиков, проектировщиков, производителей, лиц, вводящих в эксплуатацию эти системы [10, с. 5].

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что сегодня крайне необходимо учитывать исторический опыт по развитию научного прогресса. Анализ изложенных в работе вопросов свидетельствует о том, что любые из правовых инноваций, тем более те, которые не имеют серьезной апробации и внедрения, могут обладать существенными ошибками, которые заканчиваются плачевно. Кроме того, важно понимать, что технические устройства, использующие в своей работе новые технологии, могут нести в себе не банальные киберугрозы, которые все же по большей части находят свое отражение в действующем отечественном уголовном законодательстве, а гораздо высокие и значительные криминальные риски для общества и государства. Поэтому в сложившейся ситуации относительно правового регулирования процессов, связанных с деятельностью анализируемых технических устройств, ученым, правоведам и практикам следует акцентировать внимание на скорейшем и полном обеспечении правового регулирования рассматриваемой сфе-

ры. Поскольку только подобный подход может позволить избежать не только очевидных угроз, но и более серьезных потенциальных рисков, связанных с развитием и внедрением новых технологий. Важно упомянуть, что ряд специалистов полагает, что правовые составы о преступности в сфере новых технологий должны располагаться в обособленной группе, объясняя подобный подход необходимостью системного решения данного вопроса, потому как, по их мнению, Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации невозможно приспособить к условиям современного цифрового общества посредством традиционных уголовных запретов [11 с. 149]. Позиция же других исследователей отлична: по их мнению, криминализация противоправных деяний, использующих технические устройства, работающие на основе новых технологий, должна проводиться фрагментарно, посредством внесения необходимых изменений в ряд общих составов противоправных деяний [12, с. 45].

В дальнейшей перспективе законодательные нормы в уголовно-правовой сфере в обязательном порядке должны быть основным объектом по охране безопасности личности, общества и государства от преступного воздействия разного рода технической продукции, работающей на основе новых технологий. В сложившейся ситуации необходимо развивать специальный правовой комплекс по обеспечению безопасности в сфере применения новейших технологий. Следует сосредоточиться на разработке и дальнейшем принятии новых правовых норм, с учетом положений которых необходимо постепенно совершенствовать антикриминальное законодательство в рассматриваемой сфере. Представляется, что в сложившейся ситуации было бы целесообразно на основе научных подходов самым детальным образом проработать вопрос о необходимости дальнейшей IT-модернизации уголовно-правовой сферы. Вместе с тем в дальнейшем немаловажно использовать ряд подходов, которые позволят постепенно реформировать систему, на основе которой осуществляется противодействие преступным проявлениям, совершаемым с помощью технических устройств, основанных на новых технологиях. При этом требуется в полной мере сохранять классическую уголовно-правовую и криминологическую составляющую анализируемой сферы, поощряя перемены только в отдельных ее формах, с учетом существующих цифровых реалий, а также потенциальных вызовов и угроз. Чрезвычайно важно актуализировать проблематику, связанную с необходимостью дальнейшего совершенствования криминологического прогнозирования имеющихся в настоящее время процессов применения новейших научных достиже-

ний в преступных целях. Это необходимо ради принятия современных превентивных мер, в том числе и законодательных, для криминализации указанных преступных деяний. Таким образом, чтобы эффективно противодействовать инновационным противоправным деяниям, следует как можно быстрее сформировать и в дальнейшем продолжать развигать меры уголовно-правовой

и криминологической безопасности в области борьбы с рассматриваемой преступностью. Необходимо попутно создавать требуемые уголовно-правовые, криминологические и информационно-технологические ресурсы, которые будут способствовать обеспечению эффективного противодействия возникающим вызовам и угрозам в рассматриваемой сфере.

Литература

---

1. **Васильев А.А., Шпоппер Д., Матаева М.Х.** Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. – 2018. – № 7-8 – С. 35–44.
2. **Шункевич Е.Д.** К вопросу о правосубъектности систем искусственного интеллекта / Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6. т., Казань, 23 сентября 2022 года. – Казань: Познание, 2022. Т. 5. С. 402–405.
3. **Васильев А.А., Шпоппер Д.** Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 6 (104). – С. 23–26. – DOI 10.14258/izvasu(2018)6-03.
4. **Лаптев В.А.** Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102. – DOI 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102.
5. **Кибальник А.Г., Волосюк П.В.** Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 173–178. – DOI 10.24411/2078-5356-2018-10428.
6. **Бегишев И.Р., Хисамова З.И.** Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 767–775. – DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).767-775.
7. **Bostrom N.** Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014. – 390 p.
8. **Ужов Ф.В.** Искусственный Интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 357–360.
9. **Кобец П.Н.** Анализ международных основ и зарубежного законодательства в сфере правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30. – № 2 (93). – С. 146–150. – DOI 10.24412/1999-625X-2024-293-146-150.
10. **Кобец П.Н.** Современные подходы к вопросу о выделении новой отрасли права, регулирующей общественные отношения, возникающие с развитием технологий искусственного интеллекта // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 2. – С. 4–10.
11. **Русскевич Е.А.** О цифровизации Особенной части УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 1. – С. 146–151. – DOI 10.24411/2073-0454-2019-10038.
12. **Рассолов И.М.** Киберпреступность: понятие, основные черты, формы проявления // Юридический мир. – 2008. – № 2. – С. 44–46.

References

---

1. **Vasil'ev A.A., Shpopper D., Mataeva M.Kh.** Termin «iskusstvennyi intellekt» v rossiiskom prave: doktrinal'nyi analiz // Yurilingvistika. – 2018. – № 7-8 – S. 35–44.
2. **Shunkevich E.D.** K voprosu o pravosub'ektnosti sistem iskusstvennogo intellekta / Tsifrovye tekhnologii i pravo: sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 6. t., Kazan', 23 sentyabrya 2022 goda. – Kazan': Poznanie, 2022. T. 5. S. 402–405.
3. **Vasil'ev A.A., Shpopper D.** Iskusstvennyi intellekt: pravovye aspekty // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 6 (104). – S. 23–26. – DOI 10.14258/izvasu(2018)6-03.
4. **LapteV V.A.** Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2019. – № 2. – S. 79–102. – DOI 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102.
5. **Kibal'nik A.G., Volosyuk P.V.** Iskusstvennyi intellekt: voprosy ugovovno-pravovoi doktriny, ozhidayushchie otvetov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2018. – № 4 (44). – S. 173–178. – DOI 10.24411/2078-5356-2018-10428.
6. **Begishev I.R., Khisamova Z.I.** Kriminologicheskie riski primeneniya iskusstvennogo intellekta // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. – 2018. – T. 12. – № 6. – S. 767–775. – DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).767-775.
7. **Bostrom N.** Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014. – 390 p.
8. **Uzhov F.V.** Iskusstvennyi Intellekt kak sub'ekt prava // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2017. – № 3. – S. 357–360.
9. **Kobets P.N.** Analiz mezhdunarodnykh osnov i zarubezhnogo zakonodatel'stva v sfere pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta // Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii. – 2024. – T. 30. – № 2 (93). – S. 146–150. – DOI 10.24412/1999-625X-2024-293-146-150.
10. **Kobets P.N.** Sovremennye podkhody k voprosu o vydelenii novoi otrasli prava, reguliruyushchei obshchestvennye otnosheniya, vznikayushchie s razvitiem tekhnologii iskusstvennogo intellekta // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2024. – № 2. – S. 4–10.
11. **Russkevich E.A.** O tsifrovizatsii Osobennoi chasti UK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 1. – S. 146–151. – DOI 10.24411/2073-0454-2019-10038.
12. **Rassolov I.M.** Kiberprestupnost': ponyatie, osnovnye cherty, formy proyavleniya // Yuridicheskii mir. – 2008. – № 2. – S. 44–46.

(статья сдана в редакцию 28.06.2024)

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ****MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF THE THEORY OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES:
STATEMENT OF THE PROBLEM**

УДК 343

С.Х. ШАМСУНОВ,

доктор юридических наук, профессор
(Совет общероссийской общественной орга-
низации ветеранов уголовно-исполнительной
системы, Россия, Москва)
shamsunov@mail.ru

А.В. АГАРКОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(ФКУ НИИ ФСИН России),
Россия, Москва)
oper72.kum@mail.ru

SALIKH KH. SHAMSUNOV,

Doctor of Law, Professor
(Council of the All-Russian Public Organization
of Veterans of the Penal System,
Moscow, Russia)

ALEKSEY V. AGARKOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье обозначены основные этапы формирования теории оперативно-розыскной деятельности как самостоятельной отрасли знаний. Отмечено, что на начальном этапе существовали два основных ведомственных направления ее развития, представленные органами государственной безопасности и органами внутренних дел. Упомянуты основные труды ученых-основоположников, ставшие основой для дальнейшего развития оперативно-розыскной науки. Перечислены некоторые первые работы открытого межведомственного характера, опубликованные в связи с принятием оперативно-розыскного законодательства, издававшиеся специализированные научные журналы, кратко рассмотрено существовавшее в начале XXI века состояние научных исследований в области методологии теории оперативно-розыскной деятельности. Кратко изложена история и сущность сыска – науки, объединяющей оперативно-розыскную, разведывательную, контрразведывательную и иные виды сыска деятельности. В результате сравнительного анализа перечисленных материалов и современного уровня развития оперативно-розыскной науки авторы выделяют две негативные тенденции: разделение единой теории оперативно-розыскной деятельности на относительно независимые ведомственные теории и стремление к их изоляции от иных ведомственных направлений науки, а также указывают причины их возникновения: усложненная процедура передачи информации, содержащей научные результаты в области охраняемых сведений, в иные ведомства; исключительная практикоориентированность научных исследований, проводимых по заказам органов-учредителей; отсутствие возможности публичного обмена мнениями в области оперативно-розыскной (сыска) науки в специализированных изданиях; снижение количества тематических научно-представительских мероприятий; требование обеспечения публикационной активности как предпосылки к увеличению недостаточно качественных публикаций. В статье предлагаются первоначальные меры по ослаблению указанных тенденций, делается вывод о необходимости корректировки складывающегося пути развития оперативно-розыскной науки.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, теория, наука, тенденции, перспективы развития, исследования.

Для цитирования: Шамсунов С.Х., Агарков А.В. Современные тенденции развития теории оперативно-розыскной деятельности: постановка проблемы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 56–61.

Abstract: the article outlines the main stages of the formation of the theory of operational investigative activity as an independent branch of knowledge. It is noted that at the initial stage there were two main

* Здесь и далее в данном слове авторская орфография сохранена.

departmental directions of its development, represented by state security agencies and internal affairs agencies. The main works of the founding scientists, which became the basis for the further development of operational investigative science, are mentioned. Some of the first works of an open interdepartmental nature published in connection with the adoption of operational investigative legislation, specialized scientific journals were published, and the state of scientific research in the field of methodology of the theory of operational investigative activity that existed at the beginning of the XXI century is briefly considered. The article briefly describes the history and essence of detective science, which combines operational investigative, intelligence, counterintelligence and other types of detective activities. As a result of a comparative analysis of the listed materials and the current level of development of operational investigative science, the authors identify two negative trends: the division of the unified theory of operational investigative activities into relatively independent departmental theories and the desire to isolate them from other departmental areas of science, and also indicate the reasons for their occurrence: a complicated procedure for transmitting information containing scientific results in the field protected information, to other departments; exceptional practice-oriented scientific research conducted on the orders of the founding bodies; the lack of the possibility of a public exchange of views in the field of operational investigative (detective) science in specialized publications; a decrease in the number of thematic scientific and representative events; the requirement to ensure publication activity as a prerequisite for an increase in insufficiently high-quality publications. The article proposes initial measures to mitigate these trends, and concludes that it is necessary to adjust the emerging path of development of operational investigative science.

Keywords: operational investigative activity, theory, science, trends, development prospects, research.

For citation: Shamsunov S.KH., Agarkov A.V. Modern trends in the development of the theory of operational search activities: statement of the problem // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 56–61.

Оперативно-розыскная деятельность – относительно молодая наука. Возникнув как раздел криминалистики, теория оперативно-розыскной деятельности в 60-е годы XX века благодаря усилиям ряда ученых-основоположников А.И. Алексеева [1], Д.В. Гребельского [2], А.Г. Лекаря [3], В.А. Лукашова [4], Г.К. Синилова [5] и многих других сумела сформироваться как самостоятельная отрасль знаний, имеющая непосредственное практическое значение. При этом нормативное регулирование оперативно-розыскной деятельности носило исключительно ведомственный характер и, в силу режима секретности, было закрыто для исследователей, не имевших соответствующих допусков. Однако с принятием оперативно-розыскного законодательства ситуация в корне изменилась. Появились и были опубликованы комментарии к оперативно-розыскному закону [6, 7, 8], учебники по оперативно-розыскной деятельности [9, 10], открытые научные работы [11, 12, 13]. В конце 90-х годов оперативно-розыскная деятельность была включена в состав научной специальности 12.00.09 Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность.

Начало нового тысячелетия характеризовалось значительным увеличением научных исследований в области теории и практики оперативно-розыскной деятельности. В период с 1994 по 2012 год было защищено, по установленным сведениям [14, с. 386–393], около 60 диссертаций на

соискание ученой степени доктора юридических наук, причем часть из них не имела ограничительных грифов и пометок и была опубликована. Тематика исследований носила как прикладной [15], так и общетеоретический [16] характер и включала, в числе прочих, вопросы, ранее относившиеся к государственной тайне [17].

Немало способствовали популяризации оперативно-розыскной науки и издававшиеся специализированные журналы, содержание которых находится в свободном доступе: выходящий с 2004 по 2019 годы «Оперативник (сыщик)», позиционировавшийся как «общероссийское периодическое вневедомственное научно-практическое издание» [18]; публиковавшийся с 2005 по 2008 годы научно-практический журнал «Полицейское право», одна из рубрик которого носила примечательное название «Журнал в журнале» – «Оперативно-розыскная деятельность». В ней публиковались «материалы, раскрывающие понятие и принципы полицейского сыска, условия осуществления сыскных мероприятий, правовой статус субъектов полицейского сыска, правовые пределы участия граждан в полицейском сыске»¹. Здесь же следует упомянуть о выпускавшемся с 2017 по 2022 годы научно-практическом журнале «Оперативно-розыскное право» (однако свет увидели лишь три выпуска журнала).

¹ Материалы официального сайта научной электронной библиотеки [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=28040 (дата обращения: 22.06.2024).

Следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период многие ученые в той или иной степени заостряли свое внимание на общих вопросах оперативно-розыскной науки. Этому, в частности, посвящены упомянутые выше работы В.И. Елинского [13] и И.А. Климова [16]. Значительный вклад внес А.Ю. Шумилов, подготовивший, в числе иных своих многочисленных трудов, пятитомную монографию «Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации» [14]. На вопросы развития оперативно-розыскной науки неоднократно обращали внимание В.М. Атамжитов [19, 20], И.И. Басецкий [21, с. 30–33; 22, с. 31–35], С.И. Захарцев [23], В.Ф. Луговик [24], Е.Н. Яковец [25, с. 55–57; 26, с. 27–36] и др.

Какие же тенденции, на наш взгляд, возможно выделить в современной теории оперативно-розыскной деятельности? Во-первых, сосредоточение исключительно на ведомственных проблемах. Без сомнения, наука должна решать прикладные задачи, оказывая помощь оперативникам-практикам, но необходимы и межведомственные исследования, и фундаментальные общенаучные работы. Здесь следует вновь вспомнить о взглядах А.Ю. Шумилова, обосновавшем необходимость объединения ряда областей научного познания в области сыска (в том числе разведывательную, контрразведывательную и оперативно-розыскную деятельность) в единую науку – сыскологию. Его позиция нашла поддержку у значительной части ученых, однако после ухода А.Ю. Шумилова из жизни дальнейшего развития сыскология не получила.

Во-вторых, нельзя не согласиться с В.П. Сальниковым и С.И. Захарцевым, еще в 2015 году отмечавшими некоторый возврат к закрытой тематике исследований, что влечет, по их и нашему мнению, к постепенному «затуханию» оперативно-розыскной деятельности как открытой научной дисциплины, утрате ее престижа в научной и правоохранительной среде [27, с. 35–37].

Следует подчеркнуть, что в СССР теория оперативно-розыскной деятельности развивалась пусть и в закрытом режиме, но в рамках двух единственных субъектов – КГБ СССР и МВД СССР. В результате сформировались две независимые научные школы, практически не пересекающиеся как в научной, так и в практической плоскостях. В 90-е годы XX века субъектов оперативно-розыскной деятельности стало значительно больше, что обусловило развитие относительно самостоятельных научных школ, причем, как мы можем констатировать, за основу работы каждой из них были взяты разработки тех субъектов оперативно-розыскной

деятельности СССР, чьими преемниками являются представители ее субъектов в Российской Федерации, а научные исследования МВД России и ФСИН России основываются на фундаментальных работах ее основоположников и первых разработчиков учебной дисциплины «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» – А.Г. Лекаря и Д.В. Гребельского, В.А. Лукашова и Г.К. Синилова. Характеризуя современное состояние иных научных школ, представляющих органы федеральной службы безопасности; федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны; таможенных органов Российской Федерации; Службы внешней разведки Российской Федерации², приходится признать, что в настоящее время имеется возможность изучить научные работы лишь ученых – представителей Российской таможенной академии, публикуемые в различных журналах. Труды иных научных школ в открытой печати встречаются довольно редко, в связи с чем единую картину существующих в них научных взглядов сложить не удастся. При этом следует отметить наличие отдельных научных работ в области оперативно-розыскной деятельности у ученых, не являющихся представителями ее субъектов, однако относящихся к взаимодействующим с ними структурам – Следственному комитету Российской Федерации, органам прокуратуры, Росгвардии и др. Существования в них научных школ в области теории оперативно-розыскной деятельности, насколько мы можем судить по содержанию доступных нам публикаций, не прослеживается.

В результате взаимного влияния двух указанных тенденций – разработки вопросов практики отдельных субъектов оперативно-розыскной деятельности, а также их ведомственной закрытости – мы можем проследить, как существовавшая в СССР двуединая теория оперативно-розыскной деятельности в настоящее время разделилась на ряд независимых и изолированных друг от друга ведомственных направлений развития оперативно-розыскной науки, решающих в основном прикладные вопросы, сформулированные исходя из потребностей различных оперативных подразделений. Что же, на наш взгляд, послужило причинами такой научной обособленности?

1. Требования, предъявляемые при обеспечении сохранности сведений, составляющих государственную тайну, причем как общего, так

² Перечисление дано в соответствии со ст. 6 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 22.06.2024).

и ведомственного характера. Как правило, такие сведения, полученные в результате научной деятельности и в основном не носящие специфически закрытого характера, тем не менее остаются в обращении исключительно субъекта-разработчика. Это связано в первую очередь с усложненной процедурой решения о передаче информации, содержащей научные результаты в области охраняемых сведений, в иные ведомства, также допущенные к работе со сведениями, составляющими государственную тайну.

2. Запросы практических органов, поступающие через руководство соответствующих служб и содержащие в результате этого властные предписания о необходимости обеспечения исключительно прикладного характера проводимых научных исследований.

3. Отсутствие специализированных периодических изданий в области теории оперативно-розыскной деятельности. С прекращением выхода журнала «Оперативник (сыщик)» утрачена возможность открытого межведомственного и даже международного обмена мнениями в области оперативно-розыскной (сыскной) науки.

4. Снижение количества тематических научно-представительских мероприятий. К сожалению, как нам представляется, многие проводимые в настоящее время конференции организуются с использованием предельно общих названий, что позволяет, с одной стороны, привлечь значительное количество ученых, но, с другой стороны, не способствует выработке каких-либо конкретных рекомендаций. Научная дискуссия на таких конференциях также затруднена – слишком широк разброс тематики, большинство выступающих говорит о разраба-

тываемых ими «узких» вопросах, неактуальных для большинства слушателей.

5. Требование обеспечения наукометрических показателей в первую очередь публикационной активности. Всецело разделяя и поддерживая мнение о том, что ученый должен публиковаться, пропагандировать свои научные взгляды, мы тем не менее считаем, что указанная работа не должна носить принудительный характер и подчиняться цифровым показателям. Это ведет к «размыванию» науки, стремлению к увеличению количества в ущерб качеству: творчество, в том числе и научное, не терпит регламентации.

Какой же выход мы можем предложить в существующей ситуации? Перечисленные выше обстоятельства обусловлены рядом причин и не могут быть одномоментно устранены. В то же время нам представляется необходимым в ходе дальнейшей научной работы и взаимодействия с коллегами стараться избегать чрезмерно широкой тематики проводимых научных форумов, в ходе подготовки выступлений непременно учитывать заявленные организаторами области обсуждений; обращать внимание на необходимость общетеоретических работ, поощрять инициативы молодых ученых в указанной области.

Разумеется, все вышеизложенное носит исключительно субъективный характер и лишь приоткрывает завесу над проблемами, существующими сегодня в теории оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем очевидно, что для предотвращения угасания оперативно-розыскной науки необходимо всеми возможными способами решать обозначенные проблемы.

Литература

---

1. **Алексеев А.И., Сенилов Г.К.** Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. – Москва: ВНИИ МВД СССР, 1973. – 200 с.
2. **Гребельский Д.В.** Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва: Академия МВД СССР, 1977. – 381 с.
3. **Лекарь А.Г.** Методологические проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. – Москва, 1976. – 160 с.
4. **Лукашов В.А.** Правовые и организационно-тактические проблемы советского уголовного розыска: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1972. – 30 с.
5. **Сенилов Г.К.** Правовые, информационные и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской. – Москва: ВНИИ МВД СССР, 1975. – 181 с.
6. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»: комментарий; под ред. А.Ю. Шумилова. – Москва: Юридическая литература, 1994. – 128 с.
7. **Горяинов К.К., Кваша Ю.Ф., Сурков К.В.** Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. – Москва: Новый Юрист, 1997. – 132 с.
8. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. и рук. авт. кол-ва А.Ю. Шумилов. – Москва: Вердикт-1М, 1997. – 205 с.
9. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник для юридических вузов; под общ. ред. С.В. Степашина. – Санкт-Петербург: Лань, 1999. – 350 с.
10. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / Н.П. Водько, К.К. Горяинов [и др.]; под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – Москва: ИНФРА-М, 2002. – 848 с.

11. **Сурков К.В.** Принципы оперативно-розыскной деятельности и их правовое обеспечение в законодательстве, регламентирующем сыск: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996. – 52 с.
12. **Шумилов А.Ю.** Об уголовно-розыском праве в России (краткое изложение некоторых основных положений формирующейся отрасли российского права). – Москва: Издатель Шумилова И.И., 1998. – 158 с.
13. **Елинский В.И.** Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности: монография. – Москва: Шумилова И.И., 2001.
14. **Шумилов А.Ю.** Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: монография. В 3 т. – Москва: ИД Шумиловой И.И., 2013. – 660 с.
15. **Михайлов Б.П.** Правовые и организационно-тактические основы оперативно-розыскного контроля над оборотом наркотиков: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва: МосУ МВД России, 2005.
16. **Климов И.А.** Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел как процесс познания (проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1995. – 296 с.
17. **Шахматов А.В.** Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта): дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2005. – 438 с.
18. Избранные статьи // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 1 (42).
19. **Атмажитов В.М., Бобров В.Г.** Современное состояние и основные направления развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: науч. доклад. – Москва: АУ МВД России, 2000. – 20 с.
20. **Атмажитов В.М.** О некоторых направлениях развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: науч. доклад / Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сб. статей. – Москва: АУ МВД России, 2012. С. 48
21. **Басецкий И.И.** Основные направления и пути развития оперативно-розыскной практики ОВД, законодательства и соответствующей теории / И.И. Басецкий // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2012. – № 1 (23). С. 30–33.
22. **Басецкий И.И.** Проблемы формирования оперативно-розыскного права // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2012. – № 2 (24). – С. 31–35
23. **Захарцев С.И.** Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты: монография. – Санкт-Петербург: издательство юридического факультета СПбГУ, 2012. – 234 с.
24. **Луговик В.Ф.** Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. – Омск: Омская юридическая академия, 2014. – 198 с.
25. **Яковец Е.Н.** К вопросу об оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Оперативник (сыщик). – 2014. – № 3 (40). – С. 55–57.
26. **Яковец Е.Н.** Гносеологическая основа и методология частной теории аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2016. – № 1 (46). С. 27–36.
27. **Сальников В.П., Захарцев С.И.** Тезисы об актуальных проблемах науки оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 1 (42). – С. 45–47.

References

---

1. **Alekseev A.I., Sinilov G.K.** Aktual'nye problemy teorii operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: monografiya. – Moskva: VNII MVD SSSR, 1973. – 200 s.
2. **Grebel'skii D.V.** Teoreticheskie osnovy i organizatsionno-pravovye problemy operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva: Akademiya MVD SSSR, 1977. – 381 s.
3. **Lekar' A.G.** Metodologicheskie problemy teorii operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: monografiya. – Moskva, 1976. – 160 s.
4. **Lukashov V.A.** Pravovye i organizatsionno-takticheskie problemy sovetskogo ugovnogo rozyska: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva, 1972. – 30 s.
5. **Sinilov G.K.** Pravovye, informatsionnye i takticheskie osnovy operativno-rozysknoi deyatel'nosti sovetskoi. – Moskva: VNII MVD SSSR, 1975. – 181 s.
6. Zakon «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii»: kommentarii; pod red. A.Yu. Shumilova. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1994. – 128 s.
7. **Goryainov K.K., Kvasha Yu.F., Surkov K.V.** Federal'nyi zakon «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti»: kommentarii. – Moskva: Novyi Yurist, 1997. – 132 s.
8. Kommentarii k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti» / otv. red. i ruk. avt. kol-va A.Yu. Shumilov. – Moskva: Verdict-1M, 1997. – 205 s.
9. Osnovy operativno-rozysknoi deyatel'nosti: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov; pod obshch. red. S.V. Stepashina. – Sankt-Peterburg: Lan', 1999. – 350 s.
10. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik / N.P. Vod'ko, K.K. Goryainov [i dr.]; pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, A.Yu. Shumilova. – Moskva: INFRA-M, 2002. – 848 s.
11. **Surkov K.V.** Printsipy operativno-rozysknoi deyatel'nosti i ikh pravovoe obespechenie v zakonodatel'stve, reglamentiruyushchem syssk: monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 1996. – 52 s.
12. **Shumilov A.Yu.** Ob ugovno-rozysknom prave v Rossii (kratkoe izlozhenie nekotorykh osnovnykh polozhenii formiruyushcheysya otrasli rossiiskogo prava). – Moskva: Izdatel' Shumilova I.I., 1998. – 158 s.
13. **Eilinskii V.I.** Osnovy metodologii teorii operativno-rozysknoi deyatel'nosti: monografiya. – Moskva: Shumilova I.I., 2001.
14. **Shumilov A.Yu.** Operativno-rozysknaya nauka v Rossiiskoi Federatsii: monografiya. V 3 t. – Moskva: ID Shumilovoi I.I., 2013. – 660 s.
15. **Mikhailov B.P.** Pravovye i organizatsionno-takticheskie osnovy operativno-rozysknogo kontrolya nad oborotom narkotikov: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva: MosU MVD Rossii, 2005.
16. **Klimov I.A.** Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennikh del kak protsess poznaniya (problemy teorii i praktiki): dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva, 1995. – 296 s.
17. **Shakhmatov A.V.** Agenturnaya rabota v operativno-rozysknoi deyatel'nosti (teoretiko-pravovoe issledovanie rossiiskogo opyta): dis. ... d-ra yurid. nauk. – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2005. – 438 s.
18. Izbrannye stat'i // Operativnik (syshchik). – 2015. – № 1 (42).
19. **Atmazhitov V.M., Bobrov V.G.** Sovremennoe sostoyanie i osnovnye napravleniya razvitiya teorii operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: nauch. doklad. – Moskva: AU MVD Rossii, 2000. – 20 s.
20. **Atmazhitov V.M.** O nekotorykh napravleniyakh razvitiya teorii operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: nauch. doklad / Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoi deyatel'nosti: sb. statei. – Moskva: AU MVD Rossii, 2012. С. 48

-
-
21. **Basetskii I.I.** Osnovnye napravleniya i puti razvitiya operativno-rozysknoi praktiki OVD, zakonodatel'stva i sootvetstvuyushchei teorii / I.I. Basetskii // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. – 2012. – № 1 (23). S. 30–33.
22. **Basetskii I.I.** Problemy formirovaniya operativno-rozysknogo prava // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. – 2012. – № 2 (24). – S. 31–35
23. **Zakhartsev S.I.** Nauka operativno-rozysknoi deyatel'nosti: filosofskii, teoretiko-pravovoi i prikladnoi aspekty: monografiya.– Sankt-Peterburg: izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta SPbGU, 2012. – 234 s.
24. **Lugovik V.F.** Operativno-rozysknoi kodeks Rossiiskoi Federatsii: avtorskii proekt. – Omsk: Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2014. –198 s.
25. **Yakovets E.N.** K voprosu ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Operativnik (syshchik). – 2014. – № 3 (40). – S. 55–57.
26. **Yakovets E.N.** Gnoseologicheskaya osnova i metodologiya chastnoi teorii analiticheskoi raboty v operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Operativnik (syshchik). – 2016. – № 1 (46). S. 27–36.
27. **Sal'nikov V.P., Zakhartsev S.I.** Tezisy ob aktual'nykh problemakh nauki operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Operativnik (syshchik). – 2015. – № 1 (42). – S. 45–47.
-
-

(статья сдана в редакцию 15.07.2024)

**ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**THE IDENTITY OF THE CRIMINAL AS A KEY ELEMENT
OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES
COMMITTED THROUGH THE USE OF INFORMATION AND
TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES**

УДК 343.9

О.П. ВИНОГРАДОВА,
кандидат юридических наук, доцент
(Уральский юридический институт
МВД России,
Россия, Екатеринбург)
olga10vin@mail.ru

OLGA P. VINOGRADOVA,
Candidate of Law, Associate Professor
(Ural Law Institute
of the Ministry of Interior of Russia,
Yekaterinburg, Russia)

Аннотация: современное общество невозможно представить без активного использования компьютерных технологий и телекоммуникационных сетей. Неслучайно его называют информационным, ведь преобладающий процент работающих людей каким-либо образом связан с деятельностью по производству, хранению и обработке информации. Непрерывно развивающаяся индустрия информационных технологий не только способствует упрощению определенных процессов жизнедеятельности современного техногенного общества, но и нередко используется для совершения преступлений в сфере высоких технологий и компьютерной информации. Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий с каждым годом приобретают все большее распространение, что связано с ростом уровня информатизации общества и внедрения интернет-технологий. Детерминанты преступности в целом и компьютерной преступности в частности являются наиважнейшим вопросом и отправной точкой в понимании того, как нужно с ней бороться. Правоохранительным органам необходимо исследовать личность IT-преступников, находить закономерности в их поведении, обращать внимание на схожие детали и исключительные черты, так как это поможет сократить срок поиска преступников и в целом благоприятным образом скажется на расследовании дел данной направленности.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, хищения посредством использования интернет-технологий, киберпреступления, информационные технологии, личность преступника, компьютерные преступники.

Для цитирования: Виноградова О.П. Личность преступника как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 62–68.

Abstract: it is impossible to imagine modern society without the active use of computer technology and telecommunications networks. It is no coincidence that it is called informational, because the prevailing percentage of working people is in some way connected with the production, storage and processing of information. The continuously developing information technology industry not only facilitates the simplification of certain life processes of modern man-made society, but is also often used to commit crimes in the field of high technology and computer information. Crimes in the field of information and telecommunication technologies are becoming more widespread every year, which is associated with an increase in the level of informatization of society and the introduction of Internet technologies. The determinants of crime in general and computer crime in particular are the most important issue and the starting point in understanding how to deal with it. Law enforcement agencies need to investigate the

identity of IT criminals, find patterns in their behavior, pay attention to similar details and exceptional features, as this will help shorten the search period for criminals and generally have a beneficial effect on the investigation of cases of this orientation.

Keywords: information and telecommunication network Internet, theft through the use of Internet technologies, cybercrime, information technology, criminal identity, computer criminals.

For citation: Vinogradova O.P. The identity of the criminal as a key element of the criminalistic characteristics of crimes committed through the use of information and telecommunication technologies // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 62–68.

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет – это наиболее распространенный и доступный источник информации в современном обществе, охватывающий наибольшую аудиторию. В то же время одним из условий функционирования демократического государства является принцип «открытости», позволяющий населению беспрепятственно и удобным способом получать информацию о деятельности государства, осуществлять контроль за выполнением взятых обязательств и реальностью данных гарантий. Именно посредством информации, размещенной на официальных сайтах, осуществляется доведение до населения сведений о функционировании государства (его задачах, функциях, структуре, руководстве, времени работы и порядке обращения). Идея открытости предполагает наличие обратной связи, которая реализуется в современном обществе как традиционными способами (личным обращением), так и более технологичными (рассмотрение электронного обращения). В этой связи процесс цифровизации государственных органов связан с иным процессом государственной трансформации, который начался еще задолго до эпохи повсеместного распространения Интернета и мобильных цифровых устройств.

В Российской Федерации принята Национальная Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы, в которой акцентируется внимание на вопросах развития информационного общества, формирования национальной цифровой экономики и цифровой безопасности¹. Под цифровизацией нами понимается процесс внедрения в деятельность государственных органов и негосударственных организаций различных технологических решений, позволяющих получать и обрабатывать информацию в цифровой форме, а также осуществлять ее хранение и передачу. Однако для государственных органов это не просто оснаще-

ние современной компьютерной техникой для выполнения повседневных офисных задач, но и использование средств взаимодействия с населением. В частности, современное государство невозможно представить без технологий дистанционного оказания услуг и информирования, функционирующих через сеть Интернет.

Одной из причин такой ситуации является то, что XXI век ознаменован расцветом эпохи повсеместной цифровизации, внедрением новых технологий во все сферы жизнедеятельности. В глобальном смысле текущий период можно охарактеризовать как начало очередной, четвертой промышленной революции, в ходе которой осуществляется повсеместная цифровизация. Происходит развитие таких перспективных отраслей, как онлайн-торговля, мобильный банкинг различных цифровых сервисов, которые уже существенно поменяли структуру экономики развитых стран и придали новое качество традиционным отраслям за счет таких направлений, как роботизация, искусственный интеллект, обмен большими данными и других.

Становится очевидным, что названная тенденция одной из первых охватила финансово-экономические отношения. Слова из разряда «цифровой», «электронный», «крипто», а также их производные в изобилии представлены в рамках банковских продуктов, средствах платежа, обмена информацией и многого другого. Действительно, обилие национальных валют, политических проблем, разнородность законодательного регулирования финансового сектора привело к таким явлениям, как «надгосударственные» средства оборота и платежа, заявляющие себя в качестве существующих обособленно от традиционных институтов, подконтрольных политико-правовым образованиям. Так называемая криптовалюта помимо положительных имеет отрицательные аспекты, в их числе и то, что она активно используется криминальными элементами для легализации денежных средств, полученных преступным путем, расчетов при незаконном обороте наркотических средств, иных предметов, изъятых из гражданского обо-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

рота. Также имеют место случаи, когда данная категория, позиционируемая как новое средство платежа, сама становится предметом хищений, совершаемых посредством неправомерного доступа к учетным записям в рамках соответствующих интернет-ресурсов.

Хищения, совершенные посредством использования интернет-технологий, и в целом все киберпреступления, постоянно модернизируются, что снижает эффективность деятельности уполномоченных лиц по их выявлению, раскрытию и расследованию. Развитие преступной среды предопределяет возможность анонимизации злоумышленников, а также совершения таких преступлений дистанционно, позволяя им скрыть следы. В связи с этим растет уровень совершаемых рассматриваемых преступлений, поэтому деятельность правоохранительных органов во многом сейчас направлена на выявление, раскрытие и расследование хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Так, 17 февраля 2022 года Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе выступления на расширенном заседании коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации поручил усовершенствовать порядок взаимодействия МВД России с финансовыми организациями, операторами связи и иными организациями, так как безопасность в области компьютерных технологий может быть достигнута только путем координированной работы².

Мировая пандемия коронавирусной инфекции, вследствие которой использование ресурсов сети Интернет стало условием сохранения жизни, здоровья населения всей планеты, обострила существующие проблемы, связанные с совершением преступлений в глобальной Сети [1]. Таким образом, следует отметить особую актуальность данной темы, имеющей большой научный интерес и практическую значимость.

Д.В. Жмуров, А.А. Протасевич, А.С. Костромин справедливо отмечают, что человечество находится на пороге новой криминальной эры, наступление которой кардинально изменит лицо преступности. Это связано с ростом киберпреступности как индустрии: «...сейчас вход на этот рынок доступен практически любому: научиться писать вирусы, взламывать сайты или почту можно по статьям в Интернете... доходы киберпреступности являются сверхвысокими при минимальных затратах и невысоких рисках оказаться за решеткой, а также государство се-

рьезно отстает в деле противодействия киберпреступности» [2, с. 18].

Согласно сведениям о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, за период январь – август 2021 г. совершено 358 773 правонарушения (из которых 203 483 – тяжкие и особо тяжкие). Основную часть киберпреступлений составляют кражи и мошенничества, а преступления в сфере компьютерной информации занимают одни из последних мест. Мы считаем, что это связано с информатизацией общества, поскольку совершение рядового мошенничества в сети Интернет не требует основательных знаний в информационных технологиях, чем население и пользуется. Преступления в сфере компьютерной информации совершаются преимущественно квалифицированными преступниками, имеющими глобальные познания в сфере информационных технологий.

Личность преступника – это многоаспектное понятие с ярко выраженным междисциплинарным характером, отражающее «его социальную сущность, комплекс характеризующих его свойств, связей, отношений, его нравственный и духовный мир, взятые во взаимоотноении с социальными условиями, с психологическими особенностями, в той или иной мере повлиявшими на совершение им преступления» [3, с. 21]. Модель личности преступника не может сводиться к перечню разнородных признаков, черт, особенностей, факторов (демографических, социокультурных, уголовно-правовых, нравственных и пр.). Методически оправдано лишь до поры до времени и изолированное рассмотрение личностных свойств, но надо учитывать искусственность их вычленения и устанавливать их место в структуре личности, соотносить их друг с другом, определять их субординацию и характер взаимного влияния. Необходимо иметь панорамное представление о личности преступника как целостности, опираясь на определенную общепсихологическую концепцию личности. Предполагается также обязательным выявление ядра личности, определяющего, детерминирующего и опосредующего все иные свойства системы, которые выделены для специального рассмотрения, имея в виду необходимость их обратного включения в систему личности преступника [4, с. 228].

Термин «личность преступника» определяется целым комплексом социально-демографических, социально-ролевых (функциональных), социально-психологических признаков, которые в той или иной мере связаны с преступными деяниями, характеризуют его общественную опасность, объясняют причины его совершения. В целом

² Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс] // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации. – URL: <http://szfo.gov.ru/press/events/3948/> (дата обращения: 25.02.2024).

можно определить личность преступника как личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей; антиобщественных взглядов; отрицательного отношения к нравственным ценностям; выбора опасного общественного пути для удовлетворения своих потребностей; отсутствия необходимости активности в предотвращении противоправного деяния.

Анализируя то, что может относиться непосредственно к причинам совершения преступления – психо-физиологические особенности личности, среда или внешние обстоятельства, следует учитывать, что сами по себе обстоятельства, в которых находится человек, не порождают совершение того или иного преступления, так же как и люди, находящиеся в одной среде или в примерно в схожих обстоятельствах. Поэтому можно сказать, что среда и внешние обстоятельства, в которых находятся люди, будь то политические, социально-экономические, идеологические и другие, лишь обуславливают процесс совершения преступлений и являются, соответственно, условиями. И только личные особенности, качества, установки, религиозные, мировоззренческие и другие ценности и, главное, волеизъявление каждого человека непосредственно связаны с совершением противоправных деяний – они их порождают, тем самым являясь причиной конкретного преступления, а значит, и преступности в целом.

Основными причинами преступности являются низкий уровень сознания, в том числе правосознания граждан, их нравственная деградация и бездуховность, жажда наживы, алкоголизм и наркомания, а также другие пороки человека, что влечет за собой падение нравственности, утрату жизненных ориентиров, часто потерю смысла жизни. Таким образом, немаловажным аспектом в раскрытии преступлений в сфере компьютерных и телекоммуникационных технологий является знание правоохранительными органами характеристики личности преступника по данной категории уголовных дел. Это позволит определить круг подозреваемых и составить наиболее эффективный алгоритм действий, направленных на поиски преступника.

Рассматриваемая категория преступлений широка, инструментом совершения уже традиционных преступлений выступают компьютерные технологии, таких правонарушений очень много, и отдельной главой в Уголовном кодексе Российской Федерации выделена группа преступлений в сфере компьютерной информации. Поэтому личность преступника можно рассматривать как более детально по отношению к каждому конкретному составу, так и находить общее между ними.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что чаще всего преступником является лицо мужского пола (женщины совершают преступления такого рода в 1/5 случаях), в возрасте от 18 до 35 лет, не состоящее в браке (или в браке состоит, но в семье отмечается сложный психологический климат), имеющее неполную семью, высшее или как минимум среднее образование по специализированному направлению, профессионально владеющее программированием, испытывающее постоянный интерес к электронике, старающееся минимизировать общение вживую, некоммуникабельно, в связи с чем совершает преступление в одиночку, постоянно совершенствующее навыки работы в Сети, следящее за выходом на рынке технических «новинок». Иногда преступниками являются лица из руководящего звена организаций и компаний, так как в своем распоряжении они имеют конфиденциальную информацию [5, с. 137].

При расследовании уголовных дел сотрудники полиции назначают различные экспертизы, и по итогам такого вида экспертиз, как судебно-психиатрическая или психолого-психиатрическая, порой выявляется, что человек, совершающий киберпреступления, является психически нездоровым. Он воспринимает окружающую действительность в искаженном виде, не давая полный отчет своим действиям, и именно такие лица представляют наибольшую угрозу не только человеку или обществу, но и национальной безопасности в целом [6, с. 5].

К социально-демографическим и социально-ролевым признакам можно отнести следующее: рассматриваемые преступления чаще всего совершаются молодыми людьми, которые не достигли тридцати пяти лет, причем более склонны к совершению рассматриваемых преступлений представители мужского пола. В роли преступника могут выступать даже несовершеннолетние. Все зависит от разновидности преступления. Например, очень часто правонарушители – это студенты, устанавливающие за деньги нелегальное программное обеспечение. Реже угрозу представляют работники, находящиеся на руководящих должностях, имеющие высокий стабильный заработок и не готовые подвергнуть риску свою компанию [7, с. 44].

Некоторые из сетевых злоумышленников имеют соответствующее среднее образование или являются студентами технического высшего учебного заведения, а порой приобретают умения и навыки непосредственно при работе с устройствами и поисковыми системами, изучают программирование, могут работать в сфере информационной безопасности либо это просто рядовые сотрудники банковских и других органи-

заций, инженерно-технических служб, администраторы и бухгалтеры, которые имеют доступ к конфиденциальной информации и к компьютерной технике.

Часто такие преступления совершаются организованными преступными группами, потому что в одиночку совершить весь спектр действий, направленных, например, на хищение крупной суммы денег у большого количества людей сразу, или создать сложные мошеннические схемы представляют большую трудность. Преступная группа формируется задолго до совершения преступления, продумываются способы совершения, необходимые технические средства и способы сокрытия деяния. В группе существует сформированная иерархия участников, у каждого четко определенные обязанности. Важной особенностью является то, что лица, состоящие в группе, могут быть не знакомы друг с другом и проживать в разных регионах, связываясь посредством Сети. Но все участники объединены между собой единой преступной целью, направленной на хищение, крупной технической оснащенностью, разработанной системой маскировки своих действий от правоохранительных органов. Преступная группировка может функционировать как на территории России, так и за рубежом. Обязательным участником является организатор, лица, которые обнаруживают и запускают вредоносные программы, и лица, занимающиеся выводом и обналчиванием похищенных средств. Обналчивают деньги чаще всего через подставные фирмы, через частные платежные карты либо через платежные системы.

К психологическим особенностям личности киберпреступника можно отнести следующее:

- общительность, отсутствие прочных социальных связей, взаимодействие с людьми, также увлекающимися IT-технологиями;
- предпочтение творческих подходов при выстраивании противоправных тактик, способны внушить убежденность у людей в наличии благих намерений;
- предметность, ориентированность, конкретность речи, при допросе часто переспрашивают и акцентируют внимание на вещах, не имеющих важного значения, запутывают следователя;
- применение при допросе и в жизни слов-профессионализмов и собственного сленга, в том числе для того, чтобы затянуть время следственного действия и запутать должностное лицо в непонятной для него терминологии;
- доскональное знание того, как устроено средство, используемое для совершения преступления.

Помимо перечисленного стоит отметить, что преступниками движет чаще всего корыстная мо-

тивация, жажда наживы, легких денег, так как при минимальных временных и физических затратах они могут заполучить крупные суммы денег, заражая серверы компании вирусом-вымогателем, получая с помощью мошеннических схем данные банковских карт и т.д. Так, например, самым большим ущербом считается сумма более 10 миллиардов долларов вследствие кибератаки 2017 года на крупные корпоративные сети компаний и государственных служб по всему миру³.

Киберпреступники действительно выходят на высокий «профессиональный» уровень, который подразумевает «профессиональные» категории, со специальными названиями: фримеры, крекеры, «белые» хакеры, «черные» хакеры и т.д.

Изначально термин «хакер» трактовался положительно. Им именовался специалист, увлеченный своим делом в сфере информационных технологий, позднее же он приобрел негативную окраску: под ним понимается «взломщик» – человек с противоправными установками. Считается, что пиком карьеры IT-специалиста является так называемое белое или этическое хакерство, когда его официально нанимают государственные или частные компании для атаки на их программные продукты, интернет-сайты для выявления слабых мест, «дыр» в коде, проблем в информационной безопасности. «Черные» хакеры производят различные атаки в своих корыстных и иных целях, совершая тем самым преступления. Промежуточное положение занимают *грэйхеты*, которые обычно не преследуют цель наживы, не наносят вред удалением или модификацией информации, а действуют, например, из любопытства или в исследовательских целях.

The Ghost Hacker (в переводе с англ. «призрак») обычно не попадают под внимание правоохранительных органов: тщательно скрываются в Сети за ником, не оставляют следов, ведут двойную жизнь, работая, например, неприметным системным администратором, программистом, осуществляют DDoS-атаки, создают ботнеты и пр.

The Skript Kiddie (скрипткидди) не обладают необходимыми знаниями в сфере информационных технологий, слабо представляют, как работают системы безопасности, однако считают себя специалистами, отчего в хакерском сообществе отношение к ним пренебрежительное, негативное. Это молодые неопытные люди, учащиеся или студенты, имеющие много свободного времени. Максимум на что они способны – это беспорядочные атаки, часто без конкретной цели. И в отличие от хакеров, вполне способных действовать в одиночку с той же эффективностью,

³ Десять самых громких кибератак XXI века [Электронный ресурс]. – URL: <https://trends.rbc.ru> (дата обращения: 09.02.2024).

скрипткидди часто объединяются в группы, обсуждая общие интересы, свои идеи, преступный замысел.

Таким образом, специфика личности преступника рассматриваемых преступлений определяется необходимостью обладания определенным уровнем специальных познаний, образованием в сфере компьютерных технологий, приобретенными в образовательных учреждениях, либо путем самостоятельного изучения и наличием специального инструментария для их совершения. Злоумышленник умело использует свои знания и умения при создании вредоносных программ, фишинговых сайтов и др.

Можно выделить такие типы компьютерных преступников, как нарушители правил пользования ЭВМ, белые воротнички, компьютерные шпионы, компьютерные террористы, взломщики компьютеров и серверов, взломщики программ, снимающие защиту с программного обеспечения, вирусописатели и другие. Личность киберпреступника – это совокупность значимых морально-психологических качеств и уголовно-правовых свойств субъекта преступления, которые способствуют определению противоправного поведения, выражающегося в совершении деяния.

Анализируя предоставленные данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости в Российской Федерации за 2015–2019 гг., можно сделать вывод о том, что все осужденные за совершенные преступления в сфере информационных технологий – мужчины. Самая активная возрастная группа 18–24 года и составляет 39,6%, группа 25–29 лет – 30,6% от общего числа осужденных киберпреступников. Что касается возрастной группы старше сорока лет, то явно отслеживается малая активность. Это связано с тем, что взрослое поколение в меньшем объеме изучает и практикует компьютерные технологии.

Уровень образования преступников достаточно высок: при анализе данных можно выделить, что высшее или неоконченное высшее образование у 29,7% всех осужденных, специальное среднее образование у 37,4%.

Умысел большинства осужденных киберпреступников направлен на материальное обогащение. Это связано с экономическим кризисом и сокращением штатной численности предприятий. Также присутствует группа «социально дезорганизуемый тип преступников», основной целью которых является влияние на общество и нарушение нормативно-правовых актов.

Мотивация преступника чаще всего корыстная, однако он может преследовать и политические цели (шпионаж, дезорганизация валютной системы), хулиганские побуждения, озорство, ис-

следовательский интерес (студентов, изучающих программы, базы данных, и профессиональных программистов), месть (взлом профилей социальных сетей), потребность в самоутверждении. В любом случае здесь видится искажение правосознания. Из материалов уголовных дел следует, что хакеры в целом признают необходимость существования закона, понимают значимость его норм, осознают его справедливость, однако считают, что незначительное, по их мнению, отклонение от норм закона в личных, семейных или групповых интересах вполне допустимо. Наличие или отсутствие судимости у лица зависит, скорее, от категории преступления, которое он совершил, например общеуголовное или экономическое. Лица, имеющие соответствующее высшее образование, занимающие руководящие должности, чаще всего судимость не имеют.

Таким образом, рассматривая личность преступника как один из элементов криминалистической характеристики преступления, определяемый как совокупность значимых морально-психологических качеств и уголовно-правовых свойств субъекта преступления, способствующие определению противоправного поведения, выражающегося в совершении деяния, следует отметить их существенное отличие от остальных: во-первых, по морально-психологическим критериям, во-вторых, по возрастному и образовательному признаку. В связи с появлением и увеличением роста преступлений с использованием IT-технологий появляется и относительно новая классификация личности преступника:

- хакеры – лица, занимающиеся несанкционированным поиском способов получения неправомерного доступа к компьютерной информации;
- крэкеры – лица, занимающиеся взломом систем защиты охраняемой законом компьютерной информации;
- фрикеры – лица, уклоняющиеся от уплаты телекоммуникационных услуг с использованием конфиденциальной компьютерной информации;
- кардеры – специалисты по снятию с программного обеспечения защиты от копирования [8, с. 23];
- компьютерные сбытчики [9, с. 26].

Безусловно, личность преступника отличается определенной спецификой. Так, чаще всего данные преступления совершаются мужчинами, в возрасте от 18 до 35 лет, ранее не привлекавшимися к уголовной ответственности. Лицо обладает специальными знаниями и образованием в сфере компьютерных технологий, приобретенными в образовательных учреждениях, либо путем самостоятельного изучения, умело использующими свои знания и умения при создании вредоносных программ, фишинговых сайтов и др. Характерным является то, что пре-

ступления могут совершить лица, изучающие школьную программу, студенты вузов.

На наш взгляд, личность компьютерного преступника можно дифференцировать по следующим основаниям:

– лица с физико-математическим образованием, которые знают новые компьютерные технологии, на достаточно высоком уровне владеют практическими навыками работы с компьютерной информацией. В большинстве случаев (97%) преступники, совершавшие хищения с применением интернет-технологий, были служащими государственных организаций или учреждений. Обычно указанные лица ранее преступления не совершали, положительно характеризуются по месту работы и являются высококвалифицированными специалистами. У данных лиц на высоком уровне сформированы навыки в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, умение грамотной и четкой систематизации информационного материала. Такие особенности криминалистической характеристики преступника, как прави-

ло, вытекают из его технического образования;

– увлеченные компьютерной техникой школьники, студенты, еще не имеющие технического образования, либо молодые специалисты в сфере IT-технологий;

– находящиеся в местах лишения свободы граждане, обладающие знаниями в области компьютерных технологий.

Рассмотренные особенности свидетельствуют о том, что психологический аспект является очень важным в формировании личности преступника в сфере компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Все эти особенности, учитывая, что местонахождение преступника практически всегда не совпадает с местом совершения преступления и местом наступления последствий, обуславливают высокую латентность рассматриваемых преступлений, что существенно затрудняет их выявление, раскрытие и расследование, а также организацию уголовно-процессуального противодействия им.

Литература

1. **Дизер О.А.** Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70. – EDN TNIVHD.
2. **Жмуров Д.В., Протасевич А.А., Костромин А.С.** Эра милосердия. Пути развития преступности // Baikal Research Journal. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 18.
3. **Алимов С.Б. [и др.]** Личность преступника; под ред. В.Н. Кудрявцева. – Москва: Юридическая литература, 1975. – 235 с.
4. **Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р.** Психологическое изучение личности преступника. – Москва, 1981. – 77 с.
5. **Дремлюга Р.И.** Интернет-преступность: монография. – Владивосток: изд-во Дальневосточного ун-та, 2018. – 240 с.
6. **Елфимов П.В., Виноградова О.П.** Роль комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в профилактике суицидов среди несовершеннолетних // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2018. – № 2. – С. 4–6.
7. **Мустакимов Р.М.** Проблемы расследования преступлений в сфере информационной безопасности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2020. – № 3. – С. 44–48.
8. **Грибунов О.П., Старичков М.В.** Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий: учебное пособие. – Москва: ДГСК МВД, 2017. – 160 с.
9. **Готчина Л.В.** О новых типах личности преступника в изменяющемся российском обществе // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 3. – С. 25–28.

References

1. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya ohrana obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoj bezopasnosti v usloviyah formirovaniya cifrovogo prostranstva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (89). – S. 63–70. – EDN TNIVHD.
2. **Zhmurov D.V., Protasevich A.A., Kostromina A.S.** Era miloserdiya. Puti razvitiya prestupnosti // Baikal Research Journal. – 2019. – T. 10. – № 2. – S. 18.
3. **Alimov S.B. [i dr.]** Lichnost' prestupnika; pod red. V.N. Kudryavtseva. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1975. – 235 s.
4. **Efremova G.Kh., Ratinov A.R.** Psikhologicheskoe izuchenie lichnosti prestupnika. – Moskva, 1981. – 77 s.
5. **Dremlyuga R.I.** Internet-prestupnost': monografiya. – Vladivostok: izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2018. – 240 s.
6. **Elfimov P.V., Vinogradova O.P.** Rol' kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy v profilaktike suitsidov sredi nesovershennoletnikh // Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika. – 2018. – № 2. – S. 4–6.
7. **Mustakimov R.M.** Problemy rassledovaniya prestuplenii v sfere informatsionnoi bezopasnosti // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2020. – № 3. – S. 44–48.
8. **Gribunov O.P., Starichkov M.V.** Rassledovanie prestuplenii v sfere komp'yuterno informatsii i vysokikh tekhnologii: uchebnoe posobie. – Moskva: DGSK MVD, 2017. – 160 s.
9. **Gotchina L.V.** O novykh tipakh lichnosti prestupnika v izmenyayushchemsya rossiiskom obshchestve // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2023. – № 3. – S. 25–28.

(статья сдана в редакцию 19.03.2024)

ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ТЕОРИЙ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СОДЕРЖАНИИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

REFLECTION OF THE MAIN THEORIES OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE CONTENT OF THE CURRENT CRIMINAL LEGISLATION

УДК 343.01

Р.В. КИЛИМБАЕВ,
кандидат юридических наук
(Академия ФСИН России,
Россия, Рязань)
Romankilimbaev@yandex.ru

ROMAN V. KILIMBAEV,
Candidate of Law
(The Academy of the FPS of Russia,
Ryazan, Russia)

Аннотация: в статье освещена попытка автора показать роль и влияние основных теорий уголовного наказания на содержание норм и институтов действующего уголовного законодательства. Для данной цели автором отдельно рассматриваются абсолютная и утилитарная теории уголовного наказания, указываются их основные идеи и постулаты, их сильные и слабые стороны, специфика и различия, приводятся мнения ученых-философов, в значительной степени выступающих их родоначальниками. Наряду с этим приводятся мнения отечественных ученых и теоретиков, развивавших идеи указанных учений в российском праве.

Взяв за основу ключевые особенности данных теорий, автор проводит анализ содержания ряда институтов и норм действующего уголовного законодательства, к числу которых относятся положения принципов гуманизма и справедливости, содержание целей наказания, общие начала назначения наказания, условное осуждение, некоторые основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания и др.

Результатом проведенного анализа выступает подтверждение тезиса о существенном влиянии исторических учений об уголовном наказании на содержание современного действующего законодательства. Автором приводится сравнение с Уголовным кодексом РСФСР 1960 года, а также указываются причины и условия появления новых «синтетических» теорий уголовного наказания.

Ключевые слова: теория уголовного наказания, абсолютная теория наказания, утилитарная теория наказания, уголовное законодательство.

Для цитирования: Килимбаев Р.В. Отражение основных теорий уголовного наказания в содержании действующего уголовного законодательства // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 69–75.

Annotation: the article highlights the author's attempt to show the role and influence of the main theories of criminal punishment on the content of norms and institutions of the current criminal legislation. For this purpose, the author separately examines the absolute and utilitarian theories of criminal punishment, indicates their main ideas and postulates, their strengths and weaknesses, specifics and differences, and provides the opinions of philosophical scientists, who largely act as their founders. Along with this, the opinions of domestic scientists and theorists who developed the ideas of these teachings in Russian law are given.

Taking as a basis the key features of these theories, the author analyzes the content of a number of institutions and norms of the current criminal legislation, which include the provisions of the principles of humanism and justice, the content of the goals of punishment, the general principles of sentencing, probation, some grounds for exemption from criminal liability and punishment, etc.

The result of the analysis is the confirmation of the thesis about the significant influence of historical teachings on criminal punishment on the content of current legislation. The author provides a comparison with the Criminal Code of the RSFSR of 1960, and also indicates the reasons and conditions for the emergence of new «synthetic» theories of criminal punishment.

Keywords: theory of criminal punishment, absolute theory of punishment, utilitarian theory of punishment, criminal law.

For citation: Kilimbaev R.V. Reflection of the main theories of criminal punishment in the content of the current criminal legislation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 69–75.

Современное содержание уголовного законодательства в целом и отдельных его институтов в частности обусловлено не только текущими потребностями общества, но и историческими предпосылками, отражающими ретроспективу. В этой связи изучение традиционных и исторических факторов позволит взглянуть на уголовное законодательство как на систему норм и институтов, обусловленную временем, и показать их влияние на содержание современного уголовного закона.

Одним из наиболее значимых факторов, влияющих на нормы уголовного законодательства, выступают теории уголовного наказания. Постулаты и идеи теорий уголовного наказания с давних пор являются предметом для обсуждения философов и почвой для споров ученых.

В настоящее время в теории и философии права выделяют несколько научных теорий, среди которых наиболее характерными и фундаментальными выделяются абсолютная теория наказания – теория возмездия и утилитарная теория наказания – теория исправления и предупреждения. Концепции данных учений по-разному определяют сущность уголовного наказания и целей его применения. Стоит, конечно, оговориться, что ряд авторов совершенно справедливо усматривают значительно большее количество теорий уголовного наказания, однако их содержание, на наш взгляд, в той или иной форме все же сводится к одной из вышеприведенных нами теорий.

Ключевой идеей абсолютной теории уголовного наказания выступает подход к наказанию как к возмездию, каре за вред, который был причинен посягавшим лицом. Содержание наказания сводится к сопоставлению с вредом, который причинен в результате совершенного преступления, что выступает одной из наиболее «сильных» сторон данной теории. Здесь же отметим, что наказание является логическим следствием совершенного преступного деяния и выступает самой целью государственной карательной деятельности по отношению к преступнику. Вместе с этим надо признать, что исходя из постулатов данной концепции, она отдаленно может проявлять сходство с принципом талиона, ассоциируемым обычно с первобытными категориями морали и права.

Принято считать, что родоначальниками европейского осмысления абсолютной теории уголовного наказания являются такие выдающиеся представители немецкой классической философии, как И. Кант и Г. Гегель. Так, И. Кант в труде «Основы метафизики нравственности» указывал, что морально-нравственная ответственность человека за причиненный им вред

обществу должна сводиться только к определенным негативным материальным последствиям для нарушителя. Философ был убежден, что при совершении преступления нарушаются некие блага и ценности, объективно признаваемые обществом, а потому после причиненного преступлением вреда у общества возникает право на воздаяние преступнику. Объем этого воздаяния должен быть соразмерен объему преступного вреда, иначе невозможно вести речь о справедливости возмездия [1, с. 368–369]. Профессор Л.Л. Кругликов в этой связи отмечает, что показателем справедливости уголовно-правового воздаяния здесь считается максимальная тождественность вреда, причиненного преступлением, к тем лишениям, которые испытывает осужденный при исполнении назначенного наказания [2, с. 20–21].

Главенствующая идея теории диалектического возмездия Г. Гегеля сводилась к появлению права на наказание после совершения преступления. Совершив преступление, лицо тем самым подтверждает возможность быть подвергнутым осуждению со стороны общества и государства, результатом которого выступит тот объем лишения и ограничений, который будет достаточен для искупления его вины [3, с. 413–414].

Характерной особенностью при этом выступает то, что, развивая концепцию данной теории, И. Кант как и Г. Гегель не ставили никаких содержательных целей, которые необходимо бы было достичь в результате или процессе применения уголовного наказания. Вероятно, благодаря этому И. Кант и Г. Гегель и считаются основоположниками абсолютной теории уголовного наказания в ее европейском осмыслении и содержании.

В отечественной науке уголовного права идеи абсолютной теории в достаточной степени отстаивали ученые А.Л. Ременсон, А.Е. Наташев, Н.А. Стручков, Л.В. Багрий-Шахматов, М.П. Мелентьев и др. Так, А.Л. Ременсон указывал, что наказание – это и есть кара, т.е. преднамеренное причинение виновному известных страданий и лишений, специально рассчитанное на то, что он будет претерпевать наказание как лишение, страдание за причиненное зло обществу [4, с. 93]. О том, что наказание это в первую очередь кара, также отмечал в своих работах и Л.В. Багрий-Шахматов [5, с. 125].

Говоря о европейском осмыслении абсолютной теории уголовного наказания, мы стремимся подчеркнуть, что центральная идея, лежащая в основе данной теории, безусловно, была предложена еще задолго до эпохи просвещения. Однако И. Кант и Г. Гегель, глубоко проработав данную идею, сформулировали на ее основе со-

циально значимую и адаптированную для европейских ценностей научную концепцию.

Принимая во внимание то значительное количество критики, которой подвергалась абсолютная теория уголовного наказания, все же можно уверенно утверждать, что она выдержала проверку временем. Идея о соразмерном возмездии при применении уголовного наказания находит свое отражение в действующих нормативных актах уголовного законодательства многих стран мира, а поэтому не утрачивает своей актуальности и сегодня.

Не является исключением в этой связи и отечественное уголовное законодательство. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) можно выделить значительное число норм и институтов косвенно или непосредственно отражающих в себе влияние идей абсолютной теории наказания. Так, необходимость поиска соответствия между характером общественной опасности совершенного деяния и видом назначаемого наказания фактически положена в основу содержания действующего уголовно-правового принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), а также современного учения о дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности [6, с. 309; 7, с. 55–59].

В качестве еще одного наглядного примера стоит выделить общие начала назначения наказания, регламентированные законодателем в ст. 60 УК РФ. Так, в ч. 1 данной статьи определено, что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей. Комментируя данное положение, следует отметить, что категория «справедливость», в контексте наказуемости, в первую очередь подразумевает соразмерность, т.е. соответствие меры наказания тяжести совершенного преступления, что, на наш взгляд, прямо корреспондирует идее абсолютной теории о соразмерности избираемого наказания. Здесь же законодатель указывает на необходимость учитывать пределы, установленные санкцией соответствующей статьи, что, в свою очередь, также выступает критерием соразмерности наказания, но уже в рамках конкретной нормы.

Не в меньшей степени отражение Абсолютной теории уголовного наказания можно проследить и в норме, содержащей цели уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Характерную специфику в этой связи отражает такая цель, как «восстановление социальной справедливости». На наш взгляд, категория «справедливость» (равно как и ее восстановление) в качестве цели наказания обуславливает избрание

такой его меры или интенсивности, которая, насколько это возможно, выступала бы эквивалентом тяжести совершенного преступления. Поиск такого соответствия, как уже отмечалось, выступает одним из постулатов абсолютной теории наказания. Поэтому мы склонны полагать, что именно абсолютная теория с идеей соразмерности наказания причиненному преступлению вреду и ложится в основу содержания анализируемой цели.

Рамки настоящей работы не позволяют отразить все многообразие норм и институтов, на содержание которых прямо или косвенно оказали влияние идеи абсолютной теории уголовного наказания. На наш взгляд, для этого потребовался бы целый ряд более широкомасштабных исследований целых групп ученых и специалистов. Нам же, в свою очередь, хотелось бы подчеркнуть сам факт влияния анализируемой исторической концепции на содержание современной действующего законодательства.

Еще одной фундаментальной теорией уголовного наказания выступает утилитарная теория. Ее ключевая особенность заключается в постановке перед наказанием и результатом его применения конкретной социально полезной цели (ряда целей). Наказание здесь интерпретируется уже как средство достижения определенного результата, а не как самоцель. От применения наказания государство стремится извлечь пользу для общества. К наиболее распространенным целям в рамках данной теории относят устрашение перед законом и наказанием, исправление лица, совершившего преступление, предупреждение совершения преступлений в будущем, а иногда и заглаживание вреда причиненного преступлением.

Хотя вышеуказанные цели начали преследовать еще в эпоху Средневековья, основоположниками учения утилитарной (относительной) теории уголовного наказания принято считать таких философов-мыслителей, как Ч. Беккариа и И. Бентам. Рассматривая наказание в качестве «абсолютной необходимости», Ч. Беккариа указывал на то, что степень справедливости уголовного наказания находится в пропорциональной зависимости от качества защиты общественного блага от преступных посягательств отдельных лиц. Жестокость наказания может быть оправдана только в том случае, если она не противоречит общему благу и не создает препятствий для предупреждения преступлений. Во всех остальных случаях жестокость наказания является признаком «стада рабов», которая вызвана их страхом перед преступником. Истинная цель уголовного наказания заключается только в воспрепятствовании виновному

вновь совершить преступление, а равно удерживать других от причинения аналогичного вреда общественному благу [8, с. 90–92].

Основной идеей И. Бентама о сущности уголовного наказания выступала фактически его «полезность» – свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить выгоду, удовольствие, добро или счастье, но обязательно предупреждать вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идет речь. Уголовное наказание может быть воспринято как «счастье» только в том случае, если общество получает от него пользу в виде предупреждения еще большего зла и страданий, то есть только для предупреждения совершения преступлений в будущем. Во всех иных случаях наказание не является олицетворением социального блага, а потому не может иметь места в обществе [9, с. 223–224].

И. Бентам одним из первых попытался дать научное обоснование практической цели уголовного наказания и обозначить наказание как средство, а не самоцель социального воздействия, действительная справедливость которого измеряется не страданиями преступника, а его последующим законопослушным поведением – общественным благом.

Среди отечественных ученых утилитарную теорию уголовного наказания в той или иной степени поддержали М.Д. Шаргородский, А.Э. Жалинский, А.А. Пионтковский, С.И. Ной и др. В частности, М.Д. Шаргородский отмечал, что кара и воспитание неразрывны между собой и в совокупности составляют содержание наказания. Отсутствие одной из указанных составляющих исключают наказание [10, с. 40]. Похожее представление о наказании как совокупности составляющих элементов разделял А.Э. Жалинский. По мнению ученого, наказание содержит в себе вложенный уголовно-правовой упрек, страдания виновного в виде предусмотренных лишений и ограничений и обеспечительные-исправительные меры, направленные на охрану и реализацию прав осужденного [11, с. 625].

Положения утилитарной теории уголовного наказания также не утратили своей актуальности и в наше время. Установка превентивной цели уголовного наказания, коррекции поведения лица, совершившего преступление, находят свое отражение в уголовных законах многих современных государств. Существенную значимость утилитарной теории уголовного наказания придает и тот факт, что современные пенитенциарные учреждения во многих странах именуются как исправительные, в них созданы условия для получения осужденными общего и профессионального образования, физической и социаль-

ной реабилитации и т.п. [12, с. 48; 13, с. 128]. Помимо этого нормы международного права закрепляют минимальные стандартные правила, в соответствии с которыми заключенным, независимо от тяжести совершенного преступления, гарантировано соблюдение социальных, культурных и иных прав и законных интересов человека¹. Именно поэтому уголовное наказание, в соответствии с рассматриваемой теорией, не имеет ничего общего с возмездием за совершенное преступление, а выполняет строго социальные задачи: защищает от возможных общественно опасных посягательств в будущем и при этом исправляет преступника в процессе исполнения наказания.

Влияние утилитарной теории уголовного наказания не могло не оставить след и в нормах отечественного уголовного законодательства. Начиная уже с главы 1 уголовного закона, в ч. 2 ст. 7 содержащей принцип гуманизма, законодателем определено, что наказание, как и иные меры уголовно-правового характера, не может иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Как видно из формулировки нормы, перед наказанием ставятся определенные цели, в круг которых при этом недопустимо включать физические страдания виновного и унижение его достоинства. Наличие же целей перед наказанием, как мы уже отмечали, отсылает к утилитарной теории наказания.

Еще одним примером отражения утилитарной теории наказания в действующем законодательстве является институт условного осуждения. Так, в ч. 1 ст. 73 УК РФ определено, что, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать наказание условным. Достижение такой цели, как исправление осужденного, представлено здесь законодателем чуть ли не единственным критерием применения данного института. В продолжение этого в ч. 1 ст. 74 УК РФ определено, что если осужденный своим поведением доказал свое исправление, возместил вред, причиненный преступлением, то суд может отменить и само условное осуждение и снять с данного лица судимость.

Анализ положений института условного осуждения позволяет предположить, что приоритет достижения цели исправления сводит к услов-

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (правила Нельсона Манделы): резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 г. № 70/175 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf (дата обращения: 1.08.2024).

ности и формальности практически весь объем уголовно-правового воздействия, применяемого к такому условно осужденному лицу. Тем не менее данные положения фактически дословно повторяют концепцию И. Бентама и Ч. Беккариа о том, что наказание – это лишь средство достижения поставленных задач, а не самоцель.

Подобную аналогию стоит провести и с институтом освобождения от уголовной ответственности и наказания. В частности, примем во внимание такие основания освобождения от уголовной ответственности, как деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ) и примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Здесь цель исправления лица (и, как следствие, предупреждение совершения им новых преступлений) выражается в добровольно совершенных данным лицом постпреступных позитивных действиях, таких как явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба, заглаживание вреда, примирение с потерпевшим.

Справедливости ради стоило бы также задуматься, как, например, уплатой судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) или возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) можно исправить виновного или предупредить совершение им новых преступлений. Если же не брать в расчет данные цели, то получается, что от уголовной ответственности освобождается буквально «неисправленное» лицо. Однако оставим данный анализ для предмета последующих исследований, заметив лишь, что уголовное правоотношение, наверное, не должно разрешаться только средствами, лежащими в материальной плоскости. Вместе с этим в отношении указанных оснований освобождения от уголовной ответственности также можно проследить влияние утилитарной теории уголовного наказания, но лишь не более чем в контексте достижения цели возмещения ущерба.

Анализируя нормы главы 12 УК РФ, регламентирующей освобождение от наказания, следует взять во внимание институт условно-досрочного освобождения, а также положения о замене неотбытой части наказания более мягким видом. Обусловленность указанных уголовно-правовых категорий идеями утилитарной теории наказания также основывается на главенстве цели исправления. Так, в контексте условно-досрочного освобождения стоит обратить внимание на ч. 1 ст. 79 УК РФ, определяющую, что если судом будет признано, что лицо для своего исправления не нуждается в полном отбывании наказания, а также возместило вред причиненный преступлением, то оно подлежит условно-досрочному освобождению. В отноше-

нии положения о замене неотбытой части наказания более мягким видом цель исправления обуславливается формулировкой, изложенной в ч. 1 ст. 80 УК РФ, согласно которой суд, с учетом поведения лица, может заменить оставшуюся неотбытую часть наказания более мягким видом. Здесь процесс исправления лица уже начал реализовываться, что выражается в соответствующем поведении лица. Поэтому, взяв в расчет данную позитивную динамику, суд на одном из ее этапов, поощряет и стимулирует этот процесс, снижая интенсивность уголовно-правового воздействия.

Наконец, наиболее очевидное влияние утилитарной теории уголовного наказания можно проследить в содержании ч. 2 ст. 43 УК РФ. Во-первых, данная норма в принципе устанавливает систему целей перед сущностью и применением наказания. А, во-вторых, помимо цели «восстановление социальной справедливости» (которая, как мы уже отмечали, восходит к абсолютной теории наказания) в ч. 2 ст. 43 УК РФ прямо и недвусмысленно указано на применение наказания в целях «исправления осужденного» и «предупреждения совершения новых преступлений». Две последние категории практически в неизменившейся формулировке представляют собой постулаты утилитарной теории уголовного наказания.

Императивность и «простота» абсолютной теории и восприятие наказания как средства достижения результата в идеях утилитарной теории представляли собой две диаметрально противоположные крайности, что постоянно выступало предметом для критики. Результатом этого явилась разработка еще одной, а точнее, группы «синтетических» теорий уголовного наказания, которые в том или ином соотношении включали в себя комбинацию рациональных идей обоих вышеприведенных учений. В рамках групп синтетических теорий соотношение в сторону возмездия, исправления, устрашения или предупреждения новых преступлений может преимущественно меняться исходя из политических, социальных и иных прерогатив. Но при этом все эти цели в той или иной мере остаются отраженными в нормах законодательства.

Синтетические теории уголовного наказания исходя из своей «универсальности» используются в уголовных законах значительного числа современных государств. Подобный комбинированный подход к целеполаганию наказуемости отражен и в современном уголовном законодательстве России. Как мы уже ранее отмечали, в ч. 2 ст. 43 УК РФ, фактически отражены постулаты обеих фундаментальных теорий: абсолютной теории в части установления цели – «восстановление социальной справедливости»

и утилитарной теории в части наличия таких целей, как «исправление осужденного» и «предупреждение совершения новых преступлений».

Вместе с этим категории «воздаяние» и «устрашение» не находят места в современном уголовном законе, что объясняется современными тенденциями гуманизации, стремительно набирающими обороты в современном обществе и, вероятно, тем, что закон, скорее, должен быть направлен на регулирование общественных отношений, а не на возмездие и формирование чувства страха.

Наличие совокупности целей уголовно-наказания выступает преемственностью Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., в абзаце первом ст. 20 которого было определено, что «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». Как видно, «кара» как главная цель наказания стоит здесь на первом месте, однако не является единственным содержанием наказуемости. Формула целеполагания, в отличие от действующего УК РФ, была более развернутая и при этом, на наш взгляд, излишне переходящая к частному.

Так, начиная с общеродовых категорий «исправление» и «перевоспитание», законодатель далее переходит на более частное – «точное исполнение законов», «честное отношение к труду», «уважение правил общежития». Пола-

гаем, что цель исправления и, тем более, перевоспитания и без дополнительного уточнения подразумевает соблюдение законов, правил поведения, не говоря уже о необходимости трудоустройства. Обращает на себя внимание и то, что цель «предупреждение совершения новых преступлений» здесь подробно разведена на общую и частную превенцию.

Тем не менее было бы неправильно сейчас критиковать ту систему целей наказания, которую вкладывал советский законодатель при разработке Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. Очевидно, что на то были свои потребности и цели, которые отвечали тенденциям уголовной политики своего времени. Одно лишь можно сказать однозначно, что Уголовный кодекс РСФСР 1960 года успешно действовал почти половину столетия и при этом смог регулировать как советские уголовные правоотношения, так и охранять права и свободы человека в уже современной России.

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что право, являясь социальным институтом, как и само общество, находится в постоянном развитии и претерпевает изменения, диктуемые преимущественно современными условиями. Однако не только лишь современные тенденции оказывают влияние на содержание действующего законодательства. Вместе с этим существует и ряд фундаментальных правовых идей, возникших значительно раньше действующего сейчас законодательства, но тем не менее и сегодня сквозь время оказывающих влияние на содержание современного закона и права. К ним, в частности, относятся основные теории уголовного наказания.

Литература

1. **Кант И.** Основоположения метафизики нравов: соч. в 8 т. – Москва, 1994. Т. 4.
2. **Кругликов Л.Л.** Целесообразность и цели в российском уголовном законодательстве // Вестник Югорского государственного университета. – 2018. – № 2 (49). – С. 18–23.
3. **Гегель Г.** Философия права. – Москва: Мысль, 1990. – 524 с.
4. **Ременсон А.Л.** Некоторые вопросы теории советского исправительно-трудового права // Советское государство и право. 1964. – № 1. – С. 93–99.
5. **Багрий-Шахматов Л.В.** Уголовная ответственность и наказание. – Минск: Высшейш. школа, 1976. – 383 с.
6. **Кругликов Л.Л.** Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // LEXRUSSICA. – 2014. – № 3. – С. 305–313.
7. **Лесниевски-Костарева Т.А.** Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная. – Москва: Норма, 2000. – 400 с.
8. **Беккариа Ч.** О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. – Москва: Инфра-М, 2004. – 184 с.
9. **Бентам И.** Введение в основания нравственности и законодательства. – Москва: РОССПЭН, 1998. – 416 с.
10. **Шаргородский М.Д.** Наказание, его цели и эффективность. – Ленинград: ЛГУ, 1973. – 160 с.
11. **Жалинский А.Э.** Нормативно-правовые основы наказания // Уголовное право: учебник: в 3 т. Т. 1. Общая часть. – Москва, 2010. – 863 с.
12. **Бабаян С.Л.** К вопросу о совершенствовании правового регулирования поощрительного института изменения вида исправительного учреждения // Российский следователь. – 2015. – № 14. – С. 47–50.
13. **Громов В.Г.** Обязанности исправительных учреждений // Современное право. – 2013. – № 4. – С. 127–130.

References

---

1. **Kant I.** Osnovopolozheniya metafiziki нравов: soch. v 8 t. – Moskva, 1994. T. 4.
2. **Kruglikov L.L.** Celesoobraznost' i celi v rossijskom ugovnom zakonodatel'stve // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 2 (49). – S. 18–23.
3. **Gegel' G.** Filosofiya prava. – Moskva: Mysl', 1990. – 524 s.
4. **Remenson A.L.** Nekotorye voprosy teorii sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1964. – № 1. – S. 93–99.
5. **Bagrij-Shahmatov L.V.** Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie. – Minsk: Vyshejsj. shkola, 1976. – 383 s.
6. **Kruglikov L.L.** Ponyatie, osnovaniya i vidy differenciacii otvetstvennosti za prestupleniya i inye pravonarusheniya // LEXRUSSICA. – 2014. – № 3. – S. 305–313.
7. **Lesnievski-Kostareva T.A.** Differenciaciya ugovnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya. – Moskva: Norma, 2000. – 400 s.
8. **Bekkaria Ch.** O prestupleniyah i nakazaniyah / sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo. – Moskva: Infra-M, 2004. – 184 s.
9. **Bentam I.** Vvedenie v osnovaniya нравstvennosti i zakonodatel'stva. – Moskva: ROSSPEN, 1998. – 416 s.
10. **Shargorodskij M.D.** Nakazanie, ego celi i effektivnost'. – Leningrad: LGU, 1973. – 160 s.
11. **Zhalinskij A.E.** Normativno-pravovye osnovy nakazaniya // Ugolovnoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 1. Obshchaya chast'. – Moskva, 2010. – 863 s.
12. **Babayan S.L.** K voprosu o sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya pooshchritel'nogo instituta izmeneniya vida ispravitel'nogo uchrezhdeniya // Rossijskij sledovatel'. – 2015. – № 14. – S. 47–50.
13. **Gromov V.G.** Obyazannosti ispravitel'nyh uchrezhdenij // Sovremennoe pravo. – 2013. – № 4. – S. 127–130.

(статья сдана в редакцию 17.09.2024)

**ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ
НЕГЛАСНОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*****DETERMINANTS AND PREREQUISITES OF THE PRIVATE THEORY
OF SECRECY IN OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES**

УДК 343.2

А.И. ТАМБОВЦЕВ,кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
bestcopat@mail.ru**ANDREI I. TAMBOVTSEV,**Candidate of Law, Associate Professor
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: частная теория негласности в оперативно-розыскной деятельности, как любая научная теория, обуславливается не субъективным сиюминутным желанием научного сообщества или отдельного ученого, сколь авторитетным бы он ни был, а постепенным появлением и накоплением совокупности разнообразных предпосылок объективного свойства, определяющих и детерминирующих саму не зависящую от желаний индивидов необходимость зарождения и генезиса теории как дуалистической формы знания и познания. Таковыми являются: достаточный для научного осмысления и исследования практический опыт негласно-конспиративной деятельности в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности, возникшие противоречия имеющихся научных разработок и методик обеспечения негласности современным запросам практики и социально-правовых реалий, сформировавшийся специальный глоссарий и др.

Методы. При подготовке и написании работы применялись диалектический, исторический, формально-логический общенаучные методы, а также сравнительно-правовой метод и метод контент-анализа нормативных правовых актов. Автором проведен исторический и правовой анализ становления и развития негласно-конспиративного инструментария оперативно-розыскной деятельности и его современного состояния, а также многочисленных научных воззрений современных исследователей теории оперативно-розыскной деятельности на данную проблематику.

Результаты. На основании проведенного исследования совокупности разнообразных объективных социально-правовых факторов и многочисленных научных воззрений по исследуемой проблематике автором делается логический вывод об объективной обусловленности создания частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности и предлагается собственный взгляд на ее детерминанты и предпосылки.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, частная теория негласности, негласность в оперативно-розыскной деятельности, обеспечение негласности, институт негласности, конспирация.

Для цитирования: Тамбовцев А.И. Детерминанты и предпосылки частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 76–83.

Annotation: the private theory of secrecy in operational-search activities, like any scientific theory, is determined not by the subjective momentary desire of the scientific community or an individual scientist, no matter how authoritative he may be, but by the gradual emergence and accumulation of a set of various prerequisites of an objective nature, defining and determining the very necessity of the origin and genesis of a theory as a dualistic form of knowledge and cognition, independent of the desires of individuals. These are: sufficient practical experience of covert-conspiratorial activity within the framework of the implementation of operational-search activities for scientific understanding and research, the contradictions that have arisen between existing scientific developments and methods for ensuring secrecy and modern demands of practice and socio-legal realities, a special glossary that has been formed, etc.

Methods. In preparing and writing the work, dialectical, historical, formal-logical general scientific methods were used, as well as the comparative-legal method and the method of content analysis of normative legal acts. The author conducted a historical and legal analysis of the formation and development of covert-conspiratorial tools of operational-search activity and its current state, as well as numerous scientific views of modern researchers of the theory of operational-search activities on this issue.

* Здесь и далее в данном слове авторская орфография сохранена.

Results. Based on the conducted research of a set of various objective socio-legal factors and numerous scientific views on the issues under study, the author makes a logical conclusion about the objective determinacy of the creation of a private theory of secrecy in operational investigative activities and offers his own view on its determinants and prerequisites.

Keywords: operational investigative activity, private theory of secrecy, secrecy in operational investigative activities, ensuring secrecy, institute of secrecy, conspiracy.

For citation: Tambovtsev A.I. Determinants and prerequisites of the private theory of secrecy in operational-investigative activities // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 76–83.

Рассматривая в целом частную теорию как результат решения соответствующей научной проблемы и основываясь на анализе многочисленных словарных дефиниций понятия «научная проблема», можно с некоторой долей условности утверждать, что научная проблема как таковая представляет собой некое явление, феномен, состояние в какой-то сфере, объяснить которое имеющимися теориями и эмпирическими данными без дополнительных исследований современная наука не способна. Любая научная теория не рождается по желанию ученых, а является закономерным и, как правило, отсроченным результатом длительной реализации некоей общественной практики и разнообразных когнитивных процессов, направленных на ее всестороннее познание. Должен накопиться достаточно объемный для осмысления практический опыт и эмпирические данные; должны быть выявлены закономерности и принципы, позволяющие объяснять и устранять или нивелировать проблемы и делать высоковероятностные прогнозы; должен сформироваться сугубо специальный функционально-правовой инструментарий как для самой практики, так и для ее исследования, а также специфический глоссарий и пр. Именно совокупность вышеизложенного позволяет говорить о наличии причин и условий для формирования научной теории вообще, а в нашем случае – частной теории негласности в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Применительно к рассматриваемой тематике, а именно к проблеме обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности, можно констатировать, что научная проблема заключается в наличии неразрешенного до настоящего времени противоречия (несоответствия) между объективно существующим в социально-правовых реалиях института негласности, свойственным оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и правоприменительной деятельности в целом (а также ряду смежных с ними видов социальных активностей), и имеющимися теоретическими воззрениями, не способными полноценно и всесторонне объяснить все внутренние принципы данного феномена,

его разновидности, межотраслевые связи, особенности обеспечения, направления использования результатов и пр., вплоть до полного отрицания «причастности» данного феномена к иным помимо оперативно-розыскной деятельности сферам, а потому требующее выделения из общей теории ОРД и дальнейшего самостоятельного развития частной теории негласности.

История целенаправленного научного изучения феномена негласности и конспирации в России представляется значительно моложе самого рассматриваемого нами социально-правового явления и насчитывает не более нескольких десятков лет, что для науки представляется ничтожным. По нашему убеждению, несмотря на наличие отдельных фундаментальных работ, рассматривающих феномен негласности в частных научных интересах [1; 2; 3; 4; 5; 6], следует объективно признать отсутствие в настоящее время общепризнанных специалистами различных отраслей права единых понятий «негласность» и «обеспечение негласности» и более того – отсутствие единой научной концепции, объясняющей все теоретические и практические функциональные, правовые, психологические и пр. аспекты негласности.

Современное Российское «оперативно-розыскное» и «смежное» с ним законодательство в совокупности Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – закон об ОРД), Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»², Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»³, Федерального закона

¹ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

² Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

³ Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 143.

от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О Государственной охране»⁴, Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»⁵ и др., к сожалению и ученых и практиков не раскрывает понятийно-категориальный аппарат института негласности и конспирации и механизмы его прикладной реализации. В то же время в современных условиях активного использования данного социально-правового института прежде всего оперативно-розыскными органами, а также иными государственными, общественными и частными структурами и организациями в процессе оборота и защиты своих разнообразных тайн, это порождает как множество прикладных практических проблем функционального и правового свойства, так и сугубо теоретическую научную проблему, которая «ставится или относительно того, о чем ни одна из сторон не имеет определенного мнения, или относительно того, о чем мудрые имеют мнение, противное мнению большинства, или относительно того, о чем расходятся мнения внутри каждой стороны» [7, с. 369].

В процессе исследования нами установлено, что сегодня в Российском правоприменении (и в социальной жизни вообще) сложилась ситуация, в которой научным сообществом подвергается сомнению сам факт «распространения» существующего и активно применяемого в течение нескольких столетий в оперативно-розыскной сфере феномена негласности на уголовно-процессуальную, административно-правовую, адвокатскую, нотариальную, журналистскую (корреспондентскую), частно-детективную, коммерческую и многие иные виды деятельности. Некоторые исследователи ставят под обоснованные сомнения не только наличие норм права, регламентирующих обеспечение негласности в любых иных кроме ОРД сферах, но и отрицают даже гипотетическую возможность этого. Имеющиеся же в отдельных отраслевых фундаментальных и частных исследованиях научные воззрения, теории, гипотезы и выводы, объясняющие некоторые закономерности негласности как социального явления, характеризуются отсутствием единой общепризнанной концепции, разнообразием и даже противоположностью взглядов и отражают в большей степени отраслевые особенности или же сугубо научные интересы авторов. Это, в свою очередь, требует фундаментального

исследования данного несомненно более широкого, нежели только в сфере оперативно-розыскной деятельности феномена, а именно – в рамках частной научной теории.

Оценивая современное состояние научно-теоретической разработанности негласности, как самостоятельного социально-правового феномена, можно констатировать, что общая теория оперативно-розыскной деятельности как форма организованного достоверного знания о рассматриваемой предметной области, призванная описывать, объяснять и предсказывать ее дальнейшее функционирование и развитие, уже не выполняет в полной мере своего познавательного предназначения в отношении феномена негласности, т.е. не способна всесторонне и всеобъемлюще обеспечивать ее (негласности) изучение и развитие, выполнять по отношению к ней (негласности) свои разъяснительные, когнитивные и прогностические функции. Сказанное, по нашему мнению, является доказательством необходимости выделения на основе общей теории ОРД именно частной теории негласности оперативно-розыскной деятельности не только как симбиоза самостоятельной формы и результата знания, но и как основы и инструментария для дальнейшего познавательного движения. Поддержку этому находим в научных воззрениях наших коллег, заявляющих о настоятельной необходимости создания приемлемой для научного сообщества частной теории негласности для раскрытия и расследования преступлений, на основе которой шло бы дальнейшее развитие оперативно-розыскной и следственной практики и связанного с этим законотворческого процесса [8, с. 88–93; 9, с. 28; 10; 11, с. 138–145; 12, с. 109–116].

Считаем некорректным рассматривать феномен негласности, как некое социально-правовое явление, присущее только и исключительно оперативно-розыскной деятельности, что, вероятно, связано с положениями оперативно-розыскного законодательства о негласном инструментарии и до недавнего времени было свойственно позиции абсолютного большинства исследователей тематики оперативно-розыскной деятельности вообще и негласности в частности. И лишь научные изыскания за последние 7–10 лет наших коллег [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20], и в том числе автора настоящей работы [21; 22], позволили выдвинуть предположения (гипотезы) и утверждения с достаточно убедительными доказательствами о значительно более широком характере негласности (обеспечения негласности) и ее отношения не только к ОРД, но также к процессуальной и административной деятельности правоохрани-

⁴ Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 22. – Ст. 2594.

⁵ Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // Российская газета. – 1993. – № 182.

нительных ведомств, деятельности адвокатов и нотариусов, частно-детективной и охранной деятельности, деятельности средств массовой информации, коммерческой деятельности. Сказанное прямо или косвенно просматривается из положений таких нормативных правовых актов, как: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁶, Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»⁷, Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»⁸, Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁹, Федеральный закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»¹⁰, Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹¹ и др. Полагаем, что представленные в наших предшествующих работах [23; 24; 25] доказательства этого являются достаточно убедительными. Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время оперативно-розыскная, уголовно-правовая, уголовно-процессуальная и иные правоохранительные и сугубо «гражданские» общественные практики содержат в себе и используют институт полной или частичной

⁶ Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1992. – № 32.

⁷ Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 17. – Ст. 888.

⁸ Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

⁹ Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 2. – Ст. 74.

¹⁰ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // «Российская газета» от 1 октября 1997 г. № 190, Собрание законодательства Российской Федерации от 29 сентября 1997 г. № 39 ст. 4465.

¹¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

негласности для легитимной охраны (защиты) различных видов тайн, свойственных им. При этом неразрешенным до настоящего времени остается вопрос, являются ли используемые при этом функционально-правовые средства сугубо оперативно-розыскными, аналогичными им или вообще самостоятельными и обособленными от оперативно-розыскных.

Негласность как дуалистическое единство процесса и результата целенаправленной деятельности, обусловленной текущими правовыми, социальными, экономическими, политическими и пр. реалиями, не является неизменным и неизменным явлением, покоящимся на количественно ограниченном перечне неизменных догм и постулатов. Несмотря на условную разработанность негласно-конспиративных компонентов оперативно-розыскной деятельности, они нередко объективно «устаревают», умышленно или случайно становятся достоянием гласности и перестают выполнять свои изначальные конспиративные функции, а потому периодически нуждаются в своем функционально-правовом аудите, большем или меньшем обновлении, рационализации, приведении в соответствие изменившимся социальным, нормативным, техническим и прочим реалиям.

Так, о нарушениях правил конспирации, утечке информации, утрате секретных сведений, заявлялось в «закрытых» работах многими исследователями на всем времени изучения этого феномена, что указывает на перманентное возникновение и наличие проблем обеспечения негласности в ОРД даже при всех предпринимаемых Государством усилиях по недопущению этого. В то же время иные помимо оперативно-розыскной сферы жизнедеятельности общества объективно нуждаясь в защите своих тайн, но при этом вообще официально не имея негласно-конспиративного инструментария, находятся в еще более сложной ситуации. Обеспечение негласности в них можно считать процессом нормативно и функционально эфемерным, гипотетическим, условным, несмотря на то что он реально осуществляется, хотя иногда и на интуитивном уровне. Обобщая сказанное, допустимо сделать следующий вывод: в настоящее время реальное обеспечение негласности в оперативно-розыскной деятельности и иных сферах жизнедеятельности общества и Государства не соответствуют социальным потребностям и запросам, не отвечает предъявляемым требованиям, а потому нуждается в целенаправленном научном исследовании в рамках частной научной теории и последующей адаптации к существующим социально-экономическим, правовым, научно-техническим и прочим реалиям.

К числу важнейших предпосылок частной теории негласности следует отнести и давно сформировавшийся специфический глоссарий, одинаково свойственный и теории, и практике оперативно-розыскной деятельности, на что указывалось ранее в работах многих авторов [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32]. Важность формирования и использования в правоприменении вообще и в ОРД в частности и в частной теории негласности, особенно специального лексикона, исключающего двусмысленность и неопределенность, просматривается на многочисленных и непрекращающихся научных спорах о содержании и правовом статусе таких понятий, свойственных правоприменительной деятельности вообще и оперативно-розыскной в частности, как «контракт», «субъект ОРД», «специалист», «негласное содействие и сотрудничество», «конфидент», «конспирация», «негласность», «оперативно-розыскные мероприятия» и мн. др. При несомненном отношении этих и многих иных терминов к негласно-конспиративной сфере ОРД они требуют своего дальнейшего исследования, научного осмысления и окончательного определения.

Рассматривая феномен негласности как воплощение в жизнь основополагающего экзистенциального принципа ОРД – конспирации и как важнейший аспект для ряда иных сфер общественной жизни, следует признать, что существующие сегодня отдельные разработки по обеспечению негласности являются скорее обобщенными научными положениями, нежели логически связанными между собой частями единой и целостной фундаментальной теории негласности. В своих рассуждениях мы основываемся на общепринятых постулатах, что «теория – это не отдельные взятые достоверные научные положения, а их совокупность, целостная органическая развивающаяся система. Объединение знания в теорию производится прежде всего самим предметом исследования, его закономерностями. При этом не всякая совокупность положений об изучаемом предмете является теорией. Чтобы превратиться в теорию, знание должно не просто описывать определенную совокупность фактов, но и объяснять их, т.е. вскрывать причины и закономерности явлений» [33]. Основываясь на сказанном, можно утверждать, что частная научная теория негласности как совокупность теоретических и сугубо практических положений обеспечения негласности представляет (должна представлять) собой не просто перечень, сколь бы он ни был, разрозненных положений, постулатов, правил и рекомендаций, но систему органически и логически взаимосвязанных концепций и принципов, призванных определять и объяснять отношения, связи, законы, причины и следствия

обеспечения негласности как таковой, как некоего социально-правового феномена, свойственного различным сферам жизни общества и Государства и особенно – сферы ОРД. Подтверждения этому находим в трудах ученых, разрабатывавших ранее некоторые аспекты частных научных теорий [34; 35; 36; 12; 37].

Из имеющихся в настоящее время достаточно многочисленных классических и аутентичных научных взглядов на компоненты научной теории, нам импонирует научный подход Д.А. Симоненко, избранный им при обосновании и разработке частной теории негласного содействия, содержащей звенья, характеризующие следующее:

1. Потребность в создании частной теории.
2. Место частной теории в общей теории ОРД.
3. Предмет частной теории как ее основной содержательный элемент.
4. Объект частной теории.
5. Субъект потребления частной теории.
6. Принципы частной теории.
7. Формы частной теории.
8. Метод частной теории.
9. Язык частной теории (понятийный аппарат) [37].

Кроме того, считаем, что помимо сказанного, современная насущная потребность и оперативно-розыскной науки, и оперативно-розыскной практики в формировании частной теории негласности обусловлена «основными функциями теории:

- 1) Синтетическая функция – объединение отдельных достоверных знаний в единую, целостную систему.
- 2) Объяснительная функция – выявление причинных и иных зависимостей, многообразия связей данного явления, его существенных характеристик, законов его происхождения и развития и т.п.
- 3) Методологическая функция, формирование на базе теории многообразных методов, способов и приемов исследовательской деятельности.
- 4) Предсказательная – функция предвидения. На основании теоретических представлений о «наличном» состоянии известных явлений делаются выводы о существовании неизвестных ранее фактов, объектов или их свойств, связей между явлениями и т.д. Предсказание о будущем состоянии явлений (в отличие от тех, которые существуют, но пока не выявлены) называют научным предвидением.
- 5) Практическая функция. Конечное предназначение любой теории – быть воплощенной в практику, стать «руководством к действию» по изменению реальной действительности. Поэтому вполне справедливо утверждение о том, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория» [33].

Самостоятельность и уникальность частной теории выражается в том числе в особенностях используемых ею научных методов исследования, которые в свою очередь детерминированы спецификой объекта и предмета исследования, а именно многогранного социально-правового, технического, психологического, организационно-тактического и пр. феномена негласности, имеющего не только объективно ограниченные (засекреченные) прикладные силы, средства и методы обеспечения и формы реализации, но и ограниченные в своей открытости (доступности) эмпирические, статистические и нормативные (в части ведомственной регламентации) материалы.

Резюмируя вышеизложенное, считаем возможным констатировать, что в настоящее время в Российской оперативно-розыскной практике и теории имеются объективные предпосылки для формирования частной теории негласности в

оперативно-розыскной деятельности, которыми являются: накопление значительного эмпирического опыта обеспечения негласности, достаточного для научного осмысления и производства обоснованных выводов; теоретическая разработанность основных фундаментальных положений оперативно-розыскной деятельности, ее закономерностей и принципов; сформированность оперативно-розыскного глоссария, достаточного одновременно для практического и теоретического использования; объективно возникшее несоответствие имеющихся методик обеспечения негласности стремительно развивающимся общественным отношениям и возросшим требованиями оперативно-розыскной практики; недостаточность постулатов общей теории ОРД для всестороннего объяснения феномена негласности в оперативно-розыскной деятельности и смежных науках.

Литература

---

1. **Смолькова И.В.** Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра. юрид. наук. – Иркутск, 1998. – 404 с.
2. **Жаров С.Н.** История оперативно-розыскной деятельности и её правового регулирования в России (XI – начало XX вв.): монография. – Челябинск: изд-во Татьяны Лурье, 2008. – 375 с.
3. **Павличенко Н.В.** Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: монография. – Омск: Омский юридический институт, 2011. – 248 с.
4. **Павличенко Н.В.** Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография. – Москва, 2016. – 186 с.
5. **Колосович М.С.** Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2020. – 536 с.
6. **Матвеев А.В.** Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2022. – 257 с.
7. **Аристотель.** Сочинения в 4 т. Москва: Мысль, 1978. Т. 2. 369 с.
8. **Павличенко Н.В., Самоделкин А.С.** Негласность в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 3 (22). – С. 88–93;
9. **Луговик В.Ф.** Негласность расследования и оперативно-розыскная деятельность // Правовая мысль в образовании, науке и практике. – 2014. – № 1 (3). – С. 28.
10. **Павличенко Н.В.** Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография. – Москва: Амалданик, 2016. – 186 с.
11. **Колосович М.С.** Негласная деятельность по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 2. – С. 138–145.
12. **Павличенко Н.В.** Предпосылки формирования частной теории негласности раскрытия и расследования преступлений // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 109–116.
13. **Луговик В.Ф., Баранов А.М.** Негласное правоприменение в уголовном преследовании // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 2 (57). – С. 7–11.
14. **Мазунин Я.М., Мазунин П.Я.** Негласная деятельность следователя: пора признать данность // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1 (31). – С. 136–140.
15. **Чупругин К.В.** Категория негласности в юридической деятельности / Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов VII Международной научно-практической конференции; под ред. Ю.П. Шкаплеров и др. – Санкт Петербург, 2019. С. 396–398.
16. **Абушахмин А.Ф.** К вопросу о негласных формах оперативно-розыскной деятельности и их интеграции с уголовным судопроизводством / Ученые записки: сборник научных трудов. – Оренбург, 2020. С. 46–52.
17. **Мальшиев С.Я., Миняшева Г.И.** Режим конфиденциальности информации (негласности): вопросы теории и практики / Актуальные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях: сборник статей по материалам круглых столов. – Орел, 2020. С. 32–40.
18. **Комов С.В.** Исторический анализ развития института тайны предварительного следствия в судебно-экспертной деятельности Российского государства / Экономические, историко-правовые, социально-философские дискуссии: материалы XXII Всероссийской научно-практической конференции. – Рязань, 2022. С. 315–319.
19. **Краснова В.Ю.** Перспективы развития негласных следственных действий / Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: материалы XIII-й Международной конференции; под ред. Н.П. Кирилловой, В.Д. Пристанкова Н.Г. Стойко, В.Ю. Низамова. – Москва, 2022. С. 94–100.
20. **Гинсбург А.Я.** О так называемых «негласных следственных действиях» [Электронный ресурс] // Информационное агентство Zakon.kz. – Режим доступа: <http://www.zakon.kz/4568011/>.

21. **Павличенко Н.В., Тамбовцев А.И.** Сочетание гласных и негласных методов и средств в уголовном процессе: инновация или правовая реальность? // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3 (43). – С. 111–115.
22. **Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В.** Ограничение гласности в уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 2 (45). – С. 130–136.
23. **Тамбовцев А.И.** Негласный потенциал уголовно-процессуального законодательства России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 170–178.
24. **Тамбовцев А.И.** Негласность в уголовном процессе как состоявшийся факт / Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации. В 2 ч. / под ред. К.В. Муравьева [и др.]. – Орел, 2023. С. 164–170.
25. **Тамбовцев А.И.** Негласность как межотраслевой социально-правовой феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (100). – С. 159–172.
26. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – Москва: Юридическая литература, 1990.
27. **Елинский В.И.** Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Язык теории: монография. – Москва: МИОУ МВД России, 1998. – 124 с.
28. **Гирько С.И., Исиченко А.П.** Проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная работа. – 2003. – № 2 (169). – С. 42.
29. **Елинский В.И.** Направления совершенствования оперативно-розыскного законодательства / Актуальные вопросы противодействия международной преступности на современном этапе: материалы международной конференции 19 апреля 2005 г. – Москва: ДА МИД России, 2005. С. 68–79.
30. **Хлобустов О.М.** О назначении и содержании принципов конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2008. – № 3 (16). – С. 35.
31. **Блинов Ю.С.** Проблемы формирования ведомственного нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сборник научных статей. – Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 52.
32. **Атмажитов В.М., Бобров В.Г.** О некоторых проблемах нормативного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности / Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сборник научных статей. – Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 62.
33. **Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б.** Философия для аспирантов: учебное пособие. – 2-е изд. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2003. – 448 с.
34. **Эйнштейн А.** Физика и реальность. – Москва, 1965. – 359 с.
35. **Ракитов А.И.** Курс лекций по логике науки. – Москва, 1971. – 175 с.
36. **Белкин Р.С.** Курс криминалистики: в 3 т.: Частные криминалистические теории. – Москва: Юристъ, 1997. – Т. 2. – 464 с.
37. **Симоненко Д.А.** О формировании частной научной теории конфиденциального содействия отдельных лиц оперативным подразделениям органов внутренних дел // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 2. – С. 144–148.

References

---

1. **Smol'kova I.V.** Problemy ohranяyaemoj zakonom tajny v ugodovnom processe: dis. ... d-ra. jurid. nauk. – Irkutsk, 1998. – 404 s.
2. **Zharov S.N.** Istoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti i eyo pravovogo regulirovaniya v Rossii (XI – nachalo XX vv.): monografiya. – Chelyabinsk: izd-vo Tat'yany Lur'e, 2008. – 375 s.
3. **Pavlichenko N.V.** Pravovaya ohrana lic, okazyvayushchih konfidencial'noe sodejstvie organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost': monografiya. – Omsk: Omskij juridicheskij institut, 2011. – 248 s.
4. **Pavlichenko N.V.** Pravovye i teoreticheskie problemy obespecheniya neglasnosti v operativno-rozysknoj deyatel'nosti: monografiya. – Moskva, 2016. – 186 s.
5. **Kolosovich M.S.** Processual'nye sredstva obespecheniya glasnosti i tajny v ugodovnom sudoproizvodstve: konceptual'nye osnovy: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Volgograd, 2020. – 536 s.
6. **Matveev A.V.** Institut naruzhnogo nablyudeniya v pravoohranitel'noj sisteme Rossijskoj imperii (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... d-ra jurid. nauk. – Sankt-Peterburg, 2022. – 257 s.
7. **Aristotel'.** Sochineniya v 4 t. Moskva: Mysl', 1978. T. 2. 369 s.
8. **Pavlichenko N.V., Samodelkin A.S.** Neglasnost' v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2012. – № 3 (22). – S. 88–93;
9. **Lugovik V.F.** Neglasnost' rassledovaniya i operativno-rozysknaya deyatel'nost' // Pravovaya mysl' v obrazovanii, nauke i praktike. – 2014. – № 1 (3). – S. 28.
10. **Pavlichenko N.V.** Pravovye i teoreticheskie problemy obespecheniya neglasnosti v operativno-rozysknoj deyatel'nosti: monografiya. – Moskva: Amaldanik, 2016. – 186 s.
11. **Kolosovich M.S.** Neglasnaya deyatel'nost' po ugodovnomu delu // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2016. – № 2. – S. 138–145.
12. **Pavlichenko N.V.** Predposylki formirovaniya chastnoj teorii neglasnosti raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij // Pravovaya paradigma. – 2017. – Т. 16. – № 2. – S. 109–116.
13. **Lugovik V.F., Baranov A.M.** Neglasnoe pravoprименение v ugodovnom presledovanii // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2015. – № 2 (57). – S. 7–11.
14. **Mazin Ya.M., Mazunin P.Ya.** Neglasnaya deyatel'nost' sledovatelya: pora priznat' dannost' // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2015. – № 1 (31). – S. 136–140.
15. **Churugin K.V.** Kategoriya neglasnosti v juridicheskoy deyatel'nosti / Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika: tezisy dokladov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii; pod red. Yu.P. Shkaplerov i dr. – Sankt Peterburg, 2019. S. 396–398.
16. **Abushahmin A.F.** K voprosu o neglasnyh formah operativno-rozysknoj deyatel'nosti i ih integracii s ugodovnym sudoproizvodstvom / Uchenye zapiski: sbornik nauchnyh trudov. – Orenburg, 2020. S. 46–52.
17. **Malyshev S.A., Minyasheva G.I.** Rezhim konfidencial'nosti informacii (neglasnosti): voprosy teorii i praktiki / Aktual'nye voprosy osushchestvleniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del v sovremennyh usloviyah: sbornik statej po materialam kruglyh stolov. – Orel, 2020. S. 32–40.
18. **Kotov S.V.** Istoricheskij analiz razvitiya instituta tajny predvaritel'nogo sledstviya v sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti Rossijskogo gosudarstva / Ekonomicheskie, istoriko-pravovye, social'no-filosofskie diskussii: materialy XXII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Ryazan', 2022. S. 315–319.

19. **Krasnova V.Yu.** Perspektivy razvitiya neglasnyh sledstvennyh dejstvij / Nauchnaya shkola ugovnogo processa i kriminalistiki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy XIII-j Mezhdunarodnoj konferencii; pod red. N.P. Kirillovoj, V.D. Pristanskova N.G. Stojko, V.Yu. Nizamova. – Moskva, 2022. S. 94–100.
20. **Ginsburg A.Ya.** O tak nazyvaemyh «neglasnyh sledstvennyh dejstviyah» [Elektronnyj resurs] // Informacionnoe agentstvo Zakon.kz. – Rezhim dostupa: <http://www.zakon.kz/4568011/>.
21. **Pavlichenko N.V., Tambovcev A.I.** Sochetanie glasnyh i neglasnyh metodov i sredstv v ugovnom processe: innovaciya ili pravovaya real'nost'? // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 3 (43). – S. 111–115.
22. **Tambovcev A.I., Pavlichenko N.V.** Ogranichenie glasnosti v ugovno-processual'nom zakonodatel'stve // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2018. – № 2 (45). – S. 130–136.
23. **Tambovcev A.I.** Neglasnyj potencial ugovno-processual'nogo zakonodatel'stva Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 2 (78). – S. 170–178.
24. **Tambovcev A.I.** Neglasnost' v ugovnom processe kak sostoyavshijsya fakt / Sovremennoe ugovno-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. K 30-letiyu prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii. V 2 ch. / pod red. K.V. Murav'eva [i dr.]. – Orel, 2023. S. 164–170.
25. **Tambovcev A.I.** Neglasnost' kak mezhotraslevoj social'no-pravovoj fenomen // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 4 (100). – S. 159–172.
26. **Yazyk zakona** / pod red. A. S. Pigolkina. – Moskva: Yuridicheskaya litieratura, 1990.
27. **Elinskij V.I.** Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del. Yazyk teorii: monografiya. – Moskva: MIYu MVD Rossii, 1998. – 124 s.
28. **Gir'ko S.I., Isichenko A.P.** Problemy pravovogo regulirovaniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Operativno-rozysknaya rabota. – 2003. – № 2 (169). – S. 42.
29. **Elinskij V.I.** Napravleniya sovershenstvovaniya operativno-rozysknogo zakonodatel'stva / Aktual'nye voprosy protivodejstviya mezhdunarodnoj prestupnosti na sovremennom etape: materialy mezhdunarodnoj konferencii 19 aprelya 2005 g. – Moskva: DA MID Rossii, 2005. S. 68–79.
30. **Hlobustov O.M.** O naznachenii i sodержanii principov konspiracii, sochetaniya glasnyh i neglasnyh metodov i sredstv v operativno rozysknoj deyatel'nosti // Operativnik (syshchik). – 2008. – № 3 (16). – S. 35.
31. **Blinov Yu.S.** Problemy formirovaniya vedomstvennogo normativnogo regulirovaniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del / Aktual'nye voprosy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti: sbornik nauchnyh statej. – Volgograd: VA MVD Rossii, 2008. S. 52.
32. **Atmazhitov V.M., Bobrov V.G.** O nekotoryh problemah normativnogo pravovogo regulirovaniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti / Aktual'nye voprosy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti: sbornik nauchnyh statej. – Volgograd: VA MVD Rossii, 2008. S. 62.
33. **Kohanovskij V.P., Zolotuhina E.V., Leshkevich T.G., Fathi T.B.** Filosofiya dlya aspirantov: uchebnoe posobie. – 2-e izd. – Rostov-na-Donu: «Feniks», 2003. – 448 s.
34. **Ejnshtejn A.** Fizika i real'nost'. – Moskva, 1965. – 359 s.
35. **Rakitov A.I.** Kurs lekcij po logike nauki. – Moskva, 1971. – 175 s.
36. **Belkin R.S.** Kurs kriminalistiki: v 3 t.: Chastnye kriminalisticheskie teorii. – Moskva: Yurist', 1997. – T. 2. – 464 s.
37. **Simonenko D.A.** O formirovanii chastnoj nauchnoj teorii konfidential'nogo sodejstviya otdel'nyh lic operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennih del // Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 2. – S. 144–148.

(статья сдана в редакцию 31.07.2024)

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ПОНЯТИЙ «ЯДЕРНЫЙ ТЕРРОРИЗМ» И «БИОЛОГИЧЕСКИЙ
ТЕРРОРИЗМ»ABOUT THE NEED FOR LEGISLATE THE CONCEPTS
OF «THE NUCLEAR TERRORISM» AND «THE BIOTERRORISM»

УДК 343.326

К.В. БОРИЧЕВ,
аспирант
(Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина,
Россия, Санкт-Петербург)
bogeni@yandex.ru

KONSTANTIN V. BORICHEV,
Postgraduate
(Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: статья посвящена рассмотрению проблемы актуализации отечественного законодательства в сфере противодействия терроризму, а именно исследованию таких понятий, как «ядерный терроризм» и «биологический терроризм». В работе использованы различные научные методы: системный анализ, критический анализ, формально-логический метод, метод правового моделирования. Автором проведено исследование работ отечественных и зарубежных специалистов в области противодействия ядерному и биологическому терроризму и выявлена актуальность данной угрозы для Российской Федерации на современном этапе, с учетом уже имевшихся неоднократных попыток террористов осуществить подобного рода террористические акты на территории России. Проведен анализ упоминания в отечественном законодательстве понятий «ядерный терроризм» и «биологический терроризм» и выявлено их неоднократное использование в нормативных правовых актах, несмотря на отсутствие легальной дефиниции. Предложено внесение изменений в действующее антитеррористическое законодательство с закреплением определения понятий «ядерный терроризм» и «биологический терроризм» в целях устранения имеющихся пробелов, связанных с отсутствием дефинитивных предписаний. В статье представлены авторские определения рассматриваемых понятий, выявлены основные современные угрозы ядерного и биотерроризма. Особое внимание в исследовании уделено изучению возможных форм и методов осуществления актов ядерного и биологического терроризма, предложен ряд направлений по противодействию данным угрозам.

Ключевые слова: биологический терроризм, ядерный терроризм, противодействие терроризму, терроризм, террорист, террористический акт, биотерроризм.

Для цитирования: Боричев К.В. О необходимости законодательного закрепления понятий «ядерный терроризм» и «биологический терроризм» // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 84–92.

Abstract: the article is devoted to the problem of updating domestic legislation in the field of countering terrorism, namely, the study of such concepts as «nuclear terrorism» and «biological terrorism». Various scientific methods were used in the work: system analysis, critical analysis, formal logical method, method of legal modeling. The author conducted a study of the work of domestic and foreign experts in the field of countering nuclear and biological terrorism and identified the relevance of this threat to the Russian Federation at the present stage, taking into account the repeated attempts of terrorists to carry out such terrorist acts on the territory of Russia. The analysis of the mention of the concepts of «nuclear

terrorism» and «biological terrorism» in domestic legislation has been carried out and their repeated use in regulatory legal acts has been revealed, despite the lack of a legal definition. It is proposed to amend the current anti-terrorist legislation to consolidate the definition of the concepts of «nuclear terrorism» and «biological terrorism» in order to eliminate the existing gaps associated with the lack of definitive prescriptions. The article presents the author's definitions of the concepts under consideration, identifies the main modern threats of nuclear and bioterrorism. Special attention is paid to the study of possible forms and methods of carrying out acts of nuclear and biological terrorism, and a number of directions for countering these threats are proposed.

Keywords: biological terrorism, bioterrorism, counter-terrorism, terrorism, terrorist, terrorist act, nuclear terrorism.

For citation: Borichev K.V. About the need for legislate the concepts of «the nuclear terrorism» and «the bioterrorism» // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 84–92.

Введение. Первую четверть XXI века можно по праву назвать эпохой активного распространения терроризма по всему миру. Несмотря на предпринимаемые мировым сообществом и отдельными государствами попытки противодействия данной угрозе, зачастую довольно успешные, терроризм продолжает существовать, постоянно видоизменяясь и совершенствуясь. Вместе с тем нельзя не отметить, что ряд западных государств используют террористов для достижения своих геополитических целей в определенных регионах. В частности, оказывая финансовую поддержку террористической организации «Исламское государство» (деятельность запрещена на территории России), снабжая боевиков современным вооружением, техникой и средствами связи, а также обучая террористов посредством направления в учебные центры, созданные международными террористическими организациями, своих профессиональных военных инструкторов, США и их союзники получили контроль над нефтяными месторождениями в Сирийской арабской республике и иных регионах мира¹.

Новый этап противостояния России и западных стран связан с началом проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины. Помимо финансовой и военной поддержки, Украине предоставляются данные разведок ведущих мировых государств, а военные инструкторы проводят обучение лиц, которые в дальнейшем в составе диверсионно-разведывательных групп или в одиночку осуществляют диверсии и террористические акты на территории России. Ярким примером стал тер-

рористический акт, совершенный 2 апреля 2023 года в одном из городских кафе жительницей Санкт-Петербурга, которая, попав под влияние зарубежных пропагандистов, была вовлечена в преступную деятельность².

Отметим, что современный терроризм может быть охарактеризован общественно опасным способом деяния и многообъектностью посягательства. Исходя из этого, любой террористический акт представляет собой, по сути, посягательство на единый полиобъект, что может быть обосновано единством и соподчиненностью деяний, присущих этому составному преступлению, и наступлением множества последствий. Следовательно, многообъектность террористического акта определяет и сложную объективную сторону этого преступления [1, с. 365].

На сегодняшний день нельзя исключать вероятность того, что западными специальными службами и организациями в целях максимального устрашения жителей России и причинения максимального ущерба будут предприниматься попытки совершения террористических актов с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ, источников радиоактивного излучения и патогенных биологических агентов.

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации определила основные тенденции современного терроризма и выделила среди них стремление субъектов террористической деятельности завладеть оружием массового поражения и разработку новых и совершенство-

¹ США доставили бывших боевиков ИГ на свои базы в Сирии для переподготовки // «Информационное агентство ТАСС» [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17246295?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 18.02.2024).

² СК предъявил Дарье Треповой обвинение в совершении теракта в Петербурге // Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/17446259> (дата обращения: 10.12.2023).

вание существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших³. Современные исследователи едины во мнении, что терроризм с применением оружия массового поражения, или ОМП-терроризм, среди прочих видов терроризма имеет самую большую степень общественной опасности. Это обусловлено тем, что оружие массового поражения не имеет аналогов по своей поражающей силе, и его применение, помимо колоссальных разрушений, приведет к глобальной панике среди населения, что, в свою очередь, позволит террористам достичь максимального медийного и психологического эффекта и будет иметь катастрофические последствия для любого государства [2, с. 5].

В настоящее время угроза ядерного и биологического терроризма не только остается реальной, но и существенно возрастает в связи со складывающейся геополитической, военно-стратегической и обществено-политической ситуацией. На наш взгляд, на современном этапе особое значение приобретают дальнейшее развитие и углубление концептуальных и политико-правовых основ противодействия терроризму в России с учетом его постоянной трансформации как явления, сохраняющейся и возросшей в последние годы угрозы со стороны терроризма безопасности личности, общества и государства [3, с. 377]. Однако, несмотря на то что анализ ядерной и биологической угроз со стороны террористов в наши дни заслуживает особо пристального внимания, необходимо признать, что в отечественном законодательстве термины «ядерный терроризм» и «биологический терроризм» не закреплены [4, с. 28].

Ядерный терроризм. По мнению генерального директора МАГАТЭ, хищение ядерного оружия и завладение террористами средствами и информацией о производстве и его применении несут малую вероятность. Вместе с тем на данный момент остается реальным такое развитие неблагоприятных событий, при котором террористы могут применить «грязные» атомные бомбы или своими противоправными действиями повлияют на работу и выведут из строя действующие ядерные объекты [1, с. 378].

В новейшей истории России во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов чеченские боевики предпринимали неоднократные попытки завладения ядерными материалами, в т.ч. «ядерным чемоданчиком», фиксировались фак-

ты вскрытия могильника радиоактивных отходов в Сухуми, в результате чего двое из четверых боевиков погибли. Кроме того, в 2002 году чеченскими боевиками были осуществлены попытки посягательства на склады ядерных боеприпасов в Саратовской области. Вместе с тем благодаря успешной и слаженной работе российских силовых ведомств данные намерения боевиков были пресечены [5, с. 77–78].

По мнению американского терролога Барри Дэвиса, террористические организации могут создать и использовать «грязные» бомбы, т.е. обычные взрывные устройства, но начиненные ядерными отходами. Взрыв и разрушения от применения подобного устройства будут намного меньше, чем при взрыве атомной бомбы, однако радиоактивное загрязнение местности и заражение всего живого на ней будут носить масштабный разрушительный характер [6, с. 252].

На протяжении 2022–2023 годов в средствах массовой информации неоднократно публиковались материалы о возможном совершении террористического акта на Запорожской АЭС. 8 ноября 2023 года секретарь Совета Безопасности России Николай Патрушев на проходящей в Москве встрече с коллегами по Содружеству Независимых Государств заявил, что «Киев все чаще прибегает к террористическим методам против Москвы, не добиваясь успеха на поле боя, он уже пытался атаковать Ленинградскую, Калининскую и Курскую АЭС»⁴. В связи с этим как отечественные, так и международные эксперты высказывают единогласное мнение о реальности подобной угрозы, и вопрос противодействия ядерному терроризму в современных условиях в России приобретает особую актуальность.

Отметим, что на сегодняшний день в России отсутствует легальная дефиниция рассматриваемого понятия. Несмотря на то что термин «ядерный терроризм» получил широкое распространение среди ученых и практиков, его законодательно закрепленное определение отсутствует. Действительно, данный термин употребляется в п. 27 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229, где указывается, что для «обеспечения стратегической стабильности, устранения предпосылок для развязывания глобальной войны и рисков применения ядерного и других видов оружия массового уничтожения, формирования обновленной архитектуры международной безопасности Российская Федерация намерена уделять приоритетное

³ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009) // Российская газета. – 2009. – № 198.

⁴ Патрушев заявил о попытках Украины атаковать различные АЭС в России // Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/politika/19227255> (дата обращения: 12.11.2023).

внимание в том числе укреплению технической и физической ядерной безопасности на глобальном уровне и предотвращению актов ядерного терроризма»⁵.

В тексте Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации понятие «ядерный терроризм» применяется дважды: в п. 45 указывается, что кадровое обеспечение противодействия терроризму осуществляется в том числе по направлению подготовки специалистов в такой специфической области противодействия терроризму, как ядерный, химический и биологический терроризм; в п. 50 – что «основные усилия Российской Федерации в рамках международного антитеррористического сотрудничества должны быть сосредоточены на продвижении российских международных инициатив в области противодействия терроризму, включая Глобальную инициативу по борьбе с актами ядерного терроризма и Стратегию партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму»⁶.

Кроме того, понятие «ядерный терроризм» отечественный законодатель использует в ст. 15 Федерального закона от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», где среди перечисления видов деятельности Госкорпорации указывается «организация в пределах своей компетенции деятельности по противодействию угрозе ядерного терроризма и незаконному обороту ядерных материалов и радиоактивных веществ, а также незаконному распространению ядерных технологий»⁷.

В ходе исследования был осуществлен анализ использования термина «ядерный терроризм» в отечественных нормативных правовых актах. В результате мониторинга интернет-портала правовой информации «КонсультантПлюс» подтверждено, что отечественный законодатель использует понятие «ядерный терроризм» в трех нормативных правовых актах, которые были указаны выше. Вместе с тем ни в одном из них легальная дефиниция рассматриваемого понятия не приводится.

В п. «а» ч. 3 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве одного из особо квалифицированных признаков террористиче-

ского акта определены деяния, сопряженные с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов. Согласимся с мнением И.В. Шевченко, который утверждает, что террористический акт, в ходе совершения которого осуществляется посягательство на объекты использования атомной энергии, может быть реализован террористами посредством совершения определенных деяний, которые в конечном итоге приведут к нарушению штатной и безопасной работы данных атомных объектов, негативно отразятся и дестабилизируют технологические процессы и режим работы на них, что в конечном счете повлечет возникновение общественно опасных последствий в виде смертельно опасного воздействия радиоактивного излучения на население и экологической катастрофы [7, с. 70].

Представляется, что с учетом использования термина «ядерный терроризм» в отечественном законодательстве необходимы выработка и легальное закрепление его определения. На наш взгляд, под ядерным терроризмом следует понимать использование или угрозу использования ядерных взрывных устройств, ядерных материалов, радиоактивных веществ, источников радиоактивного излучения или их компонентов, посягательство на ядерные объекты и объекты использования атомной энергии (их разрушение, повреждение или захват), если эти действия совершены для устрашения населения и создают опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов государственной власти, местного самоуправления или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений.

Важно отметить, что с учетом распространенности объектов атомной промышленности в России, а также наличия значительного количества ядерно-опасных объектов, используемых в том числе в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации, именно они и могут стать объектами преступных посягательств со стороны как отдельных террористов-одиночек, так и террористических сообществ и организаций.

На сегодняшний день актуальной является проблема террористической уязвимости действующих атомных электростанций и предприятий по хранению и переработке отработанного ядерного топлива. Как отечественные, так и зарубежные

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 14. – Ст. 2406.

⁶ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009) // Российская газета. – 2009. – № 198.

⁷ Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // Российская газета. – 2007. – № 272.

ученые едины во мнении, что разрушение или повреждение АЭС по своей сути равнозначно взрыву атомной бомбы, что приведет к радиоактивному заражению огромных территорий и гибели и увечьям большого количества мирных жителей. Кроме того, не исключена угроза создания террористическими организациями самодельных «грязных» ядерных бомб и их применение в отношении России [3, с. 156].

На современном этапе отмечаются неоднократные попытки атак со стороны Украины на стратегически важные объекты России, в особенности топливно-энергетического комплекса, с использованием беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). Подобного рода атаки с 2014 года начали применяться террористами на территории Сирии против российских военнослужащих, и к 2022 году в мире был накоплен значительный опыт использования БПЛА в военных целях. В связи с этим не исключена вероятность использования киевским режимом террористических методов при ведении военных действий, в т.ч. попытки атак российских объектов атомной энергетики с использованием БПЛА. Ввиду доступности подобного рода средств ведения боевых действий и реального их применения для совершения террористических актов данный способ приобретает все большую актуальность. Вместе с тем гражданское население, несмотря на принятие мер административной ответственности, продолжает практически бесконтрольно использовать БПЛА, в связи с чем представляется необходимым принятие дополнительных оперативных мер как правового, так и технического характера, направленных на усиление контроля за производством, оптовой и розничной продажей БПЛА, их эксплуатацией и созданием условий, препятствующих несанкционированному использованию БПЛА в воздушном пространстве России [9, с. 225–226].

Важно отметить, что в современных условиях осуществление террористами акта ядерного терроризма может привести к колоссальным разрушениям на большой территории и уничтожению на ней всего живого, к заражению воздуха, почвы и воды, что существенно увеличит число пострадавших, в т.ч. в средне- и долгосрочной перспективе. Именно поэтому проблема эффективного противодействия ядерному терроризму на сегодняшний день является актуальной, и рассмотренные меры уголовно-правового характера составляют важный элемент эффективного противодействия данной угрозе.

Биологический терроризм. Несмотря на высокий терророгенный фактор ядерного терроризма, по масштабам возможных катастрофических последствий ему не уступает другой вид терро-

ризма – биологический. Пандемия новой коронавирусной инфекции, которая в 2020–2022 годах распространилась по всему миру, привела к гибели большого количества жителей по всей планете и выявила серьезные недостатки в системах здравоохранения многих государств, которые своевременно не смогли перестроиться на новый формат работы по оказанию единовременной помощи инфицированным и организации масштабных карантинных мероприятий по недопущению распространения заболевания. Не вызывает сомнений, что террористическими организациями был осуществлен доскональный анализ сложившейся ситуации, оперативности мер реагирования по реализации противоэпидемиологических мер, в том числе в целях планирования и совершения актов биологического терроризма.

Вместе с тем важно отметить, что в настоящее время в мире распространено большое количество различных микроорганизмов, бактерий и вирусов, в том числе смертельных для человека и способных вызвать серьезные заболевания. При этом учеными исследовано относительно небольшое количество опасных для заражения, тогда как ежегодно в естественной среде вирусы мутируют, появляются новые штаммы. Однако нельзя забывать и о разработках в области биологического оружия, которые ведутся в биологических лабораториях ряда стран. Помимо создания новых вирусов изучаются и уже существующие микроорганизмы, микробы и вирусы в целях получения на их основе новых модификаций, против которых будут неэффективны имеющиеся на сегодняшний день лекарственные средства и которые нельзя будет обнаружить и вовремя диагностировать.

По мнению современных исследователей, создание биологического оружия, а также подготовка и осуществление акта биологического терроризма существенно дешевле и проще в сравнении с ядерным оружием. Так, по оценкам специалистов в сфере биологической безопасности и противодействия биотерроризму, стоимость биологических агентов в сотни раз меньше стоимости ядерных материалов. При этом «привлекательными» для террористов остаются простота транспортировки биологического патогена в необходимую локацию и относительная легкость его применения. Действительно, высвобождение аэрозоля с биологическими элементами происходит незаметно для окружающих и его невозможно распознать без применения специальных лабораторных исследований. При этом возможное наличие инкубационного периода также может быть использовано террористами в своих целях. Пострадавший может начать ощущать воздействие на свой организм биологических агентов спустя несколько часов или дней, а

это, в свою очередь, затруднит своевременное выявление места осуществления террористического акта, его время и дату, осложнит проведение неотложных следственных и оперативно-разыскных мероприятий по поиску преступников. Кроме того, для идентификации биологического агента потребуются специальное оборудование и лаборатории, что также может занять определенное время [8, с. 159].

Вместе с тем, как и в ситуации с ядерным терроризмом, на сегодняшний день в России отсутствует легальная дефиниция понятия «биологический терроризм». Несмотря на то что этот термин довольно широко применяется учеными и практиками, его законодательно закрепленное определение отсутствует. Действительно, данный термин употребляется в п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в котором указывается, что «достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение задач по предупреждению и пресечению террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма»⁸.

В п. 45 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации указывается, что «кадровое обеспечение противодействия терроризму осуществляется в том числе по направлению подготовки специалистов в такой специфической области противодействия терроризму, как противодействие биологическому терроризму»⁹.

В п. 29 Концепции внешней политики Российской Федерации говорится, что «для предотвращения возникновения биологических угроз и обеспечения биологической безопасности Российская Федерация уделяет приоритетное внимание предотвращению террористических актов, совершаемых с использованием опасных патогенов, и ликвидации последствий совершения таких актов»¹⁰.

В Федеральном законе от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» отечественный законодатель вместо

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009) // Российская газета. – 2009. – № 198.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 14. Ст. 2406.

термина «биологический терроризм» использует понятие «террористический акт с использованием патогенов». При этом под патогеном предлагается понимать «патогенные биологические агенты – микроорганизмы, вирусы, белковоподобные инфекционные частицы (прионы), яды биологического происхождения (токсины) и иные биологические агенты, в том числе созданные в результате генетических манипуляций, применения технологий синтетической биологии и другой направленной деятельности, способные вызывать патологический процесс в организме человека, животного или в растениях, а также биологические материалы, в которых могут содержаться перечисленные патогены»¹¹.

Министерством здравоохранения Российской Федерации в 2001 году разработаны методические рекомендации «Организация и проведение противозидемических мероприятий при террористических актах с применением биологических агентов», в которых используется как понятие «биотерроризм», так и «терроризм с применением биологических агентов». Кроме того, в данных методических рекомендациях приводится определение биологического террористического акта как «применение биологических агентов (патогенов) непосредственно для преднамеренного скрытого заражения среды обитания человека (воздуха замкнутых пространств, местности с находящимися на ней объектами, растительностью, сельскохозяйственными культурами, воды, открытых водоемов и водопроводной сети, продовольствия, животных) или же путем совершения взрывов, созданием условий для аварий иным методом на объектах биотехнологической промышленности, в микробиологических лабораториях, работающих с патогенными для человека и животных микроорганизмами, с элиминацией последних во внешнюю среду за пределы этих объектов (лабораторий)».

В ходе исследования был осуществлен анализ использования термина «биологический терроризм» в отечественных нормативных правовых актах. В результате мониторинга интернет-портала правовой информации «КонсультантПлюс» подтверждено, что отечественный законодатель использует понятие «биологический терроризм» в пяти нормативных правовых актах, которые были указаны выше. Однако лишь в одном ведомственном нормативном правовом акте принята попытка дать определение рассматриваемого явления.

Представляется, что с учетом многократного использования термина «биологический тер-

¹¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // Российская газета. – 2021. – № 1.

роризм» в отечественном законодательстве необходимы выработка и легальное закрепление его определения. На наш взгляд, под биологическим терроризмом (терроризмом с применением биологических агентов (патогенов) следует понимать использование или угрозу использования патогенов, посягательство на объекты биотехнологической промышленности, микробиологические лаборатории (их разрушение, повреждение или захват), работающие с патогенными для человека и животных микроорганизмами, с элиминацией последних во внешнюю среду за пределы этих объектов (лабораторий), если эти действия совершены для устрашения населения и создают опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов государственной власти, местного самоуправления или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений.

По мнению бывшего главного санитарного врача России Г.Г. Онищенко, для террористических целей могут быть применены три вида биоагентов:

1) низкотехнологичные биоагенты, которые могут быть использованы террористами посредством заражения продуктов питания и питьевой воды;

2) высокотехнологичные биоагенты, которые при применении способа аэрозольного распыления, в особенности с использованием самолетов или БПЛА, приведут к заражению больших территорий и площадей;

3) биоагенты на основе микробиологических технологий, представляющие собой искусственно модифицированные бактерии, устойчивые к действию антибиотиков, или вирусы, устойчивые к различным неблагоприятным факторам окружающей среды [11, с. 16].

Начальник научно-технического управления ОАО «Биопрепарат» Г.Я. Щербаков отмечает, что террористами могут быть использованы следующие биоагенты:

1) экопатогены, основной целью которых является нанесение максимального ущерба окружающей среде, что впоследствии приведет к экологической катастрофе;

2) опасные биоагенты, представляющие собой разнообразные патогенные микроорганизмы и паразитические организмы, применение террористами которых приведет к заболеваниям населения, животных и растений;

3) токсины, т.е. токсичные продукты микроорганизмов, природные яды животного или растительного происхождения либо их аналоги,

которые могут быть получены террористами в биологических лабораториях [12, с. 51–52].

На наш взгляд, террористами могут быть применены различные варианты распространения патогенов:

– аэрозольное распыление (является самым эффективным и опасным из всех способов, в особенности при распылении с самолетов и БПЛА);

– заражение питьевой воды и продуктов питания, в частности в заведениях общественного питания или продуктовых магазинах;

– заражение предметов обихода (обработка патогенами предметов мебели и др.);

– заражение различных посылок и почтовых отправлений;

– диверсии на предприятиях биологической промышленности;

– заражение замкнутых воздушных пространств (метрополитена и иного общественного транспорта, административных зданий и различных государственных учреждений);

– распространение искусственно зараженных переносчиков болезней (клещей, комаров, блох и т.д.);

– взрыв объектов биологической промышленности или в микробиологических лабораториях;

– бомбардировка патогенами в составе военных боеприпасов (бомб, ракет, снарядов, мин и т.п.) [2, с. 40–41].

По мнению американского исследователя терроризма Барри Дэвиса, большинство государств фактически не подготовлены к отражению террористических атак с использованием биологического оружия. Согласимся, что на первый план должны выйти меры по своевременному обнаружению патогенов, диагностированию заболеваний и эффективному реагированию на выявленные угрозы. Для этого необходимо создание запасов различных вакцин и лекарств, а также постоянное обучение медицинских и иных привлекаемых работников на всех уровнях системы здравоохранения [6, с. 251].

Особое опасение вызывает тот факт, что после начала специальной военной операции были выявлены факты наличия на территории Украины нескольких десятков биологических лабораторий, исследования в которых проводились под контролем Агентства по сокращению угрозы при Министерстве обороны США. По данным начальника войск РХБЗ Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-лейтенанта И.А. Кириллова, еще до начала СВО оборонными ведомствами ряда западных стран на территории Украины под предлогом проведения совместных исследований в области биологической безопасности проводились опыты с возбудителями различных

заболеваний: конго-крымской геморрагической лихорадки, лептоспироза, менингита, хантавирусов. Кроме того, Министерством обороны Российской Федерации получены достоверные сведения, что вплоть до 2022 года на Украине во Львовской биологической лаборатории проводились исследования с возбудителями чумы, сибирской язвы и бруцеллеза, а в биологических подразделениях Харькова и Полтавы – с возбудителями дифтерии, сальмонеллеза и дизентерии. При этом не исключена вероятность проведения ими исследований с применением методов синтетической биологии, целью которых являлось усиление патогенных свойств микроорганизмов и изучение их влияния на местное население¹².

Таким образом, на сегодняшний день угроза биотерроризма не только остается реальной, но и возрастает вероятность совершения актов биологического терроризма на территории России.

Заключение. Не вызывает сомнений тот факт, что ядерное и биологическое оружие представляют собой одно из самых страшных и опасных средств уничтожения людей, которые созданы человечеством за весь период его существования. Колоссальный деструктивный потенциал обоих видов оружия массового поражения крайне привлекателен для террористов, так как помимо причинения значительного имущественного ущерба и гибели большого числа людей акты ядерного или биологического терроризма приведут к массовой истерии и панике населения многих стран мира, расположенных вблизи эпицентра террористического акта.

С учетом тенденций, складывающихся за последние годы в области геополитики, в особен-

ности в ее военно-политической составляющей, наличия целого ряда крупных военных конфликтов на многих континентах и вовлечения в них миллионов людей можно прогнозировать рост террористической активности и, как следствие, поиск террористами новых методов совершения террористических актов, в том числе связанных с применением ядерных и патогенных материалов. Представляется, что помимо противодействия терроризму, которое осуществляют правоохранительные органы и спецслужбы многих государств, должен быть четко отработан механизм уголовно-правового противодействия терроризму, эффективная организация работы которого должна стать неотъемлемой частью единой системы противодействия терроризму в России. В связи с этим необходимо постоянное совершенствование действующего антитеррористического законодательства, устранение всех существующих правовых коллизий и пробелов, с тем чтобы ни один террорист, совершивший террористический акт, не остался безнаказанным, а правоприменитель имел возможность использовать актуальные правовые нормы, отвечающие критериям современности и соответствующие в плане уголовно-правового противодействия тем средствам и методам, которые могут быть применены террористами.

На наш взгляд, важным элементом данного направления деятельности должно стать законодательное закрепление таких понятий, как «ядерный терроризм» и «биологический терроризм», авторские определения которых представлены в работе. Это позволит устранить имеющиеся пробелы в действующем антитеррористическом законодательстве, когда в нормативных правовых актах используются понятия, не имеющие легальной дефиниции, а также окажет существенную помощь правоприменителю в квалификации деяний подобного рода.

¹² Минобороны Российской Федерации: биологической лаборатории в Харькове, Полтаве и Львове работали с чумой и дизентерией // Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/13994211> (дата обращения: 04.02.2024).

Литература

---

1. **Дикаев С.У.** Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. – 464 с.
2. **Симонова А.Е.** Противодействие биотерроризму: международно-правовой аспект. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. – 160 с.
3. **Бельский В.Ю.** Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография; под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 479 с.
4. **Романовский Г.Б., Безрукова О.В.** Правовые основы противодействия терроризму в Российской Федерации / Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия: монография. – Москва: Проспект, 2019. – С. 6–29.
5. **Сундиев И.Ю.** Введение в оперативно-розыскную терминологию: монография. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – 191 с.
6. **Davies Barry B.E.M.** Terrorism. Inside a World Phenomenon. – London: Virgin Books Ltd, 2005. – 310 p.
7. **Шевченко И.В.** Уголовная ответственность за террористическую деятельность: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
8. **Капитонова Е.А., Романовский Г.Б.** Современный терроризм: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 216 с.

9. Меркурьев В.В. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы: монография; под общ. ред. В.В. Меркурьева. – Москва, Проспект, 2019. – 680 с.
10. Организация и проведение противоэпидемических мероприятий при террористических актах с применением биологических агентов: методические рекомендации» (утв. Минздравом России 06.11.2001 № 2510/11646-01-34) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ»
11. Онищенко Г.Г. Противодействие биотерроризму: стратегия национального здравоохранения // Вакцинация (информационный бюллетень). – 2002. – № 3 (21). – С. 2–24.
12. Щербakov Г.Я. Источники и основные угрозы для национальной безопасности // Ядерное распространение. – 2003. – Вып. 47. – С. 50–59.

References

---

1. Dikaev S.U. Terror, terrorism i prestupleniya terroristicheskogo kharaktera (kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie). – Sankt-Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2006. – 464 s.
2. Simonova A.E. Protivodeistvie bioterrorizmu: mezhdunarodno-pravovoi aspekt. – Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2017. – 160 s.
3. Bel'skii V.Yu. Terrorizm v istoricheskoi retrospektive i sovremennykh usloviyakh: monografiya; pod red. V.Yu. Bel'skogo, A.I. Satsuty. – Moskva: YuNITI-DANA, 2019. – 479 s.
4. Romanovskii G.B., Bezrukova O.V. Pravovye osnovy protivodeistviya terrorizmu v Rossiiskoi Federatsii / Terrorizm i sovremennoe pravo: aktual'nye voprosy protivodeistviya: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2019. – S. 6–29.
5. Sundiev I.Yu. Vvedenie v operativno-rozysknuyu terrologiyu: monografiya. – Moskva: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2011. – 191 s.
6. Davies Barry B.E.M. Terrorism. Inside a World Phenomenon. – London: Virgin Books Ltd, 2005. – 310 p.
7. Shevchenko I.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za terroristicheskuyu deyatel'nost': monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2011. – 176 s.
8. Kapitonova E.A., Romanovskii G.B. Sovremenniy terrorizm: monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2015. – 216 s.
9. Merkur'ev V.V. Bor'ba s terrorizmom: novye vyzovy i ugrozy: monografiya; pod obshch. red. V.V. Merkur'eva. – Moskva, Prospekt, 2019. – 680 s.
10. Organizatsiya i provedenie protivoepidemicheskikh meropriyatii pri terroristicheskikh aktakh s primeneniem biologicheskikh agentov: metodicheskie rekomendatsii» (utv. Minzdravom Rossii 06.11.2001 № 2510/11646-01-34) [Elektronnyi resurs]. Dostup iz SPS «GARANT»
11. Onishchenko G.G. Protivodeistvie bioterrorizmu: strategiya natsional'nogo zdravookhraneniya // Vaksinatziya (informatsionnyi byulleten'). – 2002. – № 3 (21). – S. 2–24.
12. Shcherbakov G.Ya. Istochniki i osnovnye ugrozy dlya natsional'noi bezopasnosti // Yadernoe rasprostranenie. – 2003. – Вып. 47. – S. 50–59.

(статья сдана в редакцию 19.02.2024)

ФОРМЫ РЕАЛЬНОГО УЩЕРБА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

FORMS OF REAL DAMAGE IN CRIMINAL LAW

УДК 343.2/.7

М.А. ДОВГАНЬ,
аспирант
(ИГП РАН,
Россия, Москва)
dovgan.maksim@list.ru

MAXIM A. DOVGAN,
Postgraduate
(ISL RAS,
Moscow, Russia)

Аннотация: оценка причиненного преступлением ущерба является одним из сложных вопросов теории уголовного права и практики применения закона.

Содержание и допустимые формы реального ущерба в уголовном законодательстве вызывают определенные дискуссии в связи с тем, что законодательного определения допустимых форм реального ущерба не имеется, а нормативные критерии оценки ущерба не являются едиными. В частности, при характеристике вреда и ущерба в уголовном и гражданском законодательстве используется различная терминология, ущерб и убытки в уголовном законодательстве отождествляются, при этом отсутствуют теоретические разработки о соотношении указанных терминов, в гражданском законодательстве существуют пробелы в части структуры убытков, что, в свою очередь, влияет на определение характера материального вреда в уголовном праве и, как следствие, ущерба от преступлений.

В статье раскрывается содержание реального ущерба и его форм применительно к преступлениям против собственности и в сфере экономической деятельности, формулируется вывод о том, что реальный ущерб может быть представлен как в форме утраты имущества, так и в форме уменьшения стоимости имущества, реальный ущерб в форме расходов, направленных на восстановление нарушенного права, может быть представлен исключительно в преступлениях в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: реальный ущерб, утрата имущества, снижение стоимости имущества, расходы, экономический критерий криминообразующего признака.

Для цитирования: Довгань М.А. Формы реального ущерба в уголовном праве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 93–99.

Annotation: the assessment of the damage caused by a crime is one of the complex issues of the theory of criminal law and the practice of applying the law.

The content and permissible forms of real damage in criminal legislation cause certain discussions due to the fact that there is no legislative definition of permissible forms of real damage, and the normative criteria for assessing damage are not uniform. In particular, when characterizing harm and damage in criminal and civil legislation, different terminology is used, damage and losses are identified in criminal legislation, while there are no theoretical developments on the relationship of these terms, there are gaps in civil legislation regarding the structure of losses, which, in turn, affects the definition of the nature of material harm in criminal law and, as a result, damage from crimes.

The article reveals the content of real damage and its forms in relation to crimes against property and in the field of economic activity, concludes that real damage can be represented both in the form of loss of property and in the form of a decrease in the value of property, real damage in the form of expenses aimed at restoring violated rights can be represented exclusively in crimes in the field of economic activity.

Keywords: real damage, loss of property, decrease in the value of property, expenses, economic criterion of a crime-forming feature.

For citation: Dovgan M.A. Forms of real damage in Criminal Law // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 93–99.

В различных отраслях права законодатель использует термин «ущерб». Так, в ч. 3 ст. 42, ст. 44, ч. 1 ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) указывается на правила возмещения физического материального вреда, а также ущерба, причиненного потерпевшему от преступления.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) понятие «ущерб» используется как признак, ограничивающий преступное деяние от непроступного (ст. 185 УК РФ), служащий квалифицирующим и особо квалифицирующим обстоятельством (ч. 2 ст. 170 УК РФ), для определения момента окончания преступления и объема вменяемых общественно опасных последствий (ст. 159 УК РФ), при применении поощрительных норм, норм об освобождении от уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового воздействия (ст. 61, 75, 761, 762, 79, 80, 1043 УК РФ).

Вместе с тем содержание и допустимые формы реального ущерба в уголовном законодательстве вызывают определенные дискуссии по той причине, что законодательного определения допустимых форм реального ущерба не имеется, нормативные критерии оценки ущерба не являются едиными. В частности, при характеристике вреда и ущерба в уголовном и гражданском законодательстве используется различная терминология, ущерб и убытки в уголовном законодательстве отождествляются, при этом отсутствуют теоретические разработки о соотношении указанных терминов, в гражданском законодательстве существуют пробелы в части структуры убытков, что, в свою очередь, влияет на определение характера материального вреда в уголовном праве и, как следствие, ущерба от преступлений (убытки являются составляющей материального вреда) [1, с. 32–35].

Для решения вопроса о допустимых формах реального ущерба в уголовном законодательстве в статье будет рассмотрена характеристика форм реального ущерба в преступлениях против собственности и в сфере экономической деятельности.

Отсутствие фундаментальных трудов по вопросам определения форм реального ущерба в уголовном праве обуславливает необходимость привлечения познаний в смежных научных отраслях.

В гражданском законодательстве закреплено родовое понятие «убытки», под которым понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб).

Реальный ущерб подразделяется на реальные убытки в форме уменьшения стоимости имуще-

ства (разница между реальной рыночной стоимостью и фактической стоимостью), утраты имущества и на предстоящие (нереальные) убытки, которые представляют собой возмещение расходов, произведенных либо предстоящих для восстановления нарушенного права [2, с. 256].

Применительно к уголовно-правовой характеристике ущерба от преступления изначально стоит отметить, что общественная опасность деяния заключается в причинении ущерба, от которого государство стремится оградить общественные отношения и который является главным объективным основанием установления уголовной ответственности. Поэтому последствия являются объективным основанием уголовной ответственности, так как они характеризуют материальный признак преступления.

Таким образом, ущерб как следствие совершенного преступления представляет собой экономический критерий криминообразующего признака, отражающий степень общественной опасности деяния (количественную характеристику).

Придерживаясь позиции использования гражданско-правового подхода в части выделения реального ущерба как разновидности убытков в форме уменьшения стоимости имущества, утраты имущества и убытков, которые представляют собой возмещение расходов для восстановления нарушенного права, следует констатировать, что данные формы имеют также и уголовно-правовое значение.

Так, утрата имущества как разновидности реального ущерба представляет собой прекращение прав по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Применительно к вопросу о возможности выделения такой формы ущерба имеется позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации в части определения размера ущерба по определенным составам преступлений. В частности, Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) неоднократно указывал, что размер ущерба следует исчислять исходя из стоимости всего имущества, ставшего предметом преступного посягательства на момент его совершения¹.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Несмотря на тот факт, что ВС РФ не высказывался относительно возможности выделения утраты имущества как формы реального ущерба, следует отметить, что позиция по определению размера ущерба, исходя из рыночной стоимости предмета преступного посягательства, фактически означает признание выбытия имущества из собственности как самостоятельную форму реального ущерба. Так, в преступлениях в сфере экономической деятельности реальный ущерб в форме утраты имущества содержится в ст. 1702 УК РФ (причинение крупного ущерба в результате утраты земельного участка по вине действий кадастрового инженера), ст. 1852 УК РФ (утрата ценных бумаг в результате действий должностного лица – конструктивный признак), ст. 195, 196 УК РФ (утрата имущества в результате неправомерных действий либо при преднамеренном банкротстве).

В судебной практике и доктрине уголовного права также придерживаются позиции по исчислению стоимости в размере всего похищенного имущества [3, с. 34; 4, с. 141–145].

Так, квалифицируя действия лица по ст. 196 УК РФ, суд указал, что заключение договоров купли-продажи транспортных средств и отчуждение данного имущества повлекло существенное увеличение неплатежеспособности, образование недостаточности имущества и неспособность ООО «...» в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, что привело к банкротству ООО «...» и причинению крупного материального ущерба². В настоящем примере отчуждение транспортных средств представляет собой реальный ущерб в форме утраты имущества.

В другом деле апелляционная инстанция при определении размера материального ущерба, ссылаясь на разговор купли-продажи автомобиля, указала, что размер материального ущерба с учетом умысла осужденных определяется исходя из реальной стоимости по указанному договору в размере N рублей с учетом НДС: поскольку транспортные средства были из собственности, поэтому квалификаций действий лица по ст. 159 УК РФ является верной³. Аналогичная практика встречается и в других делах⁴.

² Приговор Киреевского районного суда Тульской области от 13.05.2020 по делу № 1-81/2020 [Электронный ресурс]. – URL:// <https://sudact.ru>

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 08.12.2022 по делу № 10-23020/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 12 октября 2017 г. по делу № 10-15338/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Под снижением стоимости имущества как формы реального ущерба следует понимать снижение действительной стоимости похищенного имущества, когда похищенное имущество заменяется менее ценным либо происходит отчуждение имущества по цене ниже рыночной, либо денежные средства за имущество передаются не в полном объеме [5, с. 323].

Так, в преступлениях в сфере экономической деятельности данная форма реального ущерба фактически отражена в следующих нормах: в ч. 3 ст. 183 УК РФ (причинение крупного ущерба в виде снижения стоимости имущества в результате разглашения правового режима информации) и в ст. 195, 196 УК РФ (уменьшение стоимости активов предприятия в результате неправомерных действий либо при преднамеренном банкротстве).

Относительно судебной практики, связанной с применением вышеуказанных норм, стоит привести следующий пример. Так, апелляционная инстанция при описании преступных действий лиц указала, что имущество предприятия было реализовано по существенно заниженной стоимости, что повлекло причинение крупного ущерба в размере Y рублей, выразившегося в уменьшении на указанную сумму стоимости имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, что свидетельствует о необходимости квалификации действий лица по ч. 1 ст. 176 УК РФ, ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ, ч. 2 ст. 199.1 УК РФ, ч. 1 ст. 195 УК РФ⁵. Фактически суд, рассматривая в данном случае предприятие как имущественный комплекс, указал, что в результате реализации части имущества снизилась стоимость предприятия как имущественного комплекса, что действительно является реальным ущербом в форме снижения стоимости имущества.

Что касается вопроса о возможности учета снижения стоимости имущества как самостоятельной формы реального ущерба в преступлениях против собственности, то возникают следующие проблемы.

Основная аргументация по невозможности включения формы убытков в виде снижения стоимости имущества в состав реального ущерба состоит в отсылке на правовую природу института гражданского иска в уголовном деле. В частности, указывается, что размер вменяемого виновному хищения не во всех случаях обуславливает размер предъявляемого иска по уголовному делу, поскольку в гражданском судопроизводстве на

⁵ Постановление Президиума Томского областного суда по делу № 44у-30/2016, 44у-31/2016, 44у-32/2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://oblsud.tms.sudrf.ru>

размер причиненного имущественного вреда влияет предоставление менее ценного имущества в контексте ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), тогда как в уголовном судопроизводстве указанное предоставление не имеет значения [6; 7]. Такой подход поддерживается судебной практикой, в том числе высшего судебного органа, который во всех аналогичных делах формирует следующую позицию: «обстоятельства, связанные с выплатой денежных средств указанным потерпевшим уже после совершения хищений исключительно с целью завуалировать преступную деятельность и придать ей видимость законной предпринимательской, могут иметь значение лишь для разрешения гражданских исков, но на квалификацию содеянного повлиять никоим образом не могут»⁶.

В доктрине и судебной практике поднимался вопрос, связанный с целесообразностью установления формы реального ущерба в виде снижения стоимости имущества именно в уголовном судопроизводстве. Так, Верховный Суд РСФСР в одном из своих определений указал на необходимость исчислять размер мошенничества, исходя из разницы между фактической стоимостью похищенного товара и суммой, которая была за него передана мошенниками потерпевшему. В комментарии к этому решению указывалось, что при хищении товара и одновременном частичном возмещении собственнику его стоимости размер причиненного ущерба и, соответственно, размер хищения должен определяться в виде разницы между стоимостью похищенного имущества и уплаченной виновными ценой [8, с. 8–10]. Схожую позицию высказывают некоторые современные исследователи [9, с. 23–27].

В судебной практике также встречаются ситуации, когда суд в объем ущерба фактически включает разницу между реальной рыночной стоимостью объектов недвижимости и фактической стоимостью реализации указанных объектов. Так, по уголовному делу суд в приговоре отразил следующее: *лица, занимающие руководящие должности в двух организациях, являющихся сторонами фиктивного договора купли-продажи земельного участка, объекта незавершенного строительства и нежилого здания, вступили в преступный сговор. С целью завладения вышеуказанным имуществом по заниженной стоимости Ш. от лица ООО «...» обратился в ООО (экспертное учреждение) и предоставил документы, отражающие заведомо искаженные сведения о вышеуказанном имуществе, с*

целью введения эксперта в заблуждение и получения от него отчета, отражающего неполную стоимость имущества. Вследствие чего лица, занимающие руководящие должности в двух организациях, получили указанные объекты недвижимости по заниженной стоимости»⁷.

Таким образом, при описании причиненного ущерба суд фактически указывает, что реальным ущербом в данном случае является разница между рыночной и фактической стоимостью, что подпадает под критерии реального ущерба в форме снижения стоимости имущества, поскольку реализация по заведомо заниженной стоимости повлекла недополучение тех сумм, которые могли быть получены при рыночной реализации.

Первым обстоятельством, свидетельствующим о необходимости включения в состав реального ущерба формы снижения стоимости имущества, является учет положений уголовного-процессуального законодательства и институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Так, позиция, связанная с невозможностью включения в состав реального ущерба формы снижения стоимости имущества, вступает в противоречие с УПК РФ, поскольку в силу п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в предмет доказывания по уголовному делу входит установление характера и размера вреда, причиненного преступлением. В соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РФ возмещение имущественного ущерба происходит в рамках уголовного судопроизводства. В гражданском судопроизводстве подлежит установлению преимущественно размер денежного выражения морального вреда в соответствии с ч. 4 ст. 42 УПК РФ. Если размер вреда не установлен, то в силу п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ указанное обстоятельство является основанием для возвращения уголовного дела прокурору в связи с тем, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Второе обстоятельство – невозможность установления в гражданском судопроизводстве реального ущерба в форме снижения стоимости имущества вступает в противоречие с правовой природой гражданского иска, поскольку данный институт в уголовном судопроизводстве служит гарантией для защиты прав потерпевших, упрощая доказывание обстоятельств, изложенных в гражданском иске. О важности гражданского иска свидетельствуют положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 23: согласно ст. 52 Конституции Российской Федерации конституцион-

⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 марта 2017 г. № 83-АПУ17-2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrfr.ru>

⁷ Приговор Видновского городского суда от 10.01.2023 по делу № 1-301/22 [Электронный ресурс]. – URL: <http://vidnoe.mo.sudrf.ru>

ные гарантии прав потерпевшего от преступления на доступ к правосудию и на возмещение причиненного ему ущерба реализуются, в частности, посредством применения предусмотренного уголовно-процессуальным законом порядка рассмотрения судом гражданского иска по уголовному делу, установленного в качестве правового механизма эффективной судебной защиты прав потерпевшего (абз.1)⁸.

Третьим обстоятельством, на которое необходимо обратить внимание, является то, что установление ущерба в полном объеме, включая форму реального ущерба в виде фактического снижения стоимости имущества, напрямую будет влиять на квалификацию преступления, а правильная квалификация, в свою очередь, позволит реализовать назначение уголовного судопроизводства в части назначения виновному справедливому наказанию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ) в рамках общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ) [10, с. 245–248; 11, с. 301–303].

Таким образом, реальный ущерб в форме снижения стоимости имущества возможно теоретически рассматривать как уголовно-правовую характеристику ущерба, поскольку данная форма является разновидностью реального убытка, количественный его подсчет возможен, установление указанного компонента в уголовном судопроизводстве соответствует правовой природе гражданского иска.

При этом следует учитывать определенные сложности и противоречия, которые возникают при исследовании снижения стоимости имущества как самостоятельной формы реального ущерба. Приведенные исследования по данной тематике рассматривали исключительно проблему заменяемости похищенного имущества менее ценным, не отождествляя такие примеры с реальным ущербом в форме снижения стоимости. В настоящем же исследовании предлагается под снижением стоимости понимать ситуацию, когда похищенное имущество заменяется менее ценным либо происходит отчуждение имущества по цене ниже рыночной, либо денежные средства за имущество передаются не в полном объеме в связи со схожестью правовой природы таких действий.

Выделяя формы реального ущерба как составляющего ущерба в преступлениях против собственности, возникает также вопрос о наличии либо отсутствии уголовно-правовой характеристики реального ущерба в форме фактических понесенных и предстоящих расходов на восста-

новление нарушенного права в преступлениях в сфере экономической деятельности и в преступлениях против собственности.

При решении вопроса о включении реального ущерба в форме расходов в преступлениях против собственности следует учитывать, что вопрос возмещения материального вреда является второстепенной задачей и напрямую не относится к уголовно-правовой характеристике ущерба в связи с невозможностью отождествления целей применения уголовной ответственности и возмещения нанесенного ущерба. Уголовно-правовая ответственность имеет своей целью предупреждение преступлений (карательный характер). Вопросы восстановления права в данном случае менее значимы.

Очевидно, что данная форма, представляющая собой реальные и нереальные убытки, является достаточно широкой по своему содержанию, поскольку не ограничивается материальным вредом и включает в себя любые затраты на восстановление нарушенного права.

Видовым объектом преступлений против собственности являются отношения собственности, выступающей в любой из предусмотренных законом форм.

В результате совершения преступления происходит умаление меры правового господства, закрепленной за субъектом – собственником того или иного имущества, нарушается право собственности. Восстановление же нарушенных прав затрагивает гражданское законодательство в части доказывания размера убытков. Для уголовно-правовой оценки имеет значение размер негативных изменений в объекте посягательства, а не расходы, нацеленные после совершения преступления на восстановление нарушенного права. В связи с указанным выделение формы реального ущерба в виде фактических понесенных и предстоящих расходов на восстановление нарушенного права не является целесообразным для целей реализации уголовного законодательства в преступлениях против собственности [12, с. 275].

Стоит, однако, признать, что в преступлениях в сфере экономики такая форма реального ущерба имеет уголовно-правовое значение в связи со следующим.

Отличным от видового объекта преступлений против собственности является видовой объект посягательств в гл. 22 УК РФ, характеризующий собой систему общественных отношений, складывающихся в той или иной сфере экономической деятельности, интересы участников экономического оборота, а также интересы общества и государства.

В результате посягательства на преступления в сфере экономической деятельности про-

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

исходит нарушение правил ведения экономического оборота и, как следствие, нарушение интересов многочисленных участников экономического оборота, а не права единоличного собственника, как в преступлениях против собственности [13, с. 32–36]. Таким образом, результатом нарушений правил ведения экономического оборота может быть не только утрата имущества либо снижение его стоимости, но и проведение излишних выплат с учетом правовой природы объекта, закрепленной в гл. 22 УК РФ. На основании вышеизложенного, ущерб как следствие посягательств в сфере экономического оборота по своей структуре шире, чем ущерб как следствие посягательств в преступлениях против собственности [14, с. 42–45].

Так, диспозиция ст. 178 УК РФ предполагает включение в реальный ущерб излишних выплат, произведенных хозяйствующим субъектом вследствие согласованного завышения участниками тендера цен. К примеру, *при проверке на предмет законности приговора Кировского районного суда г. Иркутска суд апелляционной инстанции указал: судом с достоверностью установлено, что осужденные, зная о незаконности применения повышающих коэффициентов, их использовали в локальных и ресурсных сметных расчетах на замену оборудования лифта и ремонтно-строительные и электромонтажные работы в многоквартирных домах, в результате чего денежные средства, направленные на оплату таких работ по завышенной стоимости, не были потрачены на иные нужды многоквартирных домов, что потребовало дополнительных выплат*⁹.

Применительно к ст. 169 УК РФ в состав ущерба может быть включен реальный ущерб в виде проведения излишних расходов вследствие воспрепятствования законной деятельности, в ст. 185 УК РФ в состав реального ущерба возмож-

но включить излишние выплаты, произведенные в результате отклонения стоимости бумаг в сторону повышения либо понижения по причине недостоверности данных в отчете о выпуске.

На основе проведенного исследования следует сформулировать следующие выводы.

Ущерб как последствие совершенного преступления представляет собой экономический критерий криминообразующего признака, отражающий степень общественной опасности деяния (количественную характеристику).

Для целей уголовного законодательства целесообразно рассматривать утрату имущества как самостоятельную разновидность реального ущерба в преступлениях против собственности и в сфере экономической деятельности.

Реальный ущерб в форме снижения стоимости имущества в преступлениях против собственности и в сфере экономической деятельности представляет собой снижение действительной стоимости похищенного имущества, когда похищенное имущество заменяется менее ценным либо происходит отчуждение имущества по цене ниже рыночной, либо денежные средства за имущество передаются не в полном объеме. Рассмотрение данной формы как самостоятельной разновидности ущерба представляется теоретически обоснованным.

Рассмотрение же фактических понесенных и предстоящих расходов на восстановление нарушенного права как самостоятельной формы реального ущерба в преступлениях против собственности представляется нецелесообразным, тогда как в преступлениях в сфере экономической деятельности с учетом видового объекта посягательств в гл. 22 УК РФ, характеризующего собой систему общественных отношений, складывающихся в той или иной сфере экономической деятельности, интересы участников экономического оборота, а также интересы общества и государства представляется необходимым выделить данную форму в качестве самостоятельной разновидности реального ущерба.

Литература

1. Гаухман Л.Д. Соотношение крупного размера и крупного ущерба по УК РФ // Законность. – 2001. – № 1. – С. 32–35.
2. Новицкий И.Б., Луцк Л.А. Общее учение об обязательствах. – Москва: Юридическая литература, 1950. – 416 с.
3. Амиянц К.А. Последствия преступлений в сфере экономики: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 30 с.
4. Есаков Г.А. Пределы гражданско-правовых конструкций в уголовном праве // Закон. – 2020. – № 2. – С. 139–148.
5. Журавлева Г.П. Микроэкономика: учебник; под ред. Г.П. Журавлевой и Л.Г. Чередниченко. – Москва: ИНФРА-М, 2022. С. 415.
6. Сорокина А.Э. К актуальным вопросам института гражданского иска в уголовном процессе // Российский судья. – 2021. – № 4. – С. 17–20.
7. Шиткина И.С. Решение корпоративных споров в уголовных делах // Закон. – 2020. – № 11. – С. 45–47.

8. **Борзенков Г.Н.** Комментарий к определению по делу Трусова и Белканиа // Бюллетень Верховного Суда РФСР. – 1979. – № 6. – С. 8–10.
9. **Сергеев А.П.** Об ошибочном понимании гражданско-правовых норм в уголовном судопроизводстве // Закон. – 2020. – № 1. – С. 139–148.
10. **Гравина А.А., Зайцев О.А., Жилкин М.Г. [и др.]**. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации. В 2 т. // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Юридическая фирма Контракт, 2020. С. 394.
11. **Арямов А.А., Басова Т.Б., Благов Е.В. [и др.]**. Уголовное право России. Общая и Особенная части. – Москва: Юридическая фирма Контракт, 2017. – 382 с.
12. **Осипов И.В.** Уголовно-правовая характеристика ущерба как признака составов преступлений в сфере экономической деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 2. – С. 274–277.
13. **Яни П.С.** Соотношение размера хищения и суммы гражданского иска по уголовному делу // Законность. – 2020. – № 7. – С. 32–36.
14. **Ермолович Я.Н.** Упущенная выгода как общественно опасное последствие совершения преступления // Российский следователь. – 2019. – № 3. – С. 42–45.

References

---

1. **Gaukhman L.D.** Sootnoshenie krupnogo razmera i krupnogo ushcherba po UK RF // Zakonnost'. – 2001. – № 1. – С. 32–35.
2. **Novitskii I.B., Lunts L.A.** Obshchee uchenie ob obyazatel'stvakh. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1950. – 416 s.
3. **Amiyants K.A.** Posledstviya prestuplenii v sfere ekonomiki: ugovolno-pravovoi aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Krasnodar, 2008. – 30 s.
4. **Esakov G.A.** Predely grazhdansko-pravovykh konstruktiv v ugovolnom prave // Zakon. – 2020. – № 2. – С. 139–148.
5. **Zhuravleva G.P.** Mikroekonomika: uchebnik; pod red. G.P. Zhuravlevoi i L.G. Cherednichenko. – Moskva: INFRA-M, 2022. С. 415.
6. **Sorokina A.E.** K aktual'nym voprosam instituta grazhdanskogo iska v ugovolnom protsesse // Rossiiskii sud'ya. – 2021. – № 4. – С. 17–20.
7. **Shitkina I.S.** Reshenie korporativnykh sporov v ugovolnykh delakh // Zakon. – 2020. – № 11. – С. 45–47.
8. **Borzenkov G.N.** Kommentarii k opredeleniyu po delu Trusova i Belkaniya // Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR. – 1979. – № 6. – С. 8–10.
9. **Sergeev A.P.** Ob oshibochnom ponimanii grazhdansko-pravovykh norm v ugovolnom sudoproizvodstve // Zakon. – 2020. – № 1. – С. 139–148.
10. **Gravina A.A., Zaitsev O.A., Zhilkin M.G. [i dr.]**. Nauchno-prakticheskii kommentarii k glave 22 «Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti» Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii. V 2 t. // Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. – Moskva: Yuridicheskaya firma Kontrakt, 2020. С. 394.
11. **Aryamov A.A., Basova T.B., Blagov E.V. [i dr.]**. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti. – Moskva: Yuridicheskaya firma Kontrakt, 2017. – 382 s.
12. **Osipov I.V.** Ugolovno-pravovaya kharakteristika ushcherba kak priznaka sostavov prestuplenii v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2019. – № 2. – С. 274–277.
13. **Yani P.S.** Sootnoshenie razmera khishcheniya i summy grazhdanskogo iska po ugovolnomu delu // Zakonnost'. – 2020. – № 7. – С. 32–36.
14. **Ermolovich Ya.N.** Upushchennaya vygoda kak obshchestvenno opasnoe posledstvie sovrsheniya prestupleniya // Rossiiskii sledovatel'. – 2019. – № 3. – С. 42–45.

(статья сдана в редакцию 17.04.2024)

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ****PRIORITY AREAS OF LEGAL REGULATION
OF BIOMETRIC PERSONAL DATA**

УДК 342.72

А.В. КАРПУШИНА,адъюнкт
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
lebedinskaya@inbox.u**ANNA V. KARPUSHINA,**Postgraduate
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: социальные процессы сегодня требуют общественной оценки. Это позволяет выстраивать наиболее эффективные отношения и помогает избежать негативных тенденций в государстве. Правовая сфера не является исключением. Часто законопроекты проходят обсуждение, в том числе и с общественными организациями, в ведении которых находится деятельность, требующая законодательного регулирования. Биометрические персональные данные – новое направление в области информационного и административного права, и часто процессы, связанные с правовым регулированием этих данных, требуют общественной оценки. В статье автор проводит анализ действующего законодательства по вопросам, связанным с биометрическими персональными данными, в контексте общественного отношения к исследуемым данным. Цель анализа заключается в углублении правового знания в области биометрии, а следовательно, в постановке проблем, требующих совершенствования действующего законодательства. Автор обосновывает необходимость создания эффективной системы, которая сможет удовлетворить требования общества к обеспечению безопасности сбора, обработки и хранения биометрических персональных данных. Важным аспектом является формирование позитивного общественного мнения к процессам развития цифровизации, в том числе посредством использования биометрики, которая способна повысить безопасность данных и качество предоставляемых дистанционно государственных и иных услуг.

Ключевые слова: цифровизация, общественное мнение, биометрические персональные данные, единая биометрическая система, Центр Биометрических Технологий, геномная регистрация, дактилоскопическая регистрация.

Для цитирования: Карпушина А.В. Приоритетные направления правового регулирования биометрических персональных данных // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 100–105.

Annotation: social processes today require public assessment. This allows you to build the most effective relationships and helps to avoid negative trends in the state. The legal field is no exception. Draft laws are often discussed, including with public organizations responsible for activities requiring legislative regulation. Biometric personal data is a new trend in the field of information and administrative law, and often the processes related to the legal regulation of this data require public assessment. In the article, the author analyzes the current legislation on issues related to biometric personal data in the context of public attitudes towards the data under study. The purpose of the analysis is to deepen legal knowledge in the field of biometrics, and therefore to pose problems that require improvement of current legislation. The author substantiates the need to create an effective system that can meet the requirements of society to ensure the security of the collection, processing and storage of biometric personal data. An important aspect is the formation of a positive public opinion towards the development of digitalization, including through the use of biometrics, which can improve data security and the quality of remotely provided government and other services.

Keywords: digitalization, public opinion, biometric personal data, unified biometric system, Center for Biometric Technologies, genomic registration, fingerprint registration.

For citation: Karpushina A.V. Priority areas of legal regulation of biometric personal data // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 100–105.

Развитие правовой культуры в современных условиях во многом складывается под влиянием общественного мнения. Оно представляет собой важный инструмент взаимодействия государства и общества. Как отмечал в своей статье А.В. Красюков, исследование различных факторов и определение их потенциала позволяют выявить наиболее оптимальные пути воздействия государства на социальные группы и граждан [5, с. 76]. Качественно подготовленные опросы (анкетирования) позволяют сформировать понимание о существующих в обществе суждениях о принятых (либо готовящихся к принятию) нормативных правовых актах, чтобы впоследствии скорректировать их с учетом общественного мнения.

В настоящее время особое внимание уделяется правовому регулированию вопросов, связанных с биометрическими персональными данными. В своей работе Т.А. Полякова и И.С. Бойченко отмечали, что этот вопрос является социально значимым и волнующим общество [2, с. 28]. Перед государством стоит сложная задача – создание системы по использованию биометрических персональных данных, не вызвав у общества негативного отношения к сбору, обработке и хранению таких данных.

Неслучайно при принятии Федерального закона от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – ФЗ № 572-ФЗ)¹, учитывалось общественное мнение. Так, в рассмотрении законопроекта участвовали экспертное сообщество, представители Русской православной церкви и Совета по правам человека². Указанный законодательный акт был принят уже с внесенными в него поправками и замечаниями общественности. И, как отметил Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Вячеслав Володин, такой консенсус позволил избежать создания «цифрового ГУЛАГа».

¹ Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 1 (часть I). – Ст. 19.

² Как государство защитит биометрические данные россиян [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://duma.gov.ru/news/56087/> (дата обращения 09.01.2024).

В связи с этим интерес вызвали опубликованные на сайте Центра Биометрических Технологий результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения, по данным опроса которого, с понятием «биометрия» знакомы более половины опрошенных россиян (55%)³.

Тот факт, что значительная часть граждан не знакома с таким понятием, как биометрические персональные данные, говорит не о том, насколько не развита система таких данных, а о том, сколько граждан находится в потенциальной опасности, выражающейся в возможных мошеннических действиях в данной области в связи с непониманием субъекта правонарушения, на который совершено посягательство.

Сегодня биометрические персональные данные часто являются ключом для совершения оплаты покупок, использования банковских сервисов, предоставления проезда в транспорте, а также проведения государственных и юридически значимых услуг. И совершение мошеннических действий в отношении каждой из перечисленных процедур при утечке биометрии может принести значительный ущерб для граждан, особенно учитывая уникальность биологических, физиологических и поведенческих характеристик человека.

Вместе с тем у респондентов нет четкого понимания того, что относится к биометрическим персональным данным. Так, опрашиваемые указали биометрию как биометрические данные в целом – 35%, отпечатки пальцев – 17%, внешность – 9% и сетчатка глаза – 7%⁴. Это подчеркнуло уже существующую проблему. Понятие «биометрические персональные данные» закреплено в ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152-ФЗ). Данное определение не предполагает установление рамочного характера и позволяет отнести к биометрии значительный перечень биологических и физиологических характеристик человека. На эту проблему указывали многие современные исследователи Н.И. Платонова, А.В. Минбалева, С.В. Баженов, В.Е. Дивольд, А.А. Морозов и др. К сожалению, в настоящее время этот вопрос остается открытым, и на законодательном уровне не принято решение о внесении изменений в определение

³ Более половины опрошенных россиян знают о биометрии – опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центра Биометрических Технологий. – URL: https://ebs.ru/news/?ELEMENT_ID=2675733 (дата обращения: 09.01.2024).

⁴ Более половины опрошенных россиян знают о биометрии – опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центра Биометрических Технологий. – URL: https://ebs.ru/news/?ELEMENT_ID=2675733 (дата обращения: 09.01.2024).

биометрических персональных данных и установления их конкретного перечня.

Изучая правовые аспекты использования биометрики, можно отметить, что к законодательно защищенным данным рассматриваемой категории можно отнести геномную информацию, дактилоскопию, запись голоса человека, полученную с помощью звукозаписывающих устройств, и изображение лица человека, полученное с помощью фотовидеоустройств.

Немаловажным является и тот факт, что в большей части правовое регулирование производится по каждой категории отдельно. Например, порядок сбора, обработки и хранения геномной информации регулируется Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Полученный геном хранится в Федеральной базе данных геномной информации. Необходимо отметить, что геномная регистрация может быть как добровольной, так и обязательной.

Аналогично с геномной информацией дактилоскопия регулируется отдельным законодательным актом – Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», при проведении идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени с использованием централизованной интегрированной автоматизированной дактилоскопической информационной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации⁵. Как и геномная регистрация, дактилоскопия бывает добровольной и обязательной.

Если рассматривать способ получения информации, то запись голоса и изображение лица человека отличаются от двух рассмотренных ранее биометрических характеристик. Запись голоса и изображение лица человека могут быть представлены только добровольно, и подлежат регистрации в государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных». Регулирование правоотношений с использованием последних рассмотренных характеристик осуществляется в соответствии с Федеральным

законом от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных».

Тот факт, что каждая характеристика регулируется отдельными правовыми актами одновременно является и плюсом, и минусом системы права в данной области. Минус заключается в том, что на сегодняшний день нет единого нормативного правового акта по определению биометрии, а существующий ФЗ № 152-ФЗ в недостаточной степени уделяет внимания данной отрасли персональных данных. Плюсом можно указать, что выделение отдельных нормативных правовых актов позволяет более детально урегулировать правовые вопросы по каждому виду биометрии, однако многие положения законодательных актов дублируются.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что рациональным было бы создание общего нормативного правового акта по регулированию сбора, обработки и хранения биометрических персональных данных. Такую позицию озвучивают авторы В.Х. Каримов и С.В. Яценко. В своей статье они предлагают создать отдельный от закона о персональных данных нормативный правовой акт, который мог бы определить биометрические характеристики, а также их носителей, подлежащих обязательной и добровольной регистрации, процедуру проведения, права и обязанности участников [3, с. 32]. Исследователи обращали внимание на то, что необходимо предусмотреть меры ответственности за правонарушение, связанные со сбором, обработкой и хранением биометрических персональных данных. До недавнего времени этот вопрос был не урегулирован.

Однако в декабре 2023 года были приняты поправки в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ)⁶. Впервые была введена ответственность за правонарушения в области биометрических персональных данных как отдельной категории. В соответствии с новой статьей 13.11.3 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение требований в области размещения биометрических персональных данных граждан. Так, за незаконное размещение и обновление таких данных вводятся штрафы: для должностных лиц – от 100 тыс. до 300 тыс. рублей и для организаций – от 500 тыс. до 1 млн рублей⁷.

⁵ Приказ МВД России от 19 июня 2018 г. № 384 «Об утверждении Порядка проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени и Перечня категорий лиц, в отношении которых обязательная государственная дактилоскопическая регистрация не проводится в случае идентификации их личности в результате проверки по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени» [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056542> (дата обращения: 09.01.2024).

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.

⁷ Усиливается защита персональных биометрических данных [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://duma.gov.ru/news/58432/> (дата обращения: 12.02.2024).

При формировании института административной ответственности в области биометрии представляет особый интерес выбор должностных лиц, имеющих право составления протоколов и рассмотрения дел об административных правонарушениях. В соответствии с поправками в случае составления протоколов должностными лицами Роскомнадзора рассматривать дела о нарушении размещения и обновления биометрических сведений будут суды. Кроме того, в пределах своих полномочий такие дела сможет рассматривать Центральный банк Российской Федерации.

Законодатель наделяет правом на составление протоколов Роскомнадзор, оставляя в стороне органы внутренних дел. При этом, хотелось бы отметить, что не так давно в МВД России создано новое структурное подразделение – Департамент информационных технологий, связи и защиты информации Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ТСиЗИ МВД России).

Согласно основной информации, представленной на сайте МВД России, ДИТСиЗИ МВД России охватывает огромную сферу в области защиты и совершенствования информационных и телекоммуникационных технологий, автоматизированных информационных систем, систем и средств связи, обеспечивает защиту использования электронной подписи, а также организует деятельность подразделений МВД России, территориальных органов МВД России по переходу на предоставление государственных услуг в электронном виде, в том числе мониторинг качества предоставления государственных услуг (функций)⁸. Исходя из этих перечисленных функций, можно отметить, что роль в сборе, обработке и хранении биометрических персональных данных очевидна и не менее важна, но при этом полиция не наделена правом привлекать правонарушителей к административной ответственности в рамках ст. 13.11.3 КоАП РФ.

Бесспорно, за последние годы МВД России получило колоссальное развитие в области пресечения правонарушений, связанных с мошенническими действиями в области персональных данных, значительно увеличилась материально-техническая возможность, связанная с раскрытием таких правонарушений. И тот факт, что граждане в случае нарушения их прав, в том числе и в киберпространстве, чаще всего обращаются за помощью в полицию, не оставляет сомнений в необходимости разработки системы наделения полномочиями по расследованию и направлению материалов в суд в том числе и органы внутренних дел [4, с. 64].

⁸ Департамент информационных технологий, связи и защиты информации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://мвд.рф/мвд/structure/1/Departamenti/Departamenti_informacionnih_tehnologij_sv (дата обращения: 29.02.2024).

Это может благоприятно сказаться на имидже полиции. Информирование общества о «цифровых возможностях» государственной структуры позволит сформировать понимание полиции как современного института власти.

Сегодня полиция, выполняя задачи по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности, при соблюдении установленных законодательством процедур имеет доступ ко многим базам, в которых хранятся биометрические персональные данные [5, с. 63]. Это отличает ее от других участников, имеющих доступ к базам биометрических персональных данных. Геномная информация, дактилоскопия чаще всего используются в правоохранительной сфере в целях идентификации личности, такая же цель преследуется и при обработке изображения лица и записи голоса, но доступ к этой информации имеется у значительного перечня субъектов правоотношений, в который входят не только органы исполнительной власти, но и банковский сектор, коммерческие организации и прочие.

Наибольший интерес представляет взаимодействие публичных органов власти и иных организаций в области правового регулирования сбора, обработки и хранения именно изображения лица и записи голоса человека. Это связано в первую очередь с тем, что эти биометрические персональные данные пользуются особой популярностью в общественной жизни и на юридическом поприще. И если раньше биометрия использовалась для идентификации только в правоохранительной деятельности, то сегодня процесс цифровизации общества привел к тому, что посредством использования сканирования лица стала возможной оплата проезда в метро или в магазине. Поэтому было важно сформировать правовой регулятор в области использования биометрики, доступ к которой имеют не только государственные органы.

В связи с этим был издан Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ, регламентирующий порядок сбора, обработки и хранения биометрических персональных данных, которые могут быть использованы в широком спектре современных общественных отношений. Этот объем персональных данных размещается в единой биометрической системе.

Довольно подробно единую биометрическую систему в своей работе исследовали Т.А. Полякова и И.С. Бойченко. Ими был обозначен ряд современных проблем в данной области, и наиболее важная из них это обеспечение информационной безопасности при взаимодействии единой биометрической системы с частными информационными и региональными сегментами [6]. Это говорит о том, насколько широк доступ к биометрии: до-

ступ имеют кроме органов исполнительной власти (по запросу), государственные информационные системы, муниципальные информационные системы, информационные системы Центробанка России, иных организаций, нотариусов и даже индивидуальных предпринимателей.

Каждый участник должен соблюдать установленные законодательством требования по обеспечению безопасности данных. И что немаловажно в современных реалиях, запрещается любое иностранное участие в обработке и хранении биометрии.

При этом хотелось бы отметить, что приведенные в начале статьи результаты опроса населения показали, что в числе преимуществ биометрии россияне называют безопасность (38%), прозрачность (34%), простоту (26%), порядок (6%), прогресс (4%).

Сегодня общественное мнение выражает кворум доверия использованию биометрических персональных данных. Это говорит о том, что в государстве заданы правильные векторы развития исследуемой области. Безусловно, предстоит еще колоссальная работа по совершенствованию института защиты биометрических персональных данных, и в статье были обозначены проблемы, которые требуют законодательного решения.

Еще одним подтверждением значимости общественного мнения для государства при формировании политики в области биометрических персональных данных стало создание Координационного совета по развитию цифровых технологий идентификации и аутентификации на основе биометрических персональных данных. Согласно Положению о Координационном совете⁹ на

заседания могут быть приглашены эксперты с правом совещательного голоса из числа представителей федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, представителей общественных, некоммерческих и иных организаций, не являющиеся членами Координационного совета, для участия в обсуждении вопросов, рассматриваемых Координационным советом. А именно, в ведении Совета находятся вопросы определения стратегических направлений развития и совершенствования цифровых технологий идентификации и аутентификации на основе биометрии, также обеспечения недискриминационного доступа к сервисам единой биометрической системы.

Таким образом, рассматривая правовую сферу регулирования вопросов, связанных с биометрическими персональными данными, мы видим насколько развивающейся, актуальной является эта тема сейчас. Популярность её обусловлена развитием самого общества и переходом значительной части общественной жизни на новый «цифровой» уровень. Задача государства – поддержать интерес общества к правовой культуре в цифровой сфере, обеспечить безопасность использования биометрии человека, выстроить грамотную и рабочую систему по взаимодействию с биометрическими персональными данными. Необходимо продолжить сложившуюся тенденцию к недопущению принуждения граждан к сдаче биометрии, соблюдая конституционные и гражданские права граждан. Также важно не ослаблять контроль за участниками, имеющими право на сбор, обработку и хранение биометрических персональных данных, чтобы исключить возможные правонарушения по несоблюдению действующего законодательства в данной сфере.

Литература

---

1. **Красюков А.В.** Некоторые аспекты общественного мнения в изучении правового пространства // Правовая культура. – 2023. – № 2 (53). – С. 76–77.
2. **Полякова Т.А., Бойченко И.С.** Особенности взаимодействия и правового обеспечения информационной безопасности в единой биометрической системе в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 3. – С. 26–34.
3. **Каримов В.Х., Яценко С.В.** Актуальные вопросы правового регулирования биометрической регистрации в России // Правда и закон. – 2023. – № 4(26). – С. 26–34.
4. **Дизер О.А.** Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70.
5. **Рочева Я.С., Попазова О.А.** Социология общественного мнения: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – 92 с.
6. **Морев М.В.** Мониторинг общественного мнения как инструмент реализации оценочной функции социологии управления // Социальное пространство. – 2023. – Т. 9. – № 2.
7. **Зубарев С.М.** Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 6 (115). – С. 23–32.

8. Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech): учебник / А.В. Минбалеев, Т.А. Полякова, М.Б. Добробаба [и др.]. – Москва: Проспект, 2023. – 368 с.
9. **Минбалеев А.В.** Проблемы цифрового права: учебное пособие / А.В. Минбалеев. – Саратов: Амирит, 2022. – 234 с.
10. **Рождайкина Е.И.** Проблемы защиты биометрических персональных данных при расследовании преступлений // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 378–386.
11. Теоретические основы формирования отрасли полицейского права / О.И. Бекетов, А.А. Вакутин, О.А. Дизер [и др.]. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – 168 с.
12. **Фатхи В.И.** К вопросу о правовом регулировании порядка использования биометрических персональных данных: международный опыт // Философия права. – 2023. – № 4 (107). – С. 93–98.

References

---

1. **Krasyukov A.V.** Nekotorye aspekty obshchestvennogo mneniya v izuchenii pravovogo prostranstva // Pravovaya kul'tura. – 2023. – № 2 (53). – С. 76–77.
2. **Polyakova T.A., Bojchenko I.S.** Osobennosti vzaimodeystviya i pravovogo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v edinoj biometricheskoj sisteme v Rossijskoj Federacii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2023. – № 3. – С. 26–34.
3. **Karimov V.H., Yacenko S.V.** Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya biometricheskoj registracii v Rossii // Pravda i zakon. – 2023. – № 4(26). – С. 26–34.
4. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya ohrana obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoj bezopasnosti v usloviyah formirovaniya cifrovogo prostranstva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70.
5. **Rocheva Ya.S., Popazova O.A.** Sociologiya obshchestvennogo mneniya: uchebnoe posobie. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet, 2023. – 92 s.
6. **Morev M.V.** Monitoring obshchestvennogo mneniya kak instrument realizacii ocenочноj funkcii sociologii upravleniya // Social'noe prostranstvo. – 2023. – Т. 9. – № 2.
7. **Zubarev S.M.** Pravovye riski cifrovizacii gosudarstvennogo upravleniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2020. – Т. 15. – № 6 (115). – С. 23–32.
8. Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech): учебник / А.В. Минбалеев, Т.А. Полякова, М.Б. Добробаба [и др.]. – Москва: Проспект, 2023. – 368 с.
9. **Минбалеев А.В.** Проблемы цифрового права: учебное пособие / А.В. Минбалеев. – Саратов: Амирит, 2022. – 234 с.
10. **Рождайкина Е.И.** Проблемы защиты биометрических персональных данных при расследовании преступлений // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 378–386.
11. Теоретические основы формирования отрасли полицейского права / О.И. Бекетов, А.А. Вакутин, О.А. Дизер [и др.]. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – 168 с.
12. **Fathi V.I.** K voprosu o pravovom regulirovanii poryadka ispol'zovaniya biometricheskikh personal'nyh dannyh: mezhdunarodnyj opyt // Filosofiya prava. – 2023. – № 4 (107). – С. 93–98.

(статья сдана в редакцию 31.07.2024)

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА****CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF THE REHABILITATION OF NAZISM**

УДК 343.9

М.В. СОВЕТОВА,адъюнкт
(Академия управления МВД России,
Россия, Москва)
sovetovamasha@gmail.com**MARIYA V. SOVETOVA,**Postgraduate
(Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в условиях активной фазы противостояния России коллективной политике государств – членов НАТО, напрямую угрожающей национальной безопасности Российской Федерации, опасным оружием в информационной войне стали участвовавшие в последние годы попытки реабилитации нацизма. Одобрение преступлений нацистов, переписывание истории, антисоветская пропаганда, как и само по себе отрицание преступности нацизма, установленной приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге в 1946 г., – все это попытки дестабилизации ситуации в стране посредством реабилитации нацизма. С учетом своевременности установления уголовно-правового запрета на действия по реабилитации нацизма в отечественном законодательстве сегодня представляется возможным исследовать это явление при помощи методологического аппарата уголовно-правовых наук. В настоящей статье представлены результаты криминологического исследования реабилитации нацизма на основе изучения ее объективных и субъективных элементов, качественных и количественных характеристик, причин и условий, ей способствующих, отражены выявленные автором тенденции, характеризующие актуальное состояние преступности, связанной с реабилитацией нацизма, приведена авторская типология личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное ст. 3541 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также изложен перечень детерминант, обуславливающих реабилитацию нацизма.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, криминологическая характеристика, состояние преступности, экстремизм, преступления против мира и безопасности человечества, преступления экстремистской направленности.

Для цитирования: Советова М.В. Криминологическая характеристика реабилитации нацизма // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 106–113.

Abstract: in the context of the active phase of Russia's confrontation with the collective policy of NATO member states, which directly threatens the national security of the Russian Federation, attempts to rehabilitate Nazism, which have become more frequent in recent years, have become a dangerous weapon in the information war. The approval of Nazi crimes, the rewriting of history, anti-Soviet propaganda, as well as the denial of the criminality of Nazism itself, established by the verdict of the International Military Tribunal in Nuremberg in 1946, are all attempts to destabilize the situation in the country through the rehabilitation of Nazism. Taking into account the timeliness of the establishment of a criminal law ban on actions to rehabilitate Nazism in domestic legislation, it is now possible to investigate this phenomenon using the methodological apparatus of criminal law sciences. This article presents the results of a criminological study of the rehabilitation of Nazism based on the study of its objective and subjective elements, qualitative and quantitative characteristics, causes and conditions contributing to it, reflects the trends identified by the author characterizing the current state of crime associated with the rehabilitation of Nazism, the author's typology of the personality of the criminal who committed the crime provided for in Article 3541 of the Criminal Code of the Russian Federation The Federation, as well as a list of determinants that determine the rehabilitation of Nazism.

Keywords: rehabilitation of Nazism, criminological characteristics, the state of crime, extremism, crimes against the peace and security of mankind, crimes of extremist orientation.

For citation: Sovetova M.V. Criminological characteristics of the rehabilitation of nazism // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2024. – № 4. – P. 106–113.

Попытки реабилитации нацизма для оправдания новых форм его жизни в последние годы стали явлением, которое вышло за пределы границ отдельных государств и, будучи опасным оружием информационной войны, поставило под угрозу их мирное сосуществование. Ответные меры не заставили себя долго ждать: во многих государствах, заинтересованных в обеспечении своей безопасности и территориальной целостности, созданы правовые и организационные основы противодействия реабилитации нацизма, включая установление уголовной ответственности за действия, ее составляющие (в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Армения, Республике Молдова и др.) [1, с. 115].

Это позволяет исследовать явление реабилитации нацизма с применением методологического аппарата уголовно-правовых наук и предложить в этой связи научно обоснованные меры криминологического предупреждения. В отечественной научной литературе активно освещаются вопросы правового регулирования и реализации уголовной ответственности за действия по реабилитации нацизма [2], поднимаются проблемы используемой терминологии при формулировании уголовно-правового запрета [3], определения пределов действия ст. 354¹ «Реабилитация нацизма» (далее – ст. 354¹) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в пространстве и по кругу лиц [4], обсуждаются и многие другие несовершенства исследуемой нормы и практики ее применения [5; 6]. Уголовно-правовой аспект реабилитации нацизма подробно изучается на уровне диссертационных исследований [7; 8].

Криминологическая составляющая реабилитации нацизма, напротив, менее изучена. В этой связи представляется, что именно криминологическое исследование способно в полной мере «подсветить» самые острые проблемы уголовно-правового регулирования и предложить оптимальные способы и пути их решения, а также обеспечить комплексный криминологически обоснованный подход в выборе стратегии противодействия реабилитации нацизма.

Настоящая статья представляет собой результат исследования криминологической природы реабилитации нацизма. Эмпирической базой исследования стали данные о количестве и результатах расследования уголовных дел по ст. 354¹ УК РФ за

последние пять лет (с 2019 по 2023 гг.), опубликованные на портале ведомственной правовой статистики Главного информационно-аналитического центра МВД России; данные судебной статистики за последние десять лет (с 2014 по 2024 гг.)¹, опубликованные на официальном сайте Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации; а также 142 решения судов первой и апелляционной инстанций по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 280, 282, 354¹ УК РФ, вынесенных с 2015 по 2024 гг.

1. *Объективные элементы криминологической характеристики реабилитации нацизма.* Как известно, преступность характеризуется системой количественно-качественных показателей [9, с. 154–157]. Исследование актуальной криминологической обстановки, дополненное ретроспективным анализом, позволяет проследить динамику развития исследуемого вида преступности, которая, как справедливо отмечает К.К. Горяинов, является общим свойством ее качественно-количественных показателей [10, с. 53].

С момента криминализации реабилитации нацизма динамика количественных показателей, зарегистрированных по ст. 354¹ УК РФ, преступлений отмечена практически их неуклонным ростом (см. рис. 1)².

Сама по себе разница числа зарегистрированных преступлений и числа осужденных лиц является весьма интересным показателем для изучения, поскольку в нем сокрыт «коэффициент полезного действия» как деятельности по расследованию преступлений, так и качества уголовного закона. Хотя, конечно, при анализе разницы между данными показателями следует учитывать и особенности ведения учета преступлений и лиц, их совершивших. К примеру, разница между обо-

¹ Данные за 2024 г. использованы по состоянию на 01.08.2024.

² См.: Форма статистической отчетности № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»: сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019–2023 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.08.2024); сводные сведения о преступлениях экстремистской и террористической направленности в период с 2019 по 2023 гг. по форме «256-ФЗТ» [Электронный ресурс]. – URL: <http://10.5.0.16/csi> (дата обращения: 10.08.2024).

Рисунок 1. Динамика числа зарегистрированных по ст. 354¹ УК РФ преступлений и числа осужденных по ст. 354¹ УК РФ с 2014 по 2023 гг.

значенными числами может быть объяснена с поправкой на многоэпизодность совершенных деяний, когда одно лицо совершило несколько преступлений, по каждому из которых выставлена отдельная карточка учета.

В остальных же случаях для уголовных дел, возбуждаемых по фактам реабилитации нацизма, характерна тенденция по их прекращению по п. 3 ч. 1 ст. 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела» УПК РФ (далее – ст. 24 УПК РФ) (см. табл.1)³.

Анализ представленных в таблице данных указывает на то, что доля прекращаемых уголовных дел по фактам реабилитации нацизма от общего числа предварительно расследованных в отчетном периоде по ст. 354¹ УК РФ уголовных дел варьируется от 14% до 81,25%, что, конечно, представляет собой слишком широкий диапазон. Так, в среднем за пять лет доля прекращенных дел по ст. 354¹ УК РФ составила 33,5%, доля направленных с обвинительными заключениями в суд уголовных дел – две трети от общего числа предварительно расследованных преступлений.

Есть основания полагать, что в перспективе наметится устойчивая тенденция по сокращению числа прекращенных по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовных дел исследуемой категории, поскольку дифференциация уголовной ответственности, приведенная в новой редакции статьи Федерального закона от 05.04.2021 № 59-ФЗ «О внесении

изменений в статью 354-1 Уголовного кодекса Российской Федерации», отнесла квалифицированные составы реабилитации нацизма (чч. 2 и 4 ст. 354¹ УК РФ) к преступлениям средней тяжести, увеличив срок давности привлечения к уголовной ответственности с 2 до 6 лет. Это также обуславливает характер преступности исследуемого вида. Деяния, совершаемые с апреля 2021 г., с учетом тенденции цифровизации преступности относятся к преступлениям средней тяжести, поскольку все же большая их часть совершается с использованием сети Интернет [11]: 2021 г. – 17 из 19 (89,4%); 2022 г. – 39 из 46 (84,7%); 2023 г. – 31 из 38 (81,5%) соответственно. В среднем свыше 85% регистрируемых по ст. 354¹ УК РФ преступлений совершается с использованием сети Интернет⁴. Есть все основания полагать, что эта тенденция сохранится ввиду того, что причины, ее обуславливающие, носят перманентный характер. Потому представляется, что в структуре преступлений, изложенных в ст. 354¹ УК РФ, при условии постоянства самой нормы, доля преступлений средней тяжести в перспективе может достичь 85% и будет существенно превалировать над долей преступлений небольшой тяжести. Пока же из общего числа зарегистрированных преступлений по ст. 354¹ УК РФ преступления небольшой и средней тяжести составили: в 2021 г. – 94% и 6% соответственно; в 2022 г. – 52% и 48% и в 2023 г. – 27% и 73% соответственно⁵.

⁴ Сводные сведения о преступлениях экстремистской и террористической направленности в период с 2019 по 2023 гг. по форме «256-ФЗТ» [Электронный ресурс]. – URL: <http://10.5.0.16/csi> (дата обращения: 10.08.2024).

⁵ Там же.

³ Сводные сведения о преступлениях экстремистской и террористической направленности в период с 2019 по 2023 гг. по форме «256-ФЗТ» [Электронный ресурс]. – URL: <http://10.5.0.16/csi> (дата обращения: 10.08.2024).

Таблица 1.

Сведения о результатах расследования реабилитации нацизма с 2019 по 2023 гг.

Год	Количество предварительно расследованных преступлений	из них					
		уголовные дела направлены в суд с обвинительным заключением (% от количества предварительно расследованных преступлений)	уголовные дела прекращены либо вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (% от количества предварительно расследованных преступлений)	из них			
				ст. 25 и 28 УПК РФ	п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ	из них лица установлены	п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ
2019	16	3 (18,75%)	13 (81,25%)	1	12	12	0
2020	20	10 (50%)	8 (40%)	0	5	5	1
2021	23	19 (82,6%)	4 (17,4%)	0	3	3	1
2022	64	39 (60,9%)	26 (40,6%)	2	2	22	0
2023	50	43 (86%)	7 (14%)	0	5	5	2

Ввиду того что реабилитация нацизма все чаще совершается с использованием сети Интернет, территориальная распространенность преступлений (или география преступности) постепенно утрачивает свое значение как качественный криминологический показатель.

За последние пять лет количественные показатели регистрируемых по исследуемой статье преступлений распределились по территории федеральных округов Российской Федерации следующим образом (см. рис. 2)⁶.

Приводимые данные будут более информативными при учете демографического фактора, который позволит определить уровень преступности с учетом ее территориальной распространенности. Основываясь на данных, полученных в результате Всероссийской переписи населения в 2020 г., становится возможным установить, что наибольший уровень зарегистрированных фактов реабилитации нацизма в расчете на 100 тыс. населения фиксируется в Северо-Западном (0,165) и Сибирском федеральных округах (0,142), наименее криминогенными являются Уральский (0,048), Северо-Кавказский (0,058) и Южный (0,059) федеральные округа.

Несмотря на то что модуль рассчитанных коэффициентов составляет менее единицы, это все не умаляет значимости криминологического исследования преступлений, предусмотренных

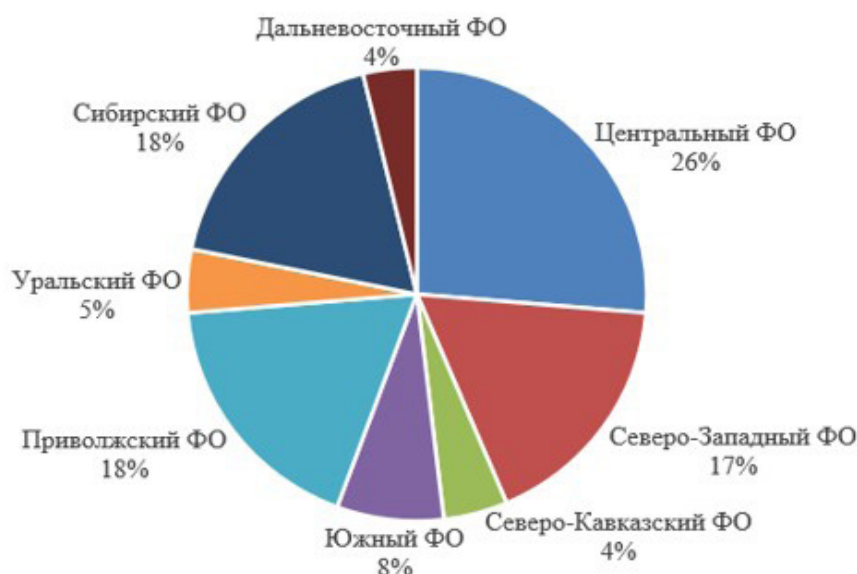
ст. 354¹ УК РФ. Пока же актуальное состояние криминологической обстановки в области реабилитации нацизма характеризуется следующими тенденциями: положительной динамикой роста исследуемых преступлений (среднегодовой темп прироста 44%); высокой долей прекращаемых уголовных дел на этапе предварительного расследования (33,5%); преобладанием доли преступлений средней тяжести в структуре регистрируемых по ст. 354¹ УК РФ (свыше 80%). В среднем свыше 85% фактов реабилитации нацизма совершается с использованием сети Интернет, большая часть исследуемых преступлений регистрируется в Центральном федеральном округе, но наибольший уровень зарегистрированных фактов реабилитации нацизма в расчете на 100 тыс. населения фиксируется в Северо-Западном и Сибирском федеральных округах.

2. *Субъективные элементы криминологической характеристики реабилитации нацизма.* Большая часть исследуемой группы преступлений совершается мужчинами (93,5%). Женщины же в контексте реабилитации нацизма обладают гораздо меньшей криминальной активностью – 6,5%⁷.

Согласно статистике среди общего числа лиц, совершивших преступление, предусмотренное

⁶ Сводные сведения о преступлениях экстремистской и террористической направленности в период с 2019 по 2023 гг. по форме «256-ФЗТ» [Электронный ресурс]. – URL: <http://10.5.0.16/csi> (дата обращения: 10.08.2024).

⁷ Форма статистической отчетности № 11.1 «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»: сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019–2023 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdpep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.08.2024).

Рисунок 2. Территориальное распределение преступлений, зарегистрированных по ст. 354¹ УК РФ, в период с 2019 по 2023 гг. по федеральным округам Российской Федерации

ст. 354¹ УК РФ, могут быть выделены две наиболее криминально активные возрастные группы: лица в возрасте от 18 до 24 лет (30,9%) и лица в возрасте от 30 до 39 лет (20,3%). По остальным возрастным группам количественные показатели распределились следующим образом: лица в возрасте от 16 до 17 лет – 11,4%; лица в возрасте от 25 до 29 лет – 8,1%; лица в возрасте от 40 до 49 лет – 15,4%; лица в возрасте от 50 лет и старше – 13,8%⁸.

Волнообразная кривая криминальной активности различных возрастных групп указывает на неоднородность криминального ядра, а также опровергает тезис о том, что реабилитация нацизма – явление, характерное лишь для молодежи, находящейся на существенной исторической дистанции от культурных событий прошлого своей страны и выступающей первоочередным объектом неонацистской пропаганды.

Анализ статистических сведений об уровне образования лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 354¹ УК РФ, обнаруживает, что 26,8% из них имеют высшее профессиональное образование; 25,2% – среднее профессиональное; 26,8% – среднее общее. И лишь 17,8% лиц на момент совершения преступления имели основное общее или неполное среднее общее образование⁹.

⁸ Там же.

⁹ Форма статистической отчетности № 11.1 «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»: сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019–2023 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.08.2024).

Уровень образования во многом определяет и социальное положение преступников. Учитывая, что 17,8% лиц на момент совершения преступления имели основное общее или неполное среднее общее образование, то эта же группа в социально-демографическом контексте имеет статус обучающихся (школьников, студентов). Среди лиц старшего возраста, осужденных по ст. 354¹ УК РФ, 40,6% на момент совершения преступления не имели постоянного источника дохода, но все же оставшаяся большая доля лиц, реабилитировавшихся нацизм, составившая в своем объеме 41,6%, была трудоустроена и имела стабильный заработок¹⁰. Более того, среди последней группы свыше 60% лиц положительно характеризовались по месту работы, имели хорошие взаимоотношения с коллегами и никогда не были замечены в конфликтах на почве национальной или религиозной ненависти либо вражды.

Среди лиц, совершивших деяния по реабилитации нацизма, 26,8% ранее совершали преступления, а 24,3% являются ранее судимыми, среди которых преобладают судимости за преступления против собственности (53,6%) и преступления экстремистской направленности (26,7%)¹¹, что также немаловажно в контексте понимания криминогенной направленности личности лица, реабилитирующего нацизм.

Нередко преступления рассматриваемой категории совершаются в состоянии алкогольного опьянения (6,9%), что учитывается судом в каче-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

стве отягчающего обстоятельства при назначении наказания. При этом осужденные, находящиеся в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения, расценивают свои действия как хулиганство, «причиной которых стало выпитое спиртное», признают свою вину и раскаиваются в содеянном, подчеркивая, что «не имели цели реабилитации нацизма», «умысла кого-то оскорбить» и утверждают, что «если бы они были трезвыми, то такого бы не сделали»¹².

Соучастие согласно результатам проведенного исследования – явление характерное в большей части для деяний, изложенных в чч. 3–4 ст. 354¹ УК РФ. Групповой характер преступного взаимодействия обусловлен общностью преступной мотивации [12], характерной скорее для хулиганских мотивов. Это проявляется в индивидуально-психологических особенностях личности преступников в виде наличия индивидуального стиля самовыражения, что выявляется за счет публичного характера совершаемых таким лицом действий.

Большая часть (89%) лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 354¹ УК РФ, в случае выявления таких фактов правоохранительными органами и реализацией в отношении них уголовного преследования полностью признавали вину и раскаивались в содеянном. Совокупный анализ сведений о личности лица, совершившего преступление, его поведения на этапе предварительного расследования, а также показаний свидетелей и иных участников, привлекаемых для производства по уголовному делу, указывает, что такое раскаяние носит по большей части тактический характер. Вскрыть реальное отношение лица к содеянному в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела просто. В связи с чем истинные мотивы преступного поведения, как и иные нравственно-психологические признаки личности преступника, остаются неустановленными, в то время как их роль является ключевой в генезисе такого преступления, как реабилитация нацизма.

Для лиц, совершивших преступление, согласно экспертным заключениям, содержащимся в материалах уголовных дел по ст. 354¹ УК РФ, характерна приверженность или как минимум симпатия к идеологическим принципам нацизма, таким как идея расового превосходства, крайний национализм, авторитаризм, маркерами которых является «демонстрация положительного эмоционально-смыслового отношения к действиям, со-

вершенным фашистской Германией в годы Второй мировой войны». Примечательно, что у таких лиц наряду с пронацистскими установками встречаются выраженные антироссийские или антисоветские установки.

Обобщив данные о личности лиц, осужденных по ст. 354¹ УК РФ, а также проведя психологический анализ данных ими показаний, стало возможным установить, что чаще всего совершенные деяния были обусловлены хулиганскими и экстремистскими мотивами¹³.

Импульсивность, агрессивность и решительность также являются характерными эмоционально-волевыми качествами личности, реабилитирующей нацизм. Они обуславливают проявленность личности и имеют внешнее выражение в поведении и поступках лица. В то же время сопутствующими характеристиками в некоторых случаях являются нестабильный эмоциональный фон, повышенная раздражительность, сниженный уровень эмпатии.

С учетом того что свыше 85% преступлений, предусмотренных ст. 354¹ УК РФ, совершается в сети Интернет, это не может не отражаться на характеристике личности преступника. Представляет особый интерес тот факт, что в 19% таких преступлений лицо использовало псевдоним для сокрытия данных о себе и своей личности при публичном распространении сведений, реабилитирующих нацизм. Чаще всего в качестве псевдонима использовались имена известных нацистских преступников, адаптированные с учетом требований пользовательских соглашений и политики конфиденциальности социальной сети, например Эдвард Штрейхер¹⁴ или Слава Гесс¹⁵. А в 8% случаев преступления совершались лицами, администрирующими страницу собственного тематического сообщества в социальной сети. Как правило, в большинстве случаев преступники использовали социальную сеть «ВКонтакте» (88%),

¹³ Под экстремистским мотивом автор понимает не только мотивы, изложенные в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, но и иные смежные мотивы, основанные на противопоставлении я (мы) – общество. Это означает, что виновный стремится подчеркнуть свою принадлежность к «доминирующей», по его мнению, социальной группе, группоцентричный характер его действий имеет целью демонстрацию самопровозглашенной «доминирующей» роли и реализуется, как правило, путем проявления агрессии (как вербальной, так и невербальной) в отношении представителей «оппозиционной» социальной группы.

¹⁴ Приговор Верховного Суда Республики Крым от 30 октября 2015 года по уголовному делу № 1-25/2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 10.08.2024).

¹⁵ Приговор Ярославского областного суда от 7 декабря 2021 года по уголовному делу № 2-16/2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 10.08.2024).

¹² См.: приговор Смоленского областного суда от 22 февраля 2022 года по уголовному делу № 2-9/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 10.08.2024); приговор Верховного Суда Республики Коми от 2 октября 2023 года по уголовному делу № 2-16/2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 10.08.2024).

реже «Одноклассники» (4%), а также мессенджеры Telegram (6%) и WhatsApp (4%).

Изучение особенностей личности лица, реабилитирующего нацизм, позволило обнаружить неоднородность данного вида преступности, обусловленную разнокачественностью ее характеристик. В общем криминологическом портрете преступников были обнаружены определенные корреляции психологических и социально-демографических признаков личности преступников. Это позволило выявить следующие типы преступников, совершивших преступление, предусмотренное ст. 354¹ УК РФ, и детализировать их криминологический портрет:

– преступники последовательно-криминогенного и ситуативно-криминогенного типа с выраженной экстремистской мотивационной доминантой и пропагандистской ориентацией – лица в возрасте от 20 до 30 лет с ярко выраженной идеологической фиксацией, антисоциальной направленностью, внешним маркером которого является группоцентричный характер публичной коммуникации и поведения, сопряженный с агрессией, подчеркивающей принадлежность к релевантной и «доминирующей» социальной группе, а также с возбуждением ненависти или вражды к «оппозиционной» группе для обоснования ее «второсортности». При этом специфика данного типа личности среди аналогичного, встречающегося среди лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, состоит в том, что целью такого лица является не непосредственное совершение идеолого-мотивированных насильственных действий, а идеологическая пропаганда. Это определяет необходимость использования интернет-пространства для как можно более широкого идеологического воздействия;

– преступники ситуативного типа с выраженной хулиганской мотивационной доминантой – лица в возрасте от 16 до 40 лет, характеризующиеся меньшей степенью сформированности антисоциальной направленности, но активно демонстрируемым отрицательным отношением к нравственным ценностям, для которого идеологический императив является вторичным, доминирующее значение имеют хулиганские мотивы, выражающиеся в желании нарушить социальные нормы и противопоставить себя окружающим, обратить на себя внимание;

– преступники случайного типа с неосознаваемой преступной мотивацией – лица от 40 лет и старше, характеризующиеся общей положительной направленностью, идеологически нейтральные, которым не присуще чувство разумной осторожности в проявлениях собственного поведения, включая публичную коммуникацию, а также характеризующиеся сниженными когнитивными

возможностями предвидения возможных последствий своих действий. В качестве неосознаваемых мотивов преступного поведения чаще всего выступают мотивы компенсаторного или гиперкомпенсаторного характера, что приводит к импульсивным, необдуманным и рискованным поступкам.

3. *Детерминанты реабилитации нацизма.* Выбор стратегии противодействия криминальным явлениям во многом зависит от степени полноты криминологически значимой информации об объекте противодействия, которой располагают правоохранительные органы. Для задачи предупреждения преступных действий по реабилитации нацизма не менее важны данные об ее детерминантах.

Преступления, предусмотренные ст. 354¹ УК РФ, обусловлены целым комплексом взаимосвязанных причин и условий, которые целесообразно рассматривать в зависимости от уровня их возникновения, дифференцируя на объективные и субъективные детерминанты.

Несмотря на свою идеолого-апологетическую природу, реабилитация нацизма объективно детерминирована противоречиями экономического (низкий уровень благосостояния населения, существенный разрыв в доходах меньшинства и большинства населения, рост инфляции, экономическая нестабильность в условиях санкционного давления и т.д.), социального (увеличение числа нелегальных мигрантов, сопряженное с ростом их криминальной активности, межнациональные (межэтнические) конфликты, поляризация населения на фоне социальных различий, социальное неравенство и расслоение общества), политического (иностранное влияние и пропаганда радикального национализма как средство политической и геополитической борьбы, кризис идеи традиционного национального государства, искаженное понимание патриотизма, отсутствие государственной идеологии и неудачные попытки ее замещения) и культурного характера (культурный и исторический ревизионизм, борьба с советским культурным наследием, культ «национального возрождения» на постсоветском пространстве, негативное влияние СМИ).

Опираясь также на результаты криминологического изучения личности преступника, реабилитирующего нацизм, следует указать и на особую роль личности в детерминации исследуемого вида преступления. В этой связи с позиции субъективного уровня ключевыми составляющими причинного комплекса реабилитации нацизма являются внутриличностные деформации идеологического (потребность в поиске упрощенной картины объективного мира и склонность к субъективной концептуализации объективной действительности), духовно-нрав-

ственного (девальвация морально-нравственных ценностей, разрушение моральных устоев), психологического (чрезмерная психологическая внушаемость и стремление к реактивному сопротивлению налагаемым законом ограничениям и запретам), культурно-воспитательного характера (трудности в воспитании подрастающего поколения, снижение качества образования и уровня исторической грамотности населения).

На основании изложенного можно сделать вывод, что реабилитацию нацизма в криминологическом смысле следует рассматривать скорее как подвид преступности экстремистской направленности, который, несмотря на крайне малый удельный вес в структуре преступности указанного вида и преступности в целом, в последнее десятилетие обнаружил свою специфичность, которая проявляется как в ее объективных, так и субъективных характеристиках и детерминантах.

Литература

---

1. **Денисова А.В.** Уголовная ответственность за действия, реабилитирующие нацизм: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 1. – С. 107–116.
2. **Ростокинский А.В., Данелян С.В., Мещерякова Т.Ф.** Об особенностях привлечения к уголовной ответственности за реабилитацию нацизма // Образование и право. – 2021. – № 12. – С. 227–232.
3. **Мараева А.В.** Вопросы толкования термина «реабилитация нацизма» применительно к статье 354.1 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 153–155.
4. **Советова М.В.** Действие статьи 354.1 УК РФ в пространстве по кругу лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2024. – № 1 (43). – С. 162–167.
5. **Кибальник А.Г.** Судебная практика применения нормы о реабилитации нацизма (чч. 1, 2 ст. 354.1 УК РФ) // Уголовное право. – 2023. – № 10 (158). – С. 32–43.
6. **Шевелева К.В.** Повышение эффективности применения норм об ответственности за реабилитацию нацизма // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 2 (88). – С. 91–93.
7. **Иванов А.Ю.** Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 183 с.
8. **Пошелов П.В.** Уголовно-правовая оценка реабилитации нацизма: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – 193 с.
9. Курс советской криминологии. Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; под ред. В.Н. Кудрявцева [и др.]. – Москва: Юридическая литература, 1985. – 350 с.
10. **Горяинов К.К.** Криминологическая обстановка (методологические аспекты). – Москва: ВНИИ МВД СССР, 1991. – 98 с.
11. **Дизер О.А.** Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70. – EDN TNIVHD.
12. Правовые основы и организация деятельности полиции по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий: учебное пособие / О. И. Бекетов, С. В. Белов, А. А. Вакутин [и др.]. – Омск: Омская академия МВД России, 2018. – 120 с. – EDN YARDJR.

References

---

1. **Denisova A.V.** Ugolovnaya otvetstvennost' za dejstviya, reabilitiruyushchie nacizm: sravnitel'no-pravovoj analiz // Zhurnal zarubeznogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2023. – T. 19. – № 1. – S. 107–116.
2. **Rostokinskiy A.V., Danelyan S.V., Meshcheryakova T.F.** Ob osobennostyah privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti za reabilitatsiyu nacizma // Obrazovanie i pravo. – 2021. – № 12. – S. 227–232.
3. **Maraeva A.V.** Voprosy tolkovaniya termina «reabilitatsiya nacizma» primenitel'no k stat'e 354.1 UK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 5. – S. 153–155.
4. **Sovetova M.V.** Dejstvie stat'i 354.1 UK RF v prostranstve i po krugu lic // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. – 2024. – № 1 (43). – S. 162–167.
5. **Kibal'nik A.G.** Sudebnaya praktika primeneniya normy o reabilitatsii nacizma (chch. 1, 2 st. 354.1 UK RF) // Ugolovnoe pravo. – 2023. – № 10 (158). – S. 32–43.
6. **Sheveleva K.V.** Povyshenie effektivnosti primeneniya norm ob otvetstvenosti za reabilitatsiyu nacizma // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2022. – № 2 (88). – S. 91–93.
7. **Ivanov A. Yu.** Ugolovnaya otvetstvennost' za reabilitatsiyu nacizma: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2018. – 183 s.
8. **Poshelov P.V.** Ugolovno-pravovaya ocenka reabilitatsii nacizma: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2024. – 193 s.
9. Kurs sovetskoj kriminologii. Vsesoyuznyj institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti; pod red. V.N. Kudryavceva [i dr.]. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1985. – 350 s.
10. **Goryainov K.K.** Kriminologicheskaya obstanovka (metodologicheskie aspekty). – Moskva: VNIИ MVD SSSR, 1991. – 98 s.
11. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya ohrana obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoj bezopasnosti v usloviyah formirovaniya cifrovogo prostranstva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (89). – S. 63–70. – EDN TNIVHD.
12. Pravovye osnovy i organizatsiya deyatelnosti politsii po obespecheniyu obshchestvennogo poryadka i bezopasnosti pri provedenii massovyh meropriyatij: uchebnoe posobie / O. I. Beketov, S. V. Belov, A. A. Vakutin [i dr.]. – Омск: Омская академия МВД России, 2018. – 120 s. – EDN YARDJR.

(статья сдана в редакцию 05.09.2024)

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением ФИО автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с. 25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

